

ВЕК

ISSN 1994–9065

4(24)

2017

ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)

РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В.,
Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д.,
Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г.,
Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У.
(США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Даф-
ферн Т. (Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В.
(Иран), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия),
Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания),
Сабден О. С. (Казахстан), Сергеев М. Ю. (США), Степин В. С. (Россия), Ур-
сул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия).

Адрес редакции:

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, к. 205, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Омельченко Н. В. О метафизических основаниях тирании	3
Ковалев Ю. А. Новая геополитическая реальность и вопросы идеологии	14
Снакин В. В. Глобализация и социобиология	23
Ковылин Ю. А., Мамедов Н. М. Становление и развитие техносферы: перспективы гармонизации	33

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Балашова Н. А. Виртуализация насилия как мегатренд социальной эволюции	45
Махаматов Т. М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект	55
Авдеева И. А. Глобальная этика и локальный эгоизм	62

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Розенберг Г. С. Ноосферный каркас городов, экологические столицы бассейнов рек и устойчивое развитие в условиях глобализации	68
Васецова Е. С. Алжир в контексте региональной безопасности на Ближнем Востоке	82
Ницшке П. Миграция, равенство и неравенство в глобализированном мире: парадокс переосмысления национального государства	92

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Воробьева О. Д., Алешковский И. А., Гребенюк А. А. Трансформация российской эмиграции на рубеже XX–XXI вв.	100
Береговая О. А., Кудашов В. И. Глобализирующийся мир и трансформация высшего образования	112
Ро С., Пастор Т. Президентские выборы во Франции и энергетические ставки	122
<i>Contents</i>	127

ТЕОРИЯ

О МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ТИРАНИИ

Омельченко Н. В.*

Настоящая статья представляет собой опыт рассмотрения теоретических и философских оснований различных форм тирании (диктатуры, тоталитаризма, фашизма и пр.). По мнению автора, субъективизм, субъективный идеализм являются философией тиранов. Тоталитаризм определяется как социальная система, в которой индивидуальное или корпоративное Я подчиняет себе все общественные институты и отношения. Автор полагает, что люди уже живут в условиях латентного тоталитаризма, который обеспечивается анонимным контролем и управлением. По его мнению, реальной альтернативой идеологии тирании может быть метафизика уважения к человеку.

Ключевые слова: философия, тирания, субъективизм, субъективный идеализм, латентный тоталитаризм, метафизика уважения к человеку.

In this paper the author presents an experience in considering theoretical and philosophical basis of the different forms of tyranny (dictatorship, totalitarianism, fascism and so on). According to the author, subjectivism, subjective idealism is a philosophy of tyrants. Totalitarianism is treated as a social system where an individual or corporate «I» dominates over all the social institutes and relations. The author believes that people already live in the conditions of latent totalitarianism that is provided with an anonymous control and governance. In his opinion, a metaphysics of respect for humans could be a real alternative to the ideology of tyranny.

Keywords: philosophy, tyranny, subjectivism, subjective idealism, latent totalitarianism, metaphysics of respect for humans.

Введение

Очевидно, данная тема весьма актуальна. Обратимся к литературному свидетельству. Так, в повести «Чума» (1947) Альбер Камю рассказывает о более реальном противостоянии абсурду, чем в «Мифе о Сизифе» (1942). Когда в город пришла чума, жители повели себя по-разному: одни бросились в погоню за последними радостями, другие впали в полное безразличие к происходящему. Эпидемия до предела обострила чувство заброшенности и одиночества, когда никто «не мог рассчитывать на помощь соседа и вынужден был оставаться наедине со всеми

* Омельченко Николай Викторович – д. ф. н., профессор, независимый исследователь, г. Волгоград.
E-mail: nomelchenko1@yandex.ru.

своими заботами» [Камю 1990: 168]. Иначе говоря, чума превратила людей в Сизифов, которым оставалось одно – аккуратно катать свой камень и с ужасом ожидать своего конца.

Однако герои повести – доктор Риз, Тарру и их друзья – избрали иной путь, путь человека. Они были твердо убеждены, что «необходимо бороться теми или иными способами и никоим образом не становиться на колени» [Там же: 211]. У них была ясная цель: побороть чуму. И они боролись, как могли, прилагая максимум своих усилий. Вместе с тем Камю не делает вывода о том, что именно люди победили чуму. Он говорит о том, что болезнь будто иссякала сама собой [Там же: 311].

Очевидно, существует несколько причин прекращения эпидемии. Надо полагать, что решающим фактором ее отступления явилось упорное человеческое сопротивление. Сопротивление чуме – это то, «что следовало совершить и что, без сомнения, обязаны совершать все люди вопреки страху...» [Там же: 340]. Доктор Риз и его друзья стремились победить чуму. Однако они так и не узнали причин вспыхнувшей эпидемии.

По свидетельству самого А. Камю, «явное содержание “Чумы” – это борьба европейского Сопротивления против фашизма» [цит. по: Великовский 1973: 105]. Принимая авторскую оценку, можно прийти к неутешительному заключению: Европа так и не узнала этиологию коричневой чумы. Опасно, если люди до сих пор пребывают в неведении относительно причин и сущности этого бедствия. Видимо, им стоит более внимательно всматриваться в данный феномен, стремясь разглядеть его истоки, раскрыть тайну его происхождения, чтобы однажды их дом не накрыла ночь глобального тоталитаризма.

Всемогущество мыслей Джорджа Беркли

В работе «Тотем и табу» (1912) Зигмунд Фрейд писал: «Название “всемогущество мыслей” я позаимствовал у высоко интеллигентного, страдающего навязчивыми представлениями больного, который по выздоровлении, благодаря психоаналитическому лечению, получил возможность доказать свои способности и ум» [Фрейд 1991: 277–278]. Пациент избрал это слово для обозначения тех странных и жутких процессов, которые мучили его, как и всех страдающих такой же болезнью. Например, стоило больному подумать о ком-нибудь, как он встречал уже это лицо, как будто вызвал его заклинанием; стоило ему произнести даже не совсем всерьез проклятие по адресу какого-нибудь постороннего лица, как у него появлялись опасения, что тот вскоре после этого умрет, и на него падет ответственность за эту смерть.

З. Фрейд считал, что всемогущество мыслей яснее всего проявляется при неврозе навязчивости; результаты этого суеверия, «примитивного образа мыслей» здесь ближе всего сознанию. По его мнению, всемогущество мыслей, то есть слишком высокая оценка душевных процессов в сравнении с реальностью, имеет неограниченное влияние в аффективной жизни невротика и во всех вытекающих из нее последствиях. Но такое поведение индивида показывает, как он близок к дикарю, который «старается одними только мыслями изменить внешний мир» [Там же: 278, 279].

В названной работе Фрейд попытался применить свой психоаналитический метод «к невыясненным проблемам психологии народов» [Там же: 193]. Нельзя

сказать, что все его объяснения выглядят убедительными. Но, думается, наблюдения, связанные с феноменом всемогущества мыслей в жизни первобытных племен, заслуживают внимания.

Фрейд соглашался с той классификацией человеческих мирозерцаний, в которой анимистическая фаза сменяется религиозной, а последняя – научной. Он полагал, что на анимистической стадии человек сам себе приписывает всемогущество мыслей, на религиозной он уступил это всемогущество богам, но не совсем серьезно отказался от него, потому что сохранил за собой возможность управлять богами по своему желанию разнообразными способами воздействия. В научном мирозерцании нет больше места для могущества человека, который сознался в своей слабости и подчинился естественным потребностям. Однако в доверии к могуществу человеческого духа, считающегося с законами действительности, еще жива некоторая часть примитивной веры в это всемогущество [Фрейд 1991: 280].

Итак, по Фрейду, мышление примитивного человека характеризуется верой во всемогущество мыслей, непоколебимой уверенностью в возможность властвовать над миром и непониманием легко устанавливаемых фактов, показывающих человеку его настоящее положение в мире. В частности, психоаналитик отмечал, что «известного рода солипсизм или берклейанизм... действующий у дикаря, не позволяет ему признать реальность смерти» [Там же: 281–282].

Представленная апелляция к Фрейду позволяет сказать: интеллектуальный нарциссизм, всемогущество мыслей в философии есть не что иное, как субъективный идеализм Джорджа Беркли. Очевидно, здесь уместно вспомнить основные постулаты бессмертной метафизики.

В своем главном «Трактате о принципах человеческого знания» (1710) Дж. Беркли доказывал, что *объекты* человеческого познания являют собой идеи, либо непосредственно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо идеи, образуемые при помощи памяти и воображения, либо, наконец, идеи, возникающие через соединение, разделение или просто представление того, что было первоначально воспринято одним из перечисленных способов. Так, посредством зрения человек составляет идеи о свете и цветах, об их различных степенях и видах. Посредством осязания он воспринимает твердое и мягкое, теплое и холодное, движение и сопротивление. Обоняние дает запахи, вкус – ощущение вкуса, слух – звуки во всем их разнообразии.

Согласно Беркли, поскольку различные идеи наблюдаются вместе одна с другою, то их обозначают одним именем и считают какой-либо вещью. Например, наблюдают соединенными вместе определенный цвет, вкус, запах, форму, консистенцию, признают это за отдельную вещь и обозначают словом *яблоко*; другие собрания идей образуют камень, дерево, книгу и тому подобные чувственные вещи.

Рядом с этим бесконечным многообразием идей существует нечто воспринимающее их: ум, дух, душа, то есть сам человек [Беркли 1978в: 171]. Все идеи (или предметы) «не могут существовать иначе как в духе, который их воспринимает». *Esse est percipi*. Существовать – значит быть воспринимаемым. Поэтому существование немыслящих вещей вне духа невозможно. Тем самым Беркли противопоставляет свою позицию преобладающему среди людей мнению, что дома, горы, реки, одним словом, чувственные вещи имеют существование, отличное от того,

как их воспринимает разум. Но это ничуть не смущает философа; он снова и снова стремится убедить читателя в правильности своего миропонимания, в котором «объект и ощущение одно и то же...» [Беркли 1978в: 173]. Так, мы видим не объективно реального человека, «а только известную совокупность идей, которая побуждает нас думать, что есть отдельный от нас источник мысли и движения, подобный нам самим...» [Там же: 242].

Для Беркли все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа. Следовательно, если они не восприняты мной или не существуют в уме какого-либо другого сотворенного духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме вечного духа, то есть Бога. Таким образом, когда говорится, что тела не существуют вне духа, то последний следует понимать «не как тот или другой единичный дух, но как всю совокупность духов» [Там же: 192].

Всеми своими аргументами Дж. Беркли [Там же: 177, 185, 188] хочет показать «невозможность существования такой вещи, как внешний предмет». В его метафизике *действительными вещами* называются идеи, запечатленные в ощущениях творцом природы. Термин «вещь» фактически заменен термином «идея», в частности потому, что первый «подразумевает нечто существующее вне духа», а это не допускается его мировоззрением.

В «Трех разговорах между Гиласом и Филонусом» философ пояснял своему воображаемому собеседнику: «Я не за превращение вещей в идеи, а скорее – идей в вещи; те непосредственные объекты восприятия, которые, по-твоему, являются только отображениями вещей, я считаю самими реальными вещами» [Его же 1978а: 339]. Иначе говоря, «реальность вещей» в действительности означает «реальность идей».

Философия Беркли знает только одну субстанцию – дух, и только одну реальность – идеальную, духовную. Эта реальность распределена между Богом и сотворенными им духами. Весь так называемый объективный мир (Космос, природа, общество) существует только в рамках, внутри этих духов; его автономное существование исключается.

Дж. Беркли [1978в: 243] писал: «Но если под *природой* подразумевается некоторое сущее, отличное как от Бога, так и от законов природы и вещей, воспринимаемых в ощущениях, то я должен сознаться, что это слово есть для меня пустой звук...». При этом под законами природы понимаются «те твердые правила и определенные методы, коими дух, от которого мы зависим, порождает или возбуждает в нас идеи ощущений...» [Там же: 184]. Однако связь идей не предполагает отношения *причины к следствию*, а только *метки или знака к вещи обозначаемой*. Например, видимый мною огонь есть не причина боли, испытываемой мною при приближении к нему, но только предостерегающий меня от нее знак. Согласно Беркли, именно в отыскании и попытках понимания этого языка творца природы должна заключаться задача естествоиспытателя, а не в притязании объяснить вещи телесными причинами [Там же: 201–202].

Очевидно, Дж. Беркли нашел весьма простой и вместе с тем радикальный способ избавиться от материальности бытия: он объявил весь мир идеальной реальностью, которая присуща различным духовным субстанциям. Но если весь мир оказывается сплошной композицией идей, то, разумеется, для материи в нем не остается никакого места. Итак, по Беркли, мир есть совокупность духовных субстанций, каждая из которых наполнена своим комплексом идей.

Хотя Дж. Беркли любил апеллировать к обыкновенным людям, которые якобы намного легче, чем философы, согласятся с его рассуждениями и доводами, в действительности очень трудно убедить здравый смысл принять логику ирландского епископа. Вместе с тем (что весьма любопытно) если на уровне теоретической философии подобное мировоззрение нередко кажется чистым курьезом, то в области социальных и политических отношений мы легко усваиваем берклианский стиль «всемогущества мыслей». Однако метафизика Беркли есть философия тиранов, идеология тоталитарного правления.

Верным признаком любой диктатуры служат насилие и политический произвол, методологическим основанием которого является субъективизм. В этой связи можно вспомнить, как в известном романе Дж. Оруэлла о тирании «1984» один высокопоставленный чиновник так называемой внутренней партии совершенно серьезно говорил о себе подобных: «Мы покорили материю, потому что мы покорили сознание. Действительность – внутри черепа. ...Для нас нет ничего невозможного. ...Вы должны избавиться от представлений девятнадцатого века относительно законов природы. Мы создаем законы природы» [Оруэлл 1989: 179]. Перед нами прекрасная иллюстрация метафизики Джорджа Беркли, который писал: «Если допустить, что мир состоит из материи, то красоту и пропорциональность ему придает ум...» [Беркли 1978б: 41].

Согласно Беркли [Там же], «непосредственно ничего не существует, кроме личностей, то есть разумных вещей, все же другие вещи являются не столько самостоятельно существующими, сколько способами существования личностей». Когда политико-экономическая элита начинает воображать, что непосредственно ничего не существует, кроме нее самой, то есть подлинных личностей, а весь остальной мир (человек, общество, природа) рассматривается как способ ее существования, тогда она обращается к языку оруэлловского функционера: «Для нас нет ничего невозможного», – и создает законы общества и природы.

Имея в виду гигантские масштабы идеологического давления власти, информационного кодирования масс в современном обществе, можно определенно говорить: мир Оруэлла не настолько фантастичен, как принято думать. Сегодня мы на пороге глобального тоталитаризма.

Субъективизм и тирания

Среди важнейших потребностей человека Эрих Фромм называл «соотнесенность или нарциссизм / relatedness vs. narcissism» [Fromm 1955: 30]. По его мнению, существуют различные возможности искать и достичь объединения с другими людьми. Оптимальным отношением является любовь, которая представляет собой «*объединение с другим человеком или предметом вне самого себя при условии сохранения обособленности и целостности самого себя*» [Фромм 1988: 452].

Человек же в состоянии нарциссизма знает только одну реальность: свой собственный процесс мышления, свои чувства и потребности. Он не воспринимает и не переживает внешний мир *объективно*, то есть не ощущает его как нечто такое, что имеет собственное положение, собственные условия и потребности [Там же: 456]. Иначе говоря, нарциссизм есть форма субъективизма.

Кроме того, человек может попытаться достичь единства с внешним миром тем, что он, с одной стороны, приобретает над ним *власть*, при этом он делает других составной частью самого себя и таким образом трансцендирует свое ин-

дивидуальное бытие через порабощение других. С другой стороны, человек сам полностью *подчиняется* человеку, группе, институту или богу. Оба участника потеряли свою целостность и свою свободу [Фромм 1988: 451].

Другими словами, суть тирании заключается в том, что субъект подчиняет себе объект, фактически поглощает его. Объект теряет свое автономное существование, свою самостоятельность и начинает функционировать как придаток субъекта; объект оказывается продолжением жизнедеятельности субъекта.

С этой точки зрения тоталитаризм можно определить как социальную систему, в которой индивидуальное или корпоративное Я подчиняет себе все общественные институты и отношения. При таком порядке индивидуальное или корпоративное Я насильно распространяется, словно натягивается на социум, на окружающий мир. В условиях тирании субъективный, частный интерес (интерес или истина отдельного индивида, группы лиц или корпораций) начинает доминировать над всеобщим, над социальным. Тоталитаризм – это произвол, претендующий на социальную норму, это угрюм-бурчеевщина в глобальном масштабе. В тоталитарной системе субъективная, частная воля возводится в ранг всеобщей, универсальной. Тоталитаризм – это чрезмерные претензии субъективной воли, когда частная воля стремится накрыть собой все общество, весь мир, – и тогда наступит тоталитарное затмение.

Латентный тоталитаризм

Сегодня можно утверждать, что мы уже живем в условиях латентного тоталитаризма, который обеспечивается «невидимой инстанцией» (по выражению Сергея Довлатова). Для своих управленческих целей анонимные режиссеры и диспетчеры умело используют современную технику. По оценке Т. Ю. Денисовой [2015: 35], «оруэлловская антиутопия получила в реальности куда более мощную и безотказную техническую поддержку, чем это представлялось ее автору». Она напоминает, что герой Оруэлла Уинстон пытался спрятаться от всевидящего монитора в нише комнаты, сопротивлялся организованной истерии на «пятиминутках ненависти», искал возможности приватности. Однако, по ее мнению, «современный человек в большинстве своем не выражает никакого протеста против разнообразных систем слежения, обысков в аэропортах и на проходных, обязанности быть всегда доступным для связи со стороны руководства, электронных пропусков и паспортов. Он легко отказывается от всякой автономности, предельно самообнажаясь в сетях и приветствуя многочисленные передачи, смакующие чьи-нибудь интимные подробности. Глобальный технологизм, пронизывающий все сферы жизни, приучил к готовности быть всегда и везде прозрачным для технических устройств, а значит, для кого угодно, стоящего за этими устройствами» [Там же].

Вполне возможно, что вскоре появятся такие хроники: «Здесь живут с разрешения Невидимой Инстанции и умирают по ее команде».

Хорошо известна та критическая философия, которая полагает, что человек, создавая технику, в чем-то деградирует, а сама техника оказывается фактором порабощения человека. В качестве примера называют атомные бомбы или «мерзости телевидения» (Адорно).

В 1931 г. на съезде лидеров Мировой христианской федерации Н. А. Бердяев сделал доклад «Духовное состояние современного мира». В нем отмечалось, что

европейский человек потерял всякую веру. Он не верит больше в прогресс и гуманизм, в спасительность науки и демократии. Однако современный человек верит в могущество техники, машины, иногда кажется, что это единственное, во что он еще верит.

Согласно Бердяеву, «кризис нашего времени в значительной степени порожден техникой, с которой человек не в силах справиться. И это кризис прежде всего духовный» [Бердяев 1990: 218]. По его мнению, техника имеет безмерно более глубокое значение, чем обычно о ней думают. Она имеет космогоническое значение, она создает совершенно новую действительность. Как написал позже французский социолог Жак Эллюль, «среда, мало-помалу создающаяся вокруг нас, есть прежде всего вселенная Машины. Техника сама становится средой в самом полном смысле этого слова» [Эллюль 1986: 150].

По Бердяеву, техника дает в руки человека страшную, небывалую силу, силой, которой может быть истреблено человечество. Техника есть не только власть человека над природой, но и власть человека над человеком, власть над жизнью людей. Техника может быть обращена на служение Богу, но может быть обращена и на служение дьяволу. И потому философ призывал христианство «определить отношение к новой действительности» [Бердяев 1990: 220].

Мартин Хайдеггер, обсуждая вопрос о технике, отмечал: «Сущность техники покоится в по-ставе» [Хайдеггер 1986: 59]. По его мнению, «техника по своей сущности есть нечто такое, чем человек сам по себе овладеть не может» [Беседа с сотрудниками... 1991: 242]. Далее философ пояснял: «Сущность техники я вижу в том, что я называю “по-ставом,” – многократно осмеянный и, возможно, неудачный термин. Господство по-става значит: человек поставлен, захвачен и используется силой, которая проявляется в сущности техники и которой он сам не владеет» [Там же: 244]. Вместе с тем Хайдеггер оставался оптимистом: «Я вижу положение человека в мире планетарной техники не как запутанную и неизбежную трагедию; мне кажется, что задача мышления как раз в том, чтобы помочь человеку в границах его возможностей достичь надлежащего отношения к сущности техники» [Там же: 246].

Любопытно, что, по Хайдеггеру, «тоталитаризм – это не просто форма правления, но следствие необузданного господства техники. Человек сегодня подвержен безумию своих произведений» [Беседа с Хайдеггером 1991: 151]. Это было сказано в 1969 г.

Сегодня становится все более очевидным, что традиционная критика техники недостаточна, поскольку сама по себе техника не вызывает негативных изменений в положении человека и обществе. Главный вопрос заключается в том, кто стоит за техникой, кто управляет ею и в каких целях. Современные исследователи должны приступить к изучению той невидимой инстанции, которая управляет прогрессирующей техникой и контролирует новейшие технологии.

Аргументы Милана Кундеры

По его замечанию, «если частный разговор всенародно транслируется по радио, то может ли это означать что-либо иное, кроме того, что мир превратился в концлагерь?»

И далее писатель продолжает свой рассказ:

Тереза пользовалась этим словом чуть ли не с детства, когда хотела выразить, какой представляется ей жизнь в ее семье. Концентрационный

лагерь – это мир, где люди живут бок о бок постоянно, денно и нощно. Жестокость и насилие лишь второстепенная (и вовсе необязательная) его черта. *Концентрационный лагерь – это полное уничтожение личной жизни* (курсив мой. – Н. О.). Прохазка, который не мог поговорить со своим приятелем за рюмкой вина в безопасности уединения, жил (даже не сознавая того – и в этом была его роковая ошибка!) в концлагере. Тереза жила в концлагере, когда находилась у матери. С той поры она знает, что концентрационный лагерь – не что-то исключительное, вызывающее удивление, напротив – это нечто данное, основное, это мир, в который мы рождаемся и откуда можем вырваться лишь при величайшем усилии [Кундера 2002: 165–166].

А вот описание одного сновидения.

Она маршировала вокруг бассейна голая вместе со множеством других голых женщин. Томаш стоял в корзине, подвешенной под сводом купальни, кричал на них и заставлял петь и делать приседания. Если какая-нибудь женщина приседала неловко, он убивал ее, стреляя из пистолета.

<...> Сон был ужасен с самого начала. Маршировать в строю голой – для Терезы основной образ ужаса. Когда она жила дома, мать запрещала ей запирается в ванной. Этим она как бы хотела сказать ей: твое тело такое же, как и остальные тела; у тебя нет никакого права на стыд; у тебя нет никакого повода прятать то, что существует в миллиардах одинаковых экземпляров. В материнском мире все тела были одинаковы, и они маршировали друг за дружкой в строю. Нагота для Терезы с детства была знаменем непреложного единообразия концентрационного лагеря; знаменем унижения [Там же: 70–71].

М. Кундера так оценивал свой роман «Невыносимая легкость бытия» (1984): «Роман – не авторская исповедь, а исследование того, чем является человеческая жизнь в той ловушке, в какую превратился мир». И эта западня очень сильно напоминает концентрационный лагерь.

Мы не склонны считать данное сравнение литературным преувеличением. Среди сценариев современного общественного развития вполне вероятным оказывается тупик глобального тоталитаризма.

Потребность в метафизике уважения к человеку

...В нашем обществе мы сталкиваемся с тем же явлением, которое повсюду питает корни фашизма: с ничтожностью и бессилием индивида.

Э. Фромм

Витторио Хёсле в своих Московских лекциях отмечал, что основная иллюзия метафизики нового времени – «ослабление принципа бытия благодаря усилению Я» [Хёсле 1992: 11]. По его мнению, именно философская недооценка природы приводит в конечном счете к экологическому кризису. Поскольку сегодня эта теоретическая тенденция сохраняется, «требуется остановить и повернуть

вспять нарастающую субъективистскую трансформацию природы». Мы должны научиться «метафизическому уважению к природе» [Хёсле 1992: 170, 164].

В. Хёсле справедливо считает, что философский субъективизм недооценивает внешнюю реальность и на практике ведет к ее разрушению. Субъективный идеализм конституирует хроническую неполноценность природы и, следовательно, ее изначальную униженность. Находясь в рамках подобной парадигмы, человек привыкает пренебрежительно относиться к окружающему миру. В конце концов эта дурная привычка приводит к столь серьезным последствиям, что под угрозой оказывается сама жизнь человеческого рода. Все призывы о необходимости уважения к природе остаются пустыми словами, поскольку философская традиция униженной природы способна вызвать лишь видимость, иллюзию такого уважения.

Однако если мы хотим выйти из экологического кризиса, от иллюзий лучше освободиться. Если же мы не желаем расставаться с милыми нашим сердцу фантазиями, тогда наступает день, когда у природы иссякает терпение и она предъявляет свой счет людям. Экологический кризис – это *testimonium paupertatis*, выданное природой интеллектуальной традиции униженного бытия. Современный экологический кризис – это протест природы против пренебрежительного отношения к ней со стороны людей. Мир предлагает человеку относиться к нему с уважением.

Но когда природа, общество и отдельные индивиды представляются лишь в качестве компонентов человеческого духа, в том числе сознания политических лидеров, то весьма проблематично говорить о какой-либо метафизике уважения к внешней реальности. Демократия же требует прежде всего признания объективной автономии и объективной ценности гражданского общества и личности.

Согласно Ф. А. фон Хайеку, в новой истории Европы генеральным направлением развития было освобождение индивида от разного рода норм и установлений, сковывавших его повседневную жизнедеятельность. В результате экономическая свобода явилась «незапланированным и неожиданным побочным продуктом свободы политической» [Хайек 1992: 20]. По его мнению, основополагающий принцип либерализма заключается в том, что, организуя ту или иную область жизнедеятельности, «мы должны максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению» [Там же: 21]. При этом следует иметь в виду, что «либерал относится к обществу, как садовник, которому надо знать как можно больше о жизни растения, за которым он ухаживает» [Там же: 22]. Иначе говоря, современному обществу требуется «правительство садовников», которое всегда имело бы в качестве главного ориентира идею Алексиса де Токвиля: «Демократия утверждает высочайшую ценность каждого человека...» [цит. по: Там же: 26].

Фридрих фон Хайек отмечал, что слово «индивидуализм» приобрело сегодня негативный оттенок и ассоциируется с эгоизмом и самовлюбленностью. Однако, по его мнению, именно индивидуализм, уходящий корнями в христианство и античную философию, впервые получил полное выражение в период Ренессанса и положил начало той целостности, которая стала называться западной цивилизацией. Основной чертой индивидуализма является «уважение к личности как таковой, то есть признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования» [Там же: 19].

На наш взгляд, изъян подобного истолкования заключается в признании «абсолютного суверенитета» взглядов и наклонностей человека. Другими словами, каждый человек оказывается мерой всех вещей. Но в таком случае кто может быть судьей в действиях и поступках индивида? Кто определит, что лучше – быть киллером или полицейским? Здесь сама личность решает, что есть хорошо и плохо, и ее решение оказывается *абсолютно* верным. Сколько индивидов – столько мнений, а сколько мнений – столько истин. Таким образом, подобный индивидуализм завершается софистикой и хаосом. По всей видимости, чтобы либерализм не превратился в софистику, нужно соблюдать меру свободы, в том числе такую максиму: мера свободы есть мера ответственности. Это, в частности, означает: чем больше у субъекта свободы, тем больше его ответственность в делах человеческих.

Очевидно, что сегодня требуется иной принцип, апеллирующий к идее сотрудничества, партнерства между социумом и природой, между государством и гражданским обществом, между властью и человеком. Возможно, это некая идеальная модель отношений, но к ней нужно стремиться, создавая и культивируя благополучие всех участников данного взаимодействия.

Если начало выхода из экологического кризиса видеть в создании метафизики уважения к природе, то преодоление социального и антропологического кризиса логично связывать с метафизикой уважения к обществу и отдельному человеку, то есть с гуманистической философией. Если парадигма «человек – господин природы» устарела, то можно предполагать, что современная оппозиция господина и раба в социальных и межличностных отношениях также скомпрометирует себя окончательно. Идея свободы – великая идея XXI в.

Литература

Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. Статьи, письма // Новый мир. 1990. № 1. С. 207–232.

Беркли Дж. Три разговора между Гиласом и Филонусом / Дж. Беркли // Соч. М. : Мысль, 1978а. С. 249–360.

Беркли Дж. Философские заметки / Дж. Беркли // Соч. М. : Мысль, 1978б. С. 39–47.

Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания / Дж. Беркли // Соч. М. : Мысль, 1978в. С. 149–247.

Беседа с Хайдеггером // Разговор на проселочной дороге: сб. / под ред. А. Л. Доброхотова. М. : Высшая школа, 1991. С. 146–158.

Беседа сотрудников журнала «Шпигель» Р. Аугштайна и Г. Вольфа с Мартином Хайдеггером 23 сентября 1966 г. // Философия Мартина Хайдеггера и современность / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М. : Наука, 1991. С. 233–250.

Великовский С. И. Грани «несчастливого сознания». Театр, проза, философская эссеистика, эстетика Альбера Камю. М. : Искусство, 1973.

Денисова Т. Ю. Свобода как ценность в условиях глобального технологизма // Ценности и нормы в потоке времени: материалы VI Международной научной конференции (Курган, 9–10 апреля 2015 г.) / отв. ред. Б. С. Шалютин. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 34–36.

Камю А. Избранное. М. : Правда, 1990.

Кундера М. Невыносимая легкость бытия. СПб. : Азбука-классика, 2002.

Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М. : Прогресс, 1989.

Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд // «Я» и «Оно». Труды разных лет: в 2 кн. Кн. 1. Тбилиси : Мерани, 1991. С. 193–350.

Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии: Переводы. М. : Прогресс, 1988. С. 443–480.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. П. С. Гуревич. М. : Прогресс, 1986. С. 45–66.

Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М. : Экономика, 1992.

Хёсле В. Гении философии нового времени. М. : Наука, 1992.

Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. П. С. Гуревич. М. : Прогресс, 1986. С. 147–152.

Fromm E. The Sane Society. New York, NY : Rinehart, 1955.

НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ

Ковалев Ю. А. *

Исследуются вопросы формирования многополярного мира как системы нескольких макрорегионов, в частности макрорегиона «Центральная Евразия» (МЦЕ), координатором в которой должна стать Россия. Эта работа столкнется с территориальными конфликтами. Преодолеть их можно через формирование на территории МЦЕ новой территориально-культурной общности. Это поставит вопрос о создании идеологического каркаса, несущего принятый большинством смысл. Его выработка потребует учета опыта мировых религий и истории «Красного проекта», которые рассматриваются в синергетической парадигме.

Ключевые слова: многополярный мир, территориально-культурная общность, идеология, христианство, ислам, нравственное воспитание, синергетика, «Красный проект», суперэтнос, цивилизационный код, коммунистический идеал.

The author examines the issues of formation of a multipolar world as a system of several macro-regions, in particular, the macro-region of Central Eurasia (MCE), in which Russia must become a coordinator. This paper will cover the territorial conflicts that can be overcome through the formation of the new territorial and cultural unity in the territory of MCE. This will raise a question of creation of an «ideological frame» that will carry a generally accepted meaning. Its elaboration will require consideration of the experience of world religions and the history of the «Red project», which are considered within the synergetic paradigm.

Keywords: multi-polar world, territorial-cultural community, ideology, Christianity, Islam, moral education, synergetics, «Red project», superethnos, the code of civilization, the Communist ideal.

Победа на президентских выборах в США антиглобалистской группировки, выдвинувшей Д. Трампа, создала предпосылки для формирования многополярного мира как системы нескольких региональных зон (макрорегионов) при координирующей роли соответствующих региональных держав и, в частности, макрорегиона «Центральная Евразия» (МЦЕ), координатором в которой должна стать Россия.

Разумеется, практические шаги при создании МЦЕ столкнутся с серьезными препятствиями, среди которых – нынешние территориальные конфликты. Вот лишь некоторые наши «болевы точки»: Крым и Юго-Восток Украины, Приднестровье, Грузия, Курильские острова. А поскольку сегодня каждая из сторон кон-

* Ковалев Юрий Александрович – к. ф. н., ученый секретарь Секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. E-mail: homme4@yandex.ru.

фликта настаивает на «собственной правде», широко прибегая к двойным стандартам и выборочному обращению к истории, ситуация зашла в тупик.

Нужна принципиально иная повестка дня. В принципе, она существует. Это идея формирования *новой территориально-культурной общности* на территории МЦЕ. В этом случае живущие здесь люди, по-прежнему принадлежат к своим (различным!) этносам, одновременно получили бы и *общую надэтническую* идентичность, что со временем «погасит» конфликты по территориальным вопросам. (Так, в СССР [территориально-культурная общность «советский народ»] жителям Крыма было не очень важно, относится их полуостров к юрисдикции РСФСР или УССР: страна-то была одна и та же!)

Однако судьба Советского Союза показывает: территориально-культурные общности не могут длительное время существовать без *идеологического каркаса*, который несет *принятый большинством смысл*. Но в нашем случае создание такого каркаса встретит мощнейшее препятствие в виде современного состояния сознания в бывших республиках СССР и в странах Восточной Европы. Я имею в виду существующий *цивилизационный* раскол их массового сознания на сторонников «европейского выбора» и тех, кто хотел бы сближения с Россией. В нашей стране этот раскол выглядит как существование «европейски ориентированного меньшинства» («западники») и сторонников «исконных русских ценностей» («русофилы»).

Кроме того, нельзя забывать и о том, что будущая территория МЦЕ – это сегодня поле взаимодействия (а нередко и конфликта) гигантских ценностных комплексов: постхристианской Европы, России и исламского мира. Или, упрощенно, христианской и мусульманской цивилизаций. Реалистично ли будет в этих условиях ставить вопрос о смысле, который смогло бы принять *большинство* населения?

Вполне реалистично, если избрать следующий подход к решению данного вопроса: необходимо найти возможность на *надконфессиональной (надцивилизационной)* основе решить ту же задачу, которую ислам и христианство решают с помощью *своих* ценностей. Если нам это удастся, мы получим необходимые исходные предпосылки для перехода к межкультурному диалогу и, на его базе, к постепенному снятию «конфликта цивилизаций» на территории МЦЕ**.

Для реализации только что сформулированного подхода будем исходить из двух предпосылок. Первая: обе эти религии ставят перед собой в конечном счете одинаковую задачу – обеспечить нравственный рост своих сторонников. Вторая: у них один и тот же «объект воздействия» – человек как *Homo sapiens sapiens*. Значит, должен существовать и некий **общий механизм**, лежащий в основе его нравственного роста, который используется обеими религиями. И этот общий механизм необходимо вскрыть. Только сделав это, мы сможем приступить к решению задачи по обеспечению нравственного роста любого человека, *независимо* от его цивилизационной (религиозной, этнической и т. д.) принадлежности. Каков же этот механизм?

Анализ показывает, что христианство (точнее, эзотерическое, то есть не для «массового использования», христианство) и ислам (эзотерический ислам – суфизм) исходят из того, что у человека имеется, условно говоря, «субстрат нрав-

** Речь, однако, не идет о еще одной попытке создания *идеократического* общества.

ственности»: *энергетические центры* (чакры или «ядра сознания»). Главных энергетических центров семь, отличаются они друг от друга частотными параметрами энергий, с которыми работают. А уровни нравственного роста определяются их последовательным раскрытием [Сидоров 2009]. Нас в данный момент будут интересовать только первые три «уровня нравственности».

Первый уровень. Человек, по сути, еще животное. Его поведение мотивировано почти исключительно базовыми врожденными инстинктами; он ориентирован на насильственное решение возникающих проблем и только на *собственное* материальное благополучие, подчиняется лишь тому, кто сильнее; окружающие для него – это в основном «питательная среда» или средство.

Второй уровень. Начинают формироваться совесть, сострадание, чувство справедливости. Возникает самая многочисленная в любой стране часть населения – труженики города и деревни, в целом честно работающие ради удовлетворения потребностей *своей* семьи и *своих* ближайших родственников.

Третий уровень. Удовлетворение материальных потребностей, чувственные удовольствия перестают быть главным и, по сути, единственным мотивом. Становятся значимой ценностью интересы не только родственников, но и *людей вообще*. Постепенно формируется новый базовый смысл: служение Отечеству. Таких людей невозможно купить. Их всегда мало. Руководители и воины, способные повести за собой массы людей, рекрутируются именно из них.

Теперь самое важное. Дело в том, что процесс нравственного роста имеет *«точку возврата»*. Если людей, достигших третьего уровня, «ценностно перестроить» практически уже невозможно, то у находящихся на втором уровне (у большинства населения!) подобной необратимости еще нет.

К примеру, пусть в некоторый данный момент у человека, относящегося ко второму «уровню нравственности», четко обозначилась направленность «вверх»: к дальнейшему нравственному восхождению. Однако под действием предлагаемых образцов поведения (например, вдруг возникшей в обществе доминанты на потребление высококачественных товаров и услуг, на развлечение как главные жизненные смыслы или усиленно культивируемой через СМИ «эротической атмосферы») направленность эта может измениться: «вниз». В результате начнется весьма быстрая нравственная (и интеллектуальная) деградация этого человека. И значит, большинства населения.

(Как отмечают эксперты, чтобы без единого выстрела уничтожить любую страну, достаточно: а) убрать из ее руководства представителей *третьего* уровня; б) допустить к процессу принятия важнейших экономических и политических решений и на главные каналы ТВ представителей *второго* и даже *первого* уровней; в) оставить всех их без жесткого контроля. Дальше все пойдет автоматически.)

Означает ли сказанное, что *гарантированный* нравственный рост невозможен в принципе? Чтобы ответить на этот вопрос, снова обратимся к практике христианства и ислама.

И христианство, и ислам исходят из того, что человек (если, конечно, он не барон Мюнхгаузен) самостоятельно *не может* «вытащить себя за волосы из болота».

(Это принципиально важно, поскольку любой иной вариант решения вопроса о «воспитании нового человека» в конце концов означает опору на *собственные* силы. По опыту СССР: в начальной школе – на силы Мариванны и активистов-

пионервожатых, затем на комсомол [если нужно, на участкового милиционера]; на «родную парторганизацию», а для тех, кто «так и не понял главного», на 5-е управление КГБ.

Впрочем, от вопроса о целенаправленном воспитании можно вообще уйти. Например, поручить его «невидимой руке рынка». Звучать это может красиво и «демократично», но не нужно питать здесь никаких иллюзий: при таком подходе формируется чаще всего не более чем грамотный потребитель.)

Итак, христианством и исламом во главу угла ставится, скажем так, *надчеловеческий* фактор, который и дает гарантию нравственного роста. А сами ценностные комплексы «христианство» и «ислам» выступают в этом случае «посредниками» между своими верующими и этим надчеловеческим фактором.

Следовательно, чтобы решить сформулированную в начале статьи задачу по выработке общего для большинства населения смысла в условиях цивилизационного противостояния, у нас есть единственный путь: *найти способ «задействовать» надчеловеческий фактор.*

Существует ли сегодня теория, которая может оказать нам помощь?

Существует. Как известно, человеческое общество является сложной нелинейной самоорганизующейся открытой системой. А такие системы изучает *синергетика* – новое метанаправление, появившееся в середине XX столетия [Степин 1999 и др.]. Значит, представленный выше механизм нравственного роста может и должен быть описан в ее категориях. Вот, коротко (и упрощенно), главное для нас в синергетике.

- Любая сложная самоорганизующаяся система имеет цель развития – свое конечное состояние, «расположенное» вне данной системы. Это конечное состояние системы, словно магнит, «организует из будущего» все множество потенциальных сценариев ее развития, приводя это множество к оптимальному сценарию. Конечное состояние системы называют аттрактором данной системы (от английского *attractor* – притягиватель).

- Только пока система находится в поле притяжения аттрактора = пока система выполняет свое предназначение, сформулированное в ее аттракторе, она может успешно развиваться; отказываясь от своего предназначения = «выпадая» из области притяжения своего аттрактора, система весьма быстро «ложится на траекторию», ведущую к катастрофе.

Следовательно, и человеческое общество, будучи сложной самоорганизующейся системой, должно иметь высшую цель своей эволюции: в иерархии аттракторов это *Главный Аттрактор*. Он и есть тот «надчеловеческий фактор», о котором шла речь выше.

По некоторым оценкам, тот объект, который в синергетической парадигме называется Главным Аттрактором (и соответствующая ему реальность, обозначаемая в христианстве как Бог-Сын, а в индуизме как Вишну), – это структура, известная в астрофизике как *черная дыра*, расположенная в центре нашей Галактики. В западной эзотерической традиции это Черное Солнце, или Великое Центральное Духовное Солнце Млечного Пути [Тезисы...]. Согласно современным астрофизическим представлениям, черные дыры являются хранилищами информации. По предположениям ряда астрофизиков, диаметр черной дыры в центре нашей Галактики (Главный Аттрактор) может составлять от нескольких световых

недель до светового года (около 10 трлн км), можно только пытаться представить себе ее информационную емкость.

Далее. Чтобы обеспечить, во-первых, относительную быстроту и, во-вторых, необратимость процесса открытия энергетических центров людей, Главный Аттрактор (по определению) должен содержать в себе: а) некоторое конечное состояние общества по параметру «уровень нравственности»; б) сценарий, обеспечивающий его достижения. В самом общем виде неизбежность такого сценария задается через предлагаемый **смысл** функционирования общества: не получение прибыли, а создание условий для физического и духовно-нравственного развития каждого человека. Такой смысл определяет и единственную цель, которая должна быть реализована: создается общество, где у активных, высокообразованных, физически развитых, готовых взять на себя ответственность людей: а) сложилась принципиально иная, нежели сегодня, структура потребностей (физиологические потребности ушли с первого плана, уступив место духовным потребностям); б) стала доминировать альтруистическая установка; в) сформировалось новое отношение к труду – он, став творческим и позволяя человеку самореализоваться, превратился в главную жизненную потребность; г) возникло новое отношение к природе – она теперь рассматривается не как «кладовая и мастерская» для человечества, а как живой организм и партнер. По сути, это **коммунистический идеал**.

Работа по формированию новой территориально-культурной общности на территории МЦЕ и должна развернуться на базе обозначенных только что теоретических предпосылок.

Но прежде все должно начаться в ключевой стране будущей территориально-культурной общности – в России, которая затем превратится в «мотор» для других стран, расположенных на территории будущей МЦЕ.

Обратим внимание на возникающие в этой связи основные вопросы.

Вопрос первый: почему именно Россия должна стать «мотором» для других?

Ответ кроется в специфических характеристиках российской цивилизации (российского суперэтнуса). По Л. Гумилеву [2007], любой суперэтнос – это гигантское человеческое сообщество, возникшее в результате «пассионарного толчка» («взрыва этногенеза»), то есть управляющего воздействия внеземного характера, которое вызывает изменение характеристик энергоинформационных полей в конкретном регионе Земли. «Взрыв этногенеза» превращает до того разрозненные группы и племена людей в «целестремленное единообразие», общность, обладающую повышенной стойкостью. В тот же момент возникает и «матрица», несущая в себе «полетное задание» для тех поколений, которые будут рождаться на «территории позиционирования» суперэтнуса: его «цивилизационный код» (менталитет). Такова суть концепции этногенеза.

На базе синергетических представлений появляется возможность уточнить сказанное. В частности то, что было названо «цивилизационным кодом», в действительности представляет собой **аттрактор** данного суперэтнуса. И этот аттрактор, естественно, обладает всеми основными свойствами аттракторов. Иначе говоря: 1) он несет в себе цель развития «своего» суперэтнуса; 2) суперэтнос существует и успешно развивается только до тех пор, пока находится в поле притяжения своего аттрактора, то есть пока выполняет свое предназначение, «сформулированное» в его аттракторе.

Однако *русский* «цивилизационный код» обладает уникальной особенностью: *его содержанием (как и содержанием Главного Аттрактора) выступает коммунистический идеал.*

На эту особенность *русского* «цивилизационного кода» обратил внимание Ю. Власов (подчеркну, радикальный критик большевизма): русский народ увидел «в вождях большевизма как бы часть себя. Вожди большевизма выражали пусть не все, но часть каких-то очень важных свойств души народа. Именно поэтому народ согласился принести такую... жертву ради претворения идей большевизма в жизнь. Эти идеи смутно присутствовали в душе народа. Народ чувствовал себя творцом и исполнителем великой исторической миссии. Это ему не только внушали, он это нес в своей душе» [Власов 1992].

И абсолютно закономерно, что, поскольку Россия в начале 1990-х гг. отказалась от «Красного проекта», то есть вышла тем самым из поля притяжения русского аттрактора, мы с нарастающей скоростью движемся (и по определению не можем не двигаться!) к нравственной катастрофе.

Именно эта особенность русского «цивилизационного кода» и превращает Россию в «мотор» для других стран, расположенных на территории будущей МЦЕ, – то, о чем шла речь выше. Происходит это потому, что Россия раньше других стран словно начинает «задыхаться» и чувствовать жизненную необходимость обращения (возвращения) к коммунистическому идеалу.

Вопрос второй: как *практически* ввести (вернуть) российское общество в поле притяжения Главного Аттрактора?

Давайте рассмотрим, как осуществляется этот процесс в общем случае. Предположим, молодая семья решает завести ребенка. *Принятие этого решения* (еще до наступления собственно беременности!) *означает вход в область притяжения аттрактора «семья с ребенком».* Сразу же разворачиваются кардинальные перемены в семье. Будущие папа и мама прикидывают свои финансовые возможности, затевают ремонт в нынешней квартире или переезжают в новую, оба бросают курить; будущая мама подбирает для себя (из Интернета, из литературы и т. д.) режим дня, систему питания и комплекс гимнастики, пересматривает состав своего гардероба; они покупают то, что уже можно купить, выбирают варианты имени и т. д. Иными словами, возникает поразительная ситуация: реального ребенка *еще* нет, а жизнь семьи *уже* меняется кардинально. А ведь все это требует весьма значительных усилий: физических, психологических, наконец, финансовых, то есть известного самоотречения. Заставляет будущих родителей идти на все это аттрактор «семья с ребенком», в область притяжения которого они вошли.

Особо подчеркну: этот аттрактор создает для будущих папы и мамы очень жесткий «коридор», который не оставляет выбора: они либо следуют всем его «предписаниям», либо будет беда – как минимум проблемы при родах. Так действует аттрактор, занимающий относительно «скромное» положение в иерархии. Нужно ли сомневаться в том, что несопоставимо большая мощь Главного Аттрактора, после того как в область его притяжения будет введено российское общество, *сможет* заставить людей следовать заданным «коридором»!

Из этого примера ясно, что в нашем случае первым шагом должно стать программное заявление политического руководства РФ, ставящее стратегическую цель, которая **совпадала бы** с содержанием Главного Аттрактора. Именно в этом – гарантия того, что отныне вся жизнь России будет «обеспечиваться» его

энергий. Эта цель должна быть сформулирована так: *созидание Нового Мира, где главное – не получение прибыли, а формирование условий для физического и духовно-нравственного развития каждого человека.*

Затем строится «дерево целей/задач». Каждый исполнитель получает свою задачу и начинает работать. Очень быстро возникает феномен «ветра в паруса»: человек работает, и у него все получается словно само собой. Это будет означать, что в российском обществе развернулись полномасштабные процессы самоорганизации в соответствии с той моделью общества, которая заложена в Главном Аттракторе.

Но тогда возникает **третий вопрос**. После Октября 1917 г. большевиками уже была предпринята попытка ввести российское общество в поле притяжения Главного Аттрактора (тогда эта терминология, естественно, не использовалась), но «Красный проект» потерпел неудачу. Так, может быть, предложенная выше схема неверна?

Это отдельная большая тема. Поэтому выскажем только несколько соображений.

Самый первый вопрос: связана ли неудача с ошибочностью *самой* коммунистической идеи? Ответ однозначный: не связана. Что может быть ошибочного в идее общества высшей справедливости! Следовательно, неудача «Красного проекта» определяется тем, как *на практике* разворачивалась первая попытка реализации коммунистической идеи. Так какова же эта практика?

Как известно, классический марксизм исходил из того, что предпосылки социализма возникают еще в рамках капитализма, но на очень высоком уровне его развития. Напротив, лидеры большевиков-интернационалистов, проведя адаптацию марксизма к российским условиям, предложили начинать строительство основ социализма, не дожидаясь, пока российский капитализм достигнет зрелости, а сразу после захвата власти (захвата – в любой момент обострения политической ситуации в стране). Очень ярко эта мысль выражена в известном фрагменте статьи В. И. Ленина «О нашей революции» (1923 г.): «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [Ленин 1970: 28].

Из сказанного следует, что после Октября 1917 г. население России оказалось «вброшено» в абсолютно новый для него сценарий – «строительство основ социализма», будучи к этому совершенно неготовым. Неготовность людей к радикальным переменам была срочно «компенсирована» созданием в стране очень жесткой системы управления и контроля.

Однако, как подчеркивал еще С. Л. Франк, так называемый «старый мир» упорствовал. А это оценивалось новой властью как что-то противоестественное, ибо противоречило ее представлению об относительно легкой возможности построить новый справедливый мир, да еще «в интересах большинства населения»! Следовательно, данная извращенная воля немногих должна быть подавлена и уничтожена. Но, как показывает историческая практика, «старый мир» сопротивляется весьма долго и яростно. И благодетели человечества неизбежно становились его разрушителями и мучителями [Франк 1996].

Далее. С конца 1920-х гг. И. В. Сталин и его соратники были вынуждены принять экстраординарные меры по выводу Советского Союза из «ловушки», в которой он оказался, в силу отсутствия «мировой революции», поддержка которой рассматривалась в качестве основного условия успешности всей созидательной работы после победы в Октябре 1917 г., но не потеряв при этом исходной цели: построения общества без частной собственности и эксплуатации. В результате советское общество на долгие годы было введено в «мобилизационный сценарий» во всем его драматизме и трагизме.

Кроме того, политическое руководство СССР было вынуждено прилагать самые энергичные усилия (в частности, в деле подготовки и расстановки кадров), чтобы как-то нейтрализовать одно из главных положений марксистской теории о том, что двигателем всех революционных преобразований в обществе и гарантом их необратимости является рабочий класс. Действительно, очень часто попытки следования этому принципу *на практике* приводили к весьма плачевным результатам. Ведь не будем забывать о том, что подавляющее большинство представителей рабочего класса России накануне Октября 1917 г. обладали лишь вторым «уровнем нравственности», стержнем которого является удовлетворение **материальных** потребностей преимущественно **своей** семьи и **своих** ближайших родственников. Понятно, что на подобной базе самоотверженность, готовность жертвовать ради страны возникнуть не могла. В том числе и отсюда – неизбежность широкого привлечения к сотрудничеству с новой властью в Советской России лучших представителей царской интеллигенции (ученых, организаторов производства, военспецов и т. д.). И сколько драматических проблем приходилось решать в этой связи...

Одним словом, повторю, исторический опыт СССР («Красный проект») доказывает не ложность собственно схемы ввода российского (и любого другого) общества в поле притяжения Главного Аттрактора, а лишь ошибочность *конкретной тактики* этого ввода.

Сейчас, разумеется, невозможно определить конкретные шаги в этой будущей длительной работе. Однако в любом случае нам снова придется решать вопрос о **социализме**. Отмечу лишь следующее. Вопрос о социализме как *об особом историческом периоде, даже фазе развития* встал лишь потому, что при реализации «Красного проекта» использовалась *концепция* «слабого звена» в цепи капиталистических государств. В соответствии с ней предполагалось, что Россия (как одна из самых отсталых европейских стран) станет подтягиваться до уровня главных капиталистических стран *после* прихода большевиков к власти. Это подтягивание и становилось содержанием социализма как особой, «предкоммунистической» фазы развития общества.

Но возможен ведь и иной вариант: основные преобразования «*предкоммунистического*» характера происходят еще *в рамках* капитализма: на базе принципов *социального рыночного государства*. Очень важна в этой связи следующая мысль К. Каутского. Строго говоря, пишет он, конечная цель для нас не социализм, а уничтожение всякого вида эксплуатации и угнетения, все равно – класса ли, пола или расы... В этой борьбе мы ставим социалистический способ производства нашей целью потому, что при современных технических и экономических условиях он является наилучшим средством достижения нашей цели. Если бы нам доказали, что мы ошибаемся и что освобождение пролетариата и челове-

ства достигается вообще и даже целесообразнее на основе частной собственности на средства производства, тогда мы отбросили бы социализм, отнюдь не отбрасывая нашей конечной цели. Более того, мы должны были бы сделать это в ее интересах. Иными словами, возникают условия для совершенно иной трактовки социализма [Kautsky 1918].

Таковы, коротко, основные принципы, из которых нужно исходить при создании новой территориально-культурной общности на территории МЦЕ при координирующей роли России.

Литература

- Аршинов А. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.
- Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. 3-е изд., испр. М., 2008.
- Власов Ю. Огненный крест. Ч. 2. М., 1992.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2007.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 45. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1970.
- Сидоров Г. А. Хронологическо-эзотерический анализ развития современной цивилизации. Кн. 2. М., 2009.
- Степин В. С. Теоретическое знание. М., 1999.
- Тезисы Живого Знания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.insiderrevelations.ru/forum/forum18/topic774/>.
- Франк С. Л. Ересь утопизма / С. Л. Франк // Русское мировоззрение. М., 1996.
- Kautsky K. Die Diktatur des Proletariats. Wien, 1918.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИОБИОЛОГИЯ*

Снакин В. В.**

Публикация посвящена дискуссионным вопросам применимости законов функционирования биосферы к закономерностям развития человечества. Исследования в области социобиологии свидетельствуют, что биологические принципы могут быть с успехом применены в социальных науках. Анализ процессов глобализации показывает их органическую взаимосвязь с общебиосферными законами эволюции. В то же время политические конструкции типа концепции устойчивого развития лишены научных основ и оперируют в основном благими намерениями роста материального благополучия. Несоответствие деятельности человечества законам функционирования биосферы грозит его вымиранием. Один из важнейших механизмов противодействия этому – научно обоснованная природоохранная деятельность и реализация закона давления жизни в космическом масштабе.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, биосоциология, законы эволюции биосферы, концепция устойчивого развития, охрана природы.

The paper is devoted to the debated issues of the applicability of the laws of functioning of the biosphere to the laws of the humankind's development. The sociobiological studies show that biological principles can be successfully applied in social sciences. The analysis of the globalization processes shows their organic relationship with the universal evolutionary laws for biosphere. At the same time, political frameworks such as the concept of sustainable development are devoid of scientific foundations, operating only with good intentions for the growth of material prosperity. The mismatch between human activity and the laws of functioning of biosphere threatens the extinction of the humanity. One of the most important mechanisms for counteracting this is the scientifically based environmental activities and the implementation of the pressure of population growth at a cosmic scale.

Keywords: globalization, glocalization, biosociology, laws of evolution of the biosphere, the concept of sustainable development, nature protection.

Введение

Вопросы понимания закономерностей и целей развития человеческого общества остаются одними из сложнейших, дискуссионных и в то же время важнейших для дальнейшего развития человечества. В этом смысле затронутые доктором исторических наук А. Б. Вебером [2017] вопросы понимания социальных проблем современности представляются вполне актуальными. Попытаемся пояс-

* Стимулом к написанию данной работы стала публикация «О статье О. П. Иванова и В. В. Снакина» [Вебер 2017], в связи с чем выражаю искреннюю благодарность Александру Борисовичу Веберу и надежду на полезность дискуссии в этой непростой области.

** Снакин Валерий Викторович – д. б. н., профессор, завсектором Музея земледения МГУ имени М. В. Ломоносова, завлабораторией ландшафтной экологии Института фундаментальных проблем биологии РАН. E-mail: snakin@mail.ru.

нить нашу точку зрения на современные процессы в человеческом обществе, в частности связанные с глобализацией.

Как у любой популяции живущих на земле биологических видов, у эволюции человеческого социума имеются свои особенности. Но так ли уж мы далеко ушли в своем развитии, что перестали подчиняться законам эволюции биосферы, как мы часто склонны утверждать, выделяя себя из сообщества братьев наших меньших? Когда-то, наверное, динозавры также считали себя венцом творения, поскольку именно они определяли внешний вид юрского периода. Но они исчезли в полном соответствии с этими законами!

Развитие каждого биологического вида имеет свои особенности. В среде социологов принято считать, что развитие человеческого социума идет согласно культурологическим и религиозным канонам. Огромную, недооцененную в полной мере роль при этом играет научное познание мира! Но насколько при этом проявляется природная составляющая вида *Homo sapiens*¹? Возможно ли считать, что развитие человеческого социума не подчиняется законам эволюции биосферы?

О социобиологии

Социобиология – научная дисциплина, сформировавшаяся на стыке биологии, социологии, археологии и других наук. Основой современной социобиологии считается работа энтомолога Эдварда Уилсона «Sociobiology: The New Synthesis» [Wilson 1975], в которой вопрос о соотношении «природного» и «культурного» в человеке рассматривается с естественно-научных эволюционных позиций, прежде всего на основе популяционной генетики и эволюционной экологии. С точки зрения Уилсона, как бы разнообразны ни были проявления человеческой культуры, все они возможны лишь благодаря определенным генетическим предрасположенностям человека. «Мы – биологический вид, возникший в биосфере Земли как один из многих приспособившихся видов. И сколь бы великолепны ни были наши языки и культуры, насколько богат и пронизителен ни был бы наш разум, как ни велики наши творческие силы, – ментальный процесс является результатом работы мозга, сформированного на наковальне природы молотом естественного отбора» [Уилсон 2015]. Несколько раньше эта же мысль была высказана В. И. Вернадским: «Человек должен понять, как только научная, а не философская или религиозная концепция мира его охватит, что он не есть случайное, независимое от окружающего – биосферы или ноосферы – свободно действующее природное явление. Он составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение, по крайней мере, двух миллиардов лет» [Вернадский 1991: 48].

В своей книге Э. Уилсон [Wilson 1975] утверждал, что биологические принципы, которые, как оказалось, вполне применимы ко всему животному миру, можно с успехом использовать в социальных науках.

Необходимо заметить, что предложенная Уилсоном естественно-научная эволюционная перспектива соотношения «природного» и «культурного» в человеке подвергается критике многими исследователями, особенно со стороны социальных и гуманитарных наук, традиционно подчеркивающих уникальность человека и отвергающих любые формы редукционизма.

¹ В связи с развитием человека к настоящему времени стали выделять даже подвид *Homo sapiens sapiens*.

А. Б. Вебер также не согласен с такой позицией, в частности изложенной в нашей статье [Иванов, Снакин 2016: 3–12], утверждая, что мы излишне биологизируем общество, рассматривая его как аналог природного организма, и что это не новый для социологии взгляд. Так называемая «органическая школа восходит еще к Платону, Гоббсу, Конту и др. ... но это все-таки вчерашний день современной науки об обществе» [Вебер 2017: 138].

Вполне естественно, что человек, как и любой другой вид, имеет присущие только ему особенности, что выделяет его из череды других видов. Но он образовался в результате биологической эволюции и остается биологическим видом, он сам и его сообщества подчиняются законам биологии, законам эволюции, как бы мы порой ни пытались доказать обратное. По всей вероятности, А. Б. Вебер просто не желает знакомиться с современными работами в области социобиологии.

В полной мере осознавая большую сложность поднимаемых вопросов, ограниченность наших знаний, дискуссионность, возможно, даже ошибочность некоторых высказываемых ниже положений, попытаемся именно с естественно-научных позиций рассмотреть некоторые современные социально-экологические проблемы.

Глобализация. Экологические аспекты

Согласно наиболее распространенному определению глобализация представляет собой процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земли структур, связей и отношений в различных сферах жизни общества и проявляется в единении мирового хозяйства, во всеобщей экологической взаимозависимости, в глобальной коммуникации и т. п. [Глобализация 2006: 163].

Начало глобализации положили экономические процессы. Не случайно В. И. Ленин еще в 1916 г. отмечал наступление новой экономической эпохи: монополизацию (по сути, объединение), интернационализацию (по сути, глобализацию) капитала и рынка, вывоз капитала из одних стран в другие [Ленин 1962]. Огромную роль в глобализации сыграло колоссальное расширение путей сообщения (морской, речной, железнодорожный, воздушный транспорт), позволившее осуществлять невиданное ранее перемещение всевозможных материалов и биологических видов через географические преграды и политические границы.

Несмотря на значительную роль в глобализационных процессах политических решений (что является проявлением конкурентных отношений между отдельными странами и народами), несомненно то, что глобализация имеет объективно исторический характер [Чумаков 2014: 39–51].

Важно отметить, что в основе глобализации лежит общебиосферный закон давления жизни, проявляющийся в безудержном расширении сферы живого вещества, ограниченном лишь ресурсным фактором. А ресурсная база человечества непрерывно увеличивается. Благодаря этому человечество все более превращается в единый целостный организм.

Не случайно в своих исследованиях С. П. Капица пришел к выводу, что население Земли представляет собой единую систему, поскольку скорость роста народонаселения обратно пропорциональна квадрату численности, и эту закономерность нельзя применять к масштабам отдельных стран (где слишком много субъективных причин, воздействующих на численность населения, типа сталинских репрессий в СССР, геноцида в Кампучии во времена красных кхмеров и в Уганде под руководством И. Амина) [Капица 1998: 21–48].

Однако важно понимать, что «в единстве – сила», но в единстве разнообразия, а не в унификации. Потому с неизбежностью происходящие процессы глобализации сталкиваются с проявлениями антиглобализма и активизацией глокализации². Сгладить эти противоречия можно лишь на пути поиска взаимоприемлемого учета интересов глобализирующегося мира и локальных особенностей³.

Движущей силой глобализации является экономика. Но в основе – наука, обеспечивающая своими открытиями и новые технологии, и расширение ресурсов, и новый взгляд на эволюционные проблемы и познание законов функционирования биосферы и Вселенной в целом.

Следствия глобализации самые разнообразные: помимо синтеза экономик происходит разрушение географических преград для миграции биологических видов [Снакин 2016б], новый импульс получает «великая миграция народов»⁴ [Чумаков 2017: 3–19]. И это естественные биосферные процессы. Как любой естественный биосферный процесс они имеют и негативные стороны, часто весьма трагические для судеб отдельных индивидов. Но в мире движение совершается решимостью большинства, созреваемого под влиянием идей, высказываемых поначалу меньшинством.

Следует также отметить (и в этом мы согласны с А. Б. Вебером), что биосфера едина и «глобальна по определению». Действительно, в воздухе и океане практически нет границ. Поэтому птицы (по сути, космополиты) совершают сезонные миграции на десятки тысяч километров, не обращая внимания на политические границы; некоторые киты регулярно перемещаются в поисках пищи из одного океана в другой.

Однако на суше (образовавшейся 2–3 миллиарда лет назад) несколько иные процессы. Здесь географические преграды часто изолируют одни популяции от других, способствуя видообразованию и созданию уникальных, часто эндемических сообществ: например, в Австралии, на Мадагаскаре, в Крыму, на Байкале и в других изолированных областях. Именно на таких территориях экологические аспекты глобализации сказываются особенно остро, поскольку интродукция (очень часто непродуманная) и инвазия⁵ биологических видов приводят к вытеснению местных представителей флоры и фауны и соответственно к сокращению биоразнообразия (вымиранию).

² Глокализация, глокализм (от англ. *global* – всемирный и *local* – местный) – сложный процесс сочетания разнонаправленных глобальных тенденций общественного развития (глобализации) и локальных, местных особенностей экономического, социального и культурного развития тех или иных народов [Глобализация 2006: 243]. В результате вместо ожидаемого исчезновения региональных отличий происходит их сохранение и порой усиление. Вместе со слиянием и унификацией возникают и набирают силу явления иного направления: сепаратизм, обострение интереса к локальным отличиям, рост интереса к традициям глубокой древности и возрождению диалектов. Так, если до Второй мировой войны в мире было около 50 стран, то теперь только признанных около 200. Таким образом, глокализация обеспечивает сохранение культурного разнообразия как феномена всеобщего разнообразия природы [Снакин 2013: 153–154].

³ Это положение почему-то особенно смутило Александра Борисовича.

⁴ Неоднородность процессов роста населения и экономического развития в мире неизбежно ведет к росту миграционных процессов. И это вполне естественно, поскольку всякая система стремится к равновесию. Но так же как рост народонаселения начал стремительно угасать, вполне прекратившись в развитых странах, так и миграционные процессы будут сокращаться по мере развития автоматизации (сокращение рынка рабочей силы) и экономического подъема развивающихся стран.

⁵ Интродукция – преднамеренное распространение животных и растений за пределы естественного ареала, а инвазия – вторжение на какую-либо территорию нехарактерного для нее вида, включение в сообщество новых для него видов.

Интродукция полезных человеку видов растений и животных насчитывает тысячелетия и имеет истинно глобальные масштабы. Именно эта деятельность (наряду с охотой, не играющей в настоящее время для человечества в ресурсном аспекте определяющей роли) обострила проблему охраны природы. Справедливости ради стоит отметить, что в связи с интенсификацией сельскохозяйственного производства и выводом из оборота малопродуктивных земель площадь пашни в мире имеет тенденцию к сокращению и в абсолютном, и особенно в относительном (на душу населения) выражении. Так, в Пакистане, Нигерии, Эфиопии и Иране площадь пашни за последние полвека сократилась в пересчете на душу населения на 40–50 %.

Особенность человеческого социума

Конечно же, из всех известных нам созданий человек – самый «продвинутый» в эволюционном смысле вид. Человека (и человечество), как и всякий другой биологический вид, отличает наличие уникальных, только ему присущих качеств (особенностей). Разумная и созидательная деятельность человечества просто поражает своими масштабами. А культурологическая, познавательная особенности создают впечатление полной исключительности.

Но так ли уж сильны эти особенности, если геном человека отличается от генома мыши всего лишь на несколько процентов?!

В поведении человека и его сообществ больше сближающих его с поведением других представителей животного мира черт, чем различий. Этика, эмпатия, любовь (и «с первого взгляда», и «на всю жизнь»), даже скромность и наглость характерны для поведения многих животных. Совместные действия (охота, оборона), самопожертвование (родственный и видовой альтруизм), разделение труда у общественных (социальных) насекомых, сложнее социальное структурирование, самые различные степени объединения вплоть до создания суперорганизма⁶, состоящего из тысяч особей и действующего по единому плану, – разве не проявления высшего разума! Новейшие исследования поведения животных (особенно млекопитающих) показывают удивительное сходство с человеком в поведенческих реакциях: им присущи даже абстрактное мышление и исследовательская деятельность.

Нашим братьям меньшим, так же как и нам, свойственны и радость, и горе. Ученые установили, что по крайней мере для семи видов морских млекопитающих характерно «человеческое» отношение к смерти близких: у них обнаружены своеобразные похоронные ритуалы [Reggente *et al.* 2016: 1428–1434]. Самые раз-

⁶ Суперорганизм, сверхорганизм – совокупность особей, как правило, одного вида, временно или постоянно объединяющихся для достижения общих целей (добыча пищи, защита от врагов, размножение) и выступающих как новая социальная единица. Примером постоянного суперорганизма являются семьи общественных насекомых (муравьев, пчел и др.), внутри которых существуют строгая иерархия и четкое разделение функций индивидуумов (специализация), доходящее до невозможности существования особей отдельно от семьи (так, муравей, изолированный от семьи, умирает, несмотря на наличие пищи и других условий существования). Возникновение узкой специализации (вплоть до отказа от функции размножения) в суперорганизме связано с развитием альтруизма. Примерами временного суперорганизма могут служить гигантская стая (до миллионов особей) волнистых попугаев, действующая четко, как единый организм, в поисках пищи и в защите от врагов, коллектив дельфинов, охотящийся на косяки рыб, и т. д. Исследования взаимосвязи в системах типа суперорганизмов – важнейшая задача кибернетики (биокибернетики), где используется понятие «распределенный разум» [Снакин 2013: 608].

ные биологические виды имеют богатую социальную жизнь (общественные насекомые, сообщества дельфинов, приматов и мн. др.). Имеются также сложные развитые методы передачи информации (воспитание) на социальном уровне.

Тем не менее, «несмотря на столь очевидную преемственность, современный человек решительно отделяет себя от животных предков, отождествляя животное начало с низменным⁷ и монополизируя представление о нравственности (на самом деле в большей степени свойственной животным, отношения между которыми регулируются жесткой системой врожденных и приобретенных этических предписаний, которая у человека в значительной мере оказалась размытой)... Оставив иллюзию собственной исключительности, мы увидим, что законы эволюции действительны и для человеческого вида» [Красилов 1992: 43].

Мы похожи на животных много больше, чем нам бы хотелось! Человек возник в соответствии с законами эволюции биосферы и будет развиваться далее в соответствии с этими законами. В противном случае он поставит себя вне биосферы и с неизбежностью погибнет, как погибали до него тысячи других видов.

О единстве законов природы в полной мере свидетельствуют факты современности. Развитие компьютерных технологий резко повышает интеллектуальные возможности человека и освобождает его от рутинной деятельности (монотонная работа, поиск информации, производственные и банковские технологии и т. п.). Но в соответствии с законами конкуренции тотчас же появились компьютерные вирусы и прочие хакерские проделки, с одной стороны, препятствующие их безопасному использованию, а с другой – способствующие обеспечению безопасности и дальнейшему развитию компьютеризации. То же и в природе: болезни, с одной стороны, приносят несчастья и неисчислимые беды, но с другой – в эволюционном смысле способствуют росту конкурентоспособности вида.

Наглядный пример действия общебиологических законов показывает также анализ динамики численности человечества: в последние полвека мы стали свидетелями так называемого демографического перехода – процесса стабилизации народонаселения путем перехода численности населения Земли в целом и в отдельных странах от экспоненциального роста (демографического взрыва) к сокращению прироста. В дальнейшем возможны как постоянство численности, так и депопуляция⁸. Явление демографического перехода объясняется проявлением одной из важнейших закономерностей аутогенной эволюции в человеческом обществе: переходом от *r*-стратегии (размножение в геометрической прогрессии) к *K*-стратегии (рост конкурентоспособности при снижении репродукции) [Снакин 2013: 172–173, 310].

Анализ развития производительных сил также приводит к выводу, что «эволюцию экономической системы можно уподобить экологической сукцессии» [Красилов 1992: 48].

Преобразование биосферы и природоохранная деятельность человека

Любой вид преобразует биосферу в соответствии с собственными потребностями. В свое время облик Земли определяли динозавры. Но человек, по всей ве-

⁷ В. А. Красилов [1992] видит причину этого феномена в том, что современные религиозно-нравственные системы формировались в борьбе с тотемизмом и его зооморфными кумирами; возведенная тогда стена между человеком и природой является наследием того давнего соперничества.

⁸ Возможно, новый скачок численности населения будет связан с заселением человеком других планет, что является необходимостью для выживания и дальнейшего развития нашего вида.

роятности, в наибольшей степени (в сравнении с другими видами) изменяет «лик Земли» (по В. И. Вернадскому). При этом, как неоднократно подчеркивала М. А. Глазовская [1976: 99–118], практически всякому воздействию человека можно найти аналог в природе.

Важнейшим фактором выживания вида является взаимодействие в системе «биологический вид – окружающая среда». Исчезновение видов из биосферы связано с конкурентными отношениями и невозможностью существования вида в равновесии с окружающей средой в условиях постоянно меняющихся природных условий. В этом отношении важнейший аспект, как уже подчеркивалось, ресурсный. Речь идет не только о пищевых ресурсах, но и о климатических и прочих свойствах местообитаний, связанных с хищническим использованием ресурсов и разрушением природной среды.

В этом отношении большую проблему для выживания современного человечества составляет глобальное загрязнение окружающей среды, включая замусоривание Мирового океана (один из гигантских «мусорных островов» в Тихом океане имеет площадь, вдвое превышающую территорию Украины). Но охрана природы требует научно обоснованных подходов, а не политических лозунгов типа концепции устойчивого развития!

Развитие науки и устойчивое развитие

Что бы ни говорилось о наличии научных основ у концепции устойчивого развития, их попросту нет. Как показывают история биосферы и история человеческого общества, развитие никогда не было ни устойчивым, ни программируемым. Это всегда кризисы, конфликты, поскольку никогда старые идеи не уступают новым без борьбы. И современность человечества это в полной мере подтверждает: конфликты самого разного уровня отмечаются по всему миру, достигая порой глобальных масштабов. При этом нужно говорить и предпринимать усилия по смягчению последствий таких конфликтов, но не убаюкивать мантрами об устойчивом развитии.

А. Б. Вебер в своей статье «В поисках парадигмы развития» не случайно пишет, что «процессы глобализации, получившие ускорение темпов роста международной торговли, усилили тенденцию роста неустойчивости мирового развития» [Вебер 2013: 16]. О каком же устойчивом развитии мы тогда рассуждаем? Отрицая несовместимость понятий «устойчивость» и «развитие», А. Б. Вебер изменяет основам диалектики Г. В. Ф. Гегеля, которая была (и остается) одним из высочайших достижений человеческой философской мысли.

Также весьма жаль, что Александр Борисович не приводит ни одной конкретной научной основы концепции устойчивого развития ни в докладе комиссии г-жи Брундтланд «Наше общее будущее», ни в других упоминаемых им работах. В то же время в полной мере можно согласиться с выводом анализировавшей этот вопрос И. Ю. Ховавко, что «концепция устойчивого развития является скорее идеологией, чем научным знанием» [Ховавко 2016: 82]. Остается только добавить: идеологией, противоречащей научным положениям⁹.

⁹ Жаль, что А. Б. Вебер искажает наше высказывание о концепции управляемого хаоса: речь шла не об одобрении, а только об эффективности этой концепции в силу того, что она опирается на теорию неравновесных систем.

Еще одним интересным аспектом концепции устойчивого развития является ее нацеленность на достижение материального благополучия человечества. Казалось бы, что в этом плохого? Но вернемся к социобиологии и, в частности, к красноречивым результатам опытов Джона Кэлхуна [Calhoun 1973] по созданию так называемого «мышинного рая», которые свидетельствуют о пагубных последствиях целей, ориентированных на «сытую жизнь». При этом Дж. Кэлхун считал, что не существует логических причин, по которым наблюдаемые в экспериментах социальные эффекты не могут произойти в человеческом обществе. Напомним, что в своих исследованиях Кэлхун ввел понятие «поведенческая клоака» (англ. *behavioral sink*), описывающее усугубление и распространение отклоняющихся, патологических форм поведения мышей в условиях избытка ресурсов и высокой плотности. При этом все опыты Кэлхуна по обеспечению популяций мышей и крыс безбедной жизнью неизменно заканчивались гибелью этих популяций¹⁰.

Как предостережение звучат слова братьев Стругацких: «Не в громе космической катастрофы, не в пламени атомной войны и не в тисках перенаселения, а в сытой, спокойной тишине кончается, видите ли, история человечества!» [Стругацкий А., Стругацкий Б. 1967: 65].

Цель развития?

Главная цель существования любого вида, в том числе и человека, – выживание и расширение сферы влияния. Все остальное, как бы красиво оно ни выглядело, – вторично. Религиозные, культурные и научные устремления успешны лишь в том случае, если они прямо или опосредованно способствуют этой главной цели. Справедливости ради стоит заметить, что именно научные знания практически всегда в конце концов являются выигрышными для человечества, как бы мы ни переживали из-за их возможного негативного (злонамеренного) использования. Так, даже гонка вооружений привела к упрочению «вооруженного до зубов» нейтралитета, к развитию ядерной энергетики, космических технологий, способных вывести человечество за пределы Земли и в итоге расширить биосферу.

При этом стремление к выживанию не следует однобоко понимать как только прямое продолжение рода. В силу особенностей и разнообразия поведенческих, морально-этических норм каждого индивидуума оно может проявляться как в альтруистических, так и в эгоистических поступках, в развитии научного знания, культуры, религиозных воззрений ради себя лично и общества в целом, в информировании, пропаганде и даже в насильственном насаждении кажущихся полезными человечеству идей. И очень часто это действительно способствует выживанию человека. Даже охрана природы, свойственная практически только человеку, в конце концов направлена именно на его выживание, как бы мы ни завуалировали это обстоятельство.

Однако можно ли все сводить к чисто биологической мотивации? Нет ли в этом некоторого уничтожения человека? Полагаю, что нет! Любовь никто не отменял, несмотря на наличие биологической основы (законов) общения полов. И иррациональному всегда есть место. Именно в этой комплексности заключается красота жизни! И главное, нужно мыслить о жизни, радоваться жизни, кем бы мы себя ни ощущали!

¹⁰ Мы уже писали о результатах опытов Дж. Кэлхуна в журнале «Век глобализации» [Снакин 2016а: 83].

Заключение

1. Эволюция биосферы происходит в соответствии с определенными закономерностями, едиными для всего живого, в том числе и для человеческого социума, являющегося продуктом эволюции биосферы. В этом смысле процессы глобализации являются объективным отражением биосферных процессов, протекающих неравномерно, необратимо, с различной скоростью, скачкообразно, в борьбе, где побеждают наиболее конкурентоспособные биологические виды и технологии.

2. Деятельность человека, как и любого другого биологического вида, отличается своими особенностями: масштабами преобразования окружающей среды, уникальным развитием науки, философии, религии, искусства. Однако можно утверждать, что в основе развития и науки, и искусства, и религиозных и философских воззрений лежат незыблемые принципы функционирования Природы.

3. Несоответствие деятельности человечества законам функционирования биосферы может привести к его гибели. Одним из важнейших защитных механизмов от этого является развитие отрицательной обратной связи в системе «человек – природа» – *научно обоснованной природоохранной деятельности*.

Литература

- Вебер А. Б. В поисках парадигмы развития // Век глобализации. 2013. № 1. С. 14–16.
- Вебер А. Б. О статье О. П. Иванова и В. В. Снакина // Век глобализации. 2017. № 2. С. 138–142.
- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
- Глазовская М. А. Ландшафтно-геохимические системы и их устойчивость к техногенезу // Биогеохимические циклы в биосфере / под ред. В. А. Ковда. М., 1976.
- Глобализация // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / под ред. И. И. Мазура и А. Н. Чумакова. М.; СПб. : ИЦ «Елима», ИД «Питер», 2006. С. 163.
- Иванов О. П., Снакин В. В. Глобализация с позиций экологии, синергетики и теории сложных систем // Век глобализации. 2016. № 4. С. 3–12.
- Капица С. П. Опыт системного исследования роста населения Земли и принцип демографического императива // Глобальные экологические проблемы на пороге XXI в. М. : Наука, 1998. С. 21–48.
- Красилов В. А. Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты. М. : Ин-т охраны природы и заповедного дела, 1992.
- Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 27. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1962.
- Снакин В. В. Глобальные экологические процессы и эволюция биосферы: Энциклопедический словарь. М. : Academia, 2013.
- Снакин В. В. Путь к устойчивому развитию: мифы и реальность // Век глобализации. 2016а. № 1–2. С. 80–86.
- Снакин В. В. Географическая изоляция видов как фактор глобальной динамики биоразнообразия // Жизнь Земли. 2016б. Т. 38(1). С. 52–61.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Второе нашествие марсиан // Байкал. 1967. № 1.

Уилсон Э. О. О природе человека. М. : Кучково поле, 2015.

Ховавко И. Ю. Концепция устойчивого развития в контексте глобализации // Век глобализации. 2016. № 3. С. 71–84.

Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2. С. 39–51.

Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2. С. 3–19.

Calhoun J. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population // Proceedings of the Royal Society of Medicine. 1973. Vol. 66. No. 2. Pp. 80–88.

Reggente M. A. L., Alves F., Nicolau C., Freitas L., Cagnazzi D., Baird R. W., Galli P. Nurturant Behavior toward Dead Conspecifics in Free-ranging Mammals: New Records for Odontocetes and a General Review // Journal of Mammalogy. 2016. Vol. 97. No. 5. Pp. 1428–1434.

Wilson E. O. Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, MA : Belknap Press, 1975.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕХНОСФЕРЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ

Ковылин Ю. А., Мамедов Н. М.*

В статье рассматриваются основания техники и технической деятельности, роль науки, нанотехнологий в становлении современной техносферы. Особое внимание уделяется проблемам гармонизации техносферы с биосферными процессами. Анализируется роль ценностных установок, социально-культурных факторов в оценке новой техники, управлении развитием техносферы.

Ключевые слова: техника, техносфера, биосфера, нанотехнологии, оценка техники, управление техносферой.

The article discusses the basis for engineering and technical activities as well as the role of science and nanotechnology in the development of modern technosphere. Special attention is paid to the problems of harmonization of technosphere with biosphere processes. The author also analyzes the role of value system, socio-cultural factors in the assessment of new technology and development of technosphere management.

Keywords: technology, technosphere, biosphere, nanotechnology, integrated assessment techniques, technosphere management.

Благодаря развитию техники исторически сформировалась особая реальность – техносфера, которая определяет бытие современного человека, охватывая почти всю биосферу и часть околоземного космоса. Техносфера выступает важнейшим средством развертывания процессов глобализации. Масштабность технической деятельности современного общества определяет необходимость формирования не противостоящей, а совместимой с биосферой техносферы. От решения данной проблемы, по существу, зависят гармонизация социально-экономического и экологического развития, устойчивое развитие общества.

До сих пор техногенез, как и взаимодействие общества и природы в целом, происходил стихийно, на основе объективации техническими средствами определенных целей человека. Можно согласиться с тем, что усовершенствование технологий вело к повышению эффективности деятельности человека, преобразующего природу. «Техногенез в своей развитой форме создал возможность для давления на природу, для реализации волюнтаристской деятельности по отношению к окружающей среде» [Ильин 2016: 147]. И, несмотря на отдельные исключения,

* Ковылин Юрий Алексеевич – к. ф. н., доцент РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: kovylin@migmail.ru.

Мамедов Низами Мустафаевич – д. ф. н., профессор РАНХиГС при Президенте РФ, директор Института глобализации и устойчивого развития Академии МНЭПУ, академик РАЕН и РЭА, эксперт ЮНЕСКО. E-mail: nizami-mamedov@mail.ru.

в целом это сформировало технократически ориентированную современную культуру человечества [Чумаков 2012].

Сейчас техносфера представляет собой совокупность разнообразных по своему уровню и качеству технических объектов, и при всем своем субстанциональном и функциональном единстве она носит мозаичный характер. Кардинальные изменения в развитии техносферы ныне связаны с опредмечиванием научных знаний, с изменениями в системе ценностей общества, характере потребностей и образе жизни людей.

Техника, подчиняясь закономерностям развития человеческого бытия, универсальна, но эта универсальность корректируется целевым назначением техники, порой конкретными региональными запросами. Последнее связано с социально-экономическими, ценностно-мировоззренческими особенностями регионов. И в наше время решение проблем соответствия техники высоким социально-экологическим требованиям во многом зависит от таких вопросов, как использование в развивающихся странах устаревших технологий; отсутствие международных правовых норм, препятствующих распространению антиэкологичной техники и вредных для биосферы производств.

Вместе с тем есть веские основания полагать, что в ближайшее время нанотехнологии станут одним из определяющих факторов становления нового способа развития цивилизации. С ними связывают грядущий переход к новому уровню эволюции человека и общества [Аршинов, Горохов 2010: 22–35]. Этот переход обещает как множество благ, так и множество новых рисков и неопределенностей. Совершенно очевидно, что внедрение высоких технологий должно предваряться всесторонними антропологическими, социальными, экологическими исследованиями и оценками.

Основания техники

Техника, являясь *средством* адаптации, реализует определенный *способ* практического присвоения человеком вещества, энергии и информации в зависимости от соответствующих потребностей людей. В результате предметы природы или их некоторое сочетание приобретают качественно новое свойство – служат средством объективирования целей человека [Мамедов 1982].

По своему содержанию и результату техническое освоение действительности носит объективный характер. В нем используются познанные эмпирическим или теоретическим путем законы природы. Выявляя последние, человек получает возможность действовать в соответствии с ними, превращать силы, свойства, связи природы или, что то же самое, ее «богатство» в свои сущностные силы.

Сама возможность техники определяется наличием в реальности, помимо многочисленных инвариантных связей, то есть физических, химических, биологических и других законов, особых организационных связей между отдельными явлениями природы. Человек не может изменить законы природы. Однако он способен изменить структуру организационных связей. Создание такой необходимой дополнительной системы связей между различными явлениями, которая способна ограничить или соответствующим (нужным человеку) образом направить действие тех или иных законов, определяет сущность техники [Там же]. Установление подобной системы предстает как техническое изобретение. Как писал Г. В. Ф. Гегель, предметы природы «могучи и оказывают разнообразное

сопротивление». Чтобы покорить их, «человек вставляет между ними другие предметы, существующие в природе, следовательно, он пользуется природой против самой природы и изобретает орудия для достижения этой цели» [Гегель 1935: 227].

Техническое развитие имеет и субъективную сторону. Это обусловлено его целеполагающим характером, зависимостью формирования желаемой цели от своеобразия потребностей общества, доминирующих в данную эпоху ценностных ориентаций.

Техническое созидание было обусловлено высоким уровнем телесной организации человека, достигнутой в результате биологической эволюции. Эта мысль подтверждается тем фактом, что зачатки технической деятельности наблюдаются и у животных. Как показывают специальные исследования, основанные на анализе фактических данных по этологии, археологии, этнографии и других наук, зачатки орудийной деятельности, коллективизм производства и потребления и другие подобные явления возникли еще в животном сообществе, в стаде.

Однако в жизни животных техническое созидание носит односторонний и инстинктивный характер, тогда как для человека оно является главным средством его жизнеутверждения и развития благодаря производству разнообразных орудий труда. Последнее специфично только для человека. Благодаря техническому созиданию человек начал творить новую реальность, положив начало отсчету социального времени. Именно способность человека делать разнообразные орудия, приспособлять одни силы природы для борьбы с другими выделила его из животного мира.

Существенные сдвиги в развитии способностей к техническому созиданию у древних людей происходили в трудные геологические эпохи, когда отдельные ветви наших предков оказывались на грани вымирания. Лишь благодаря техническому освоению природы человеку удавалось в таких случаях спастись от гибели. В большой исторической ретроспективе, измеряемой миллионами лет, вырисовывается картина эволюции человека, согласно которой этот процесс происходил сравнительно высокими темпами обычно при возникновении затруднений в осуществлении поставленных целей. Активно преобразовывая природу, человек изменялся сам, развивался его разум. Появление новых идей, способов, средств, позволяющих преодолевать встречающиеся препятствия, совершалось не сразу, а в ходе более или менее длительного развертывания противоречия между наличными возможностями и потребностями в их умножении и усилении, необходимого для решения новых задач.

Итак, техника, возникнув в результате борьбы человека с природой, изменила характер этой борьбы. Произошло относительное ослабление непосредственной зависимости человека от природы и усложнение системы звеньев, опосредствующей их взаимодействие. В силу этого изменились форма и характер единства человека и природы и соответственно «борьба» человека с природой.

Ценностно-мировоззренческие регулятивы развития техники

В находках, относящихся к верхнему палеолиту, проявляется уже довольно высокий уровень изготовления каменных орудий. Анализ орудий этих времен и технологических операций, использовавшихся в самых различных регионах нашей планеты, показывает их поразительное единообразие. Как отмечает из-

вестный английский археолог Г. Чайлд, «на всем огромном пространстве, где встречаются ручные рубила – в Западной Европе, по всей Африке, в Передней Азии и на полуострове Индостан – в продолжение 100 или 200 тысяч лет их применения одни и те же четыре-пять видов этих рубил повторяются с удивительным постоянством» [Чайлд 1949: 56].

Из этого факта исходит С. Лем, когда пытается выяснить причины, приведшие к неравномерному развитию техники на нашей планете. «Почему это огромное древо техноэволюции, корни которого уходят, наверное, в последний ледниковый период, а крона затерялась в грядущих тысячелетиях, древо, возникающее на ранних стадиях цивилизации, и в палеолите, и в неолите более или менее одинаковое на всем земном шаре, – пишет он, – свой подлинный мощный расцвет переживает именно в пределах Европы?» [Лем 1968: 58].

На наш взгляд, данный исторический факт можно объяснить исходя из следующих предположений. Человеческая деятельность сознательна, и люди поступают, руководствуясь целями, в которые трансформировались их жизненные потребности и образы сознания. В эпоху палеолита, начальной стадии первобытно-общинного строя, еще только возникали первые наивные формы общественного сознания, и их влияние на утилитарную деятельность человека было весьма слабым. В дальнейшем указанное единообразие стало нарушаться. Человек по мере практического освоения природы преодолевал односторонне утилитарное отношение к миру, и наряду с утилитарно-прагматическим происходило формирование духовно-практического отношения к природе. Соответственно возникли различные ценностные основания человеческой деятельности. Хотя внутренняя логика и законы развития техники в общем были по-прежнему одинаковыми для всех регионов, реализация этих законов шла уже разными путями.

Так, в эпоху неолита в различных регионах нашей планеты у людей начинает формироваться своеобразное мировоззрение, видение мира в рамках различных мифологических схем, которые в наивной форме давали определенные объяснения природным явлениям, месту человека в мире и другим подобным вопросам. В дальнейшем это обстоятельство начинает оказывать все более сильное влияние на цель и характер технической деятельности. Разнообразные технологические процессы получают своеобразное обоснование, предстают нередко в мистическом обрамлении. Техническая деятельность порой превращается в ритуал, в котором предметно-практические действия сочетались с мистическими. Таким был, например, ритуал постройки лодки, в котором технологический процесс представлял в виде чередующихся религиозных обрядов [Там же: 51].

Существенным было влияние мистического мировоззрения на определение цели технической деятельности. В зависимости от особенностей указанного мировоззрения происходило своеобразное раздвоение технической деятельности, ее целенаправленности. Основные силы общества сосредотачивались на строительстве всевозможных храмов и святилищ, и лишь незначительные средства выделялись для «земных» дел.

Вообще строительство сооружений культового назначения, являвшееся по своей сути одной из форм жертвоприношения, возникло еще со времен неолита. С тех пор масштабы подобного рода деятельности возрастали и достигли в рабовладельческом обществе едва ли не максимума возможного, отнимая нередко почти все людские и экономические ресурсы (во всяком случае, их львиную долю).

В этой связи К. Маркс писал, что «на первых порах главная производственная деятельность, например, строительство храмов и т. д. в Египте, Индии, в Мексике, шла по линии служения богам, и самый продукт принадлежал богам» [Маркс, Энгельс 1974: 95].

Среди указанных сооружений особенно величественно выглядят египетские пирамиды, поражающие своей монументальностью и совершенством. И роль мистического мировоззрения, господствовавшего в Древнем Египте, выражается здесь особенно наглядно. В этой связи можно согласиться с академиком М. А. Коростовцевым в том, что «для египтян запросы их религии представлялись первостепенными, гораздо более важными, чем забота о жилище и хлебе насущном» [Коростовцев 1976: 266].

И все же, хотя мистическая ориентация древних обществ вызывала в значительной степени пустую трату ресурсов, а порой даже их полное истощение, в ходе реализации поставленных иллюзорных целей происходило определенное развитие технических средств. Упорное следование поставленным целям (пусть даже и имевшим мистическое обрамление или окраску, скажем, в случае поисков философского камня, эликсира долголетия и пр.) наталкивало на случайные открытия и, следовательно, в какой-то степени способствовало развертыванию позитивной стороны технической и познавательной деятельности. Специалисты и сейчас поражаются точности расчета строений, возведенных в эпоху фараонов, в особенности пирамид.

Влияние мифологического мышления на развитие техники проявлялось вплоть до формирования научного мировоззрения. В этом отношении интересно сопоставить своеобразие развития техники на Востоке и Западе. В странах древних цивилизаций – Вавилоне, Египте, Китае, Индии – существовали развитая техника и технология различных производств. Ряд технических изобретений, сделанных в этих странах – компас, бумага, порох, оригинальные гидротехнические устройства, – стали впоследствии достоянием всего человечества. Тем не менее техническое развитие в этих странах как бы остановилось на месте, исчерпав возможности эмпирического освоения природы, оно не смогло подняться до уровня, который был достигнут в Европе после эпохи Возрождения. Техническое знание, возникшее в странах Востока, так и осталось конгломератом несистематизированных правил и описаний. Известный пакистанский физик, лауреат Нобелевской премии А. Салам, анализирувавший причину данного исторического феномена, отмечает, что на Востоке в силу ряда причин так и не удалось понять «фундаментальную взаимосвязь между наукой и техникой» [Салам 1981: 53].

Наука и техника

Своеобразие развития техники на Западе объясняется именно нарастающим влиянием на этот процесс научного стиля мышления и результатов теоретического познания. Возникновение научного мышления принято связывать с появлением экспериментального естествознания в Новое время. Однако истоки научного мышления уходят в Античность, в эпоху перехода от мифа к логосу. Этот стиль мышления явно или неявно оказывал определенное влияние и на развитие техники. Историко-научные исследования показывают, что даже в период, когда конкретные данные науки не использовались в технике непосредственно, в нее все же проникали отдельные научные идеи и методы. Научные методы так или иначе

использовались при разработке целого ряда технических устройств. Подтверждением тому служит творчество Архимеда и некоторых других выдающихся инженеров и естествоиспытателей, у которых проявилось новое отношение к технике, сочетание в деятельности научного и инженерного подходов.

Однако союз науки и техники в силу экономических и социокультурных обстоятельств не сразу получил должное развитие – связь между ними возникала спорадически. Так, античное общество не было особенно заинтересовано в развитии техники. Основная причина этого коренилась в самой природе рабовладельческого способа производства, где главным орудием труда выступал раб. В таком обществе не было достаточно сильных социально-экономических потребностей (и, следовательно, стимулов) в разностороннем техническом прогрессе и всемерном применении его достижений. К тому же в Древней Греции и Древнем Риме теоретическая и практическая деятельность искусственно разделялись, здесь действовал принцип «познание ради познания», что было связано с противопоставлением умственного и физического труда. Поэтому нередко те или иные технические находки использовались лишь как занимательные игрушки, хотя много позже они сыграли немаловажную роль в развитии производительных сил. Даже водяная мельница, изобретенная в I в. до н. э., начала практически применяться лишь в Средние века. Характерны в этом отношении слова Аристотеля: «Если бы каждый инструмент мог выполнять свойственную ему работу сам, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, ...если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, то тогда и зодчие при постройке дома не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы» [Аристотель 1911: 10–11].

До XIX в. техника развивалась в основном без научной методологии, и изобретатели продолжали искать вечный двигатель, алхимики верили в таинственное превращение металлов. Как образно пишет В. Зомбарт, мир техники, мир изобретателей даже в XVII–XVIII вв. «был все тот же старый, пестрый, буйный и жуткий мир, в котором люди жили до тех пор, пока наука не разбила его вдребезги» [Зомбарт 1925: 9].

Вместе с тем начиная с эпохи Возрождения все сильнее проявляются новые моменты в развитии техники, обусловленные потребностями практики и соответствующим усилением процесса освоения научных знаний. Существенное значение имело осознание в этот период того факта, что возможности техники могут неизмеримо увеличиться при использовании научных открытий. Об этом, видимо, впервые писал Леонардо да Винчи: «Увлекающийся практикой без науки – словно кормчий, входящий на корабль без руля или компаса... Всегда практика должна быть воздвигнута на хорошей теории» [да Винчи 1952: 180].

Философское обоснование необходимости союза науки и техники было дано Ф. Бэконом. Идея того, что «в недрах природы таится много весьма полезного, что не имеет родства или соответствия с уже изобретенным и целиком расположено за пределами воображения» [Бэкон 1971: 166], соединяется им с мыслью о безграничных возможностях человека, который способен превратить «знание в силу». Философия Ф. Бэкона как нельзя лучше отвечала потребностям зарождающегося капитализма, и основные ее установки были подхвачены еще при его жизни передовыми естествоиспытателями. Техника перестала развиваться спонтанно, основываясь лишь на интуиции отдельных изобретателей, техническое

освоение природы в силу использования научной методологии приобрело совершенно новые черты.

Влияние науки на технику сначала шло по линии разработки методов повышения эффективности известных технических изобретений – водяного, ветряного, парового двигателей, совершенствования способов передачи энергии и т. д. В дальнейшем, по мере создания исследовательских лабораторий непосредственно на производстве, усилился поток научных идей в технику. Техническое освоение природы к концу XIX в. стало органически связанным с успехами естествознания.

Использование научных идей и открытий в процессе технического освоения природы представляет собой выдающийся феномен. Если человек еще мог эмпирически, методом «проб и ошибок» оперировать механической, тепловой и в какой-то мере химической формами движения и изобретать на этой основе различные устройства, то без науки было бы принципиально невозможно освоить другие формы движения, использовать электричество, ядерную энергию и т. д.

В ходе развития естествознания выявляются свойства, отношения предметов реальности, находящиеся вне непосредственного взаимодействия с субъектом. Выявленные характеристики объектов первоначально имеют значение как научное открытие. Впоследствии, однако, результаты этих открытий непосредственно или косвенно используются в технике и технологии. Как это ни кажется порой странным, абстрактные, идеализированные объекты и логико-математические средства приводят к результатам, которые так или иначе вносят определяющий вклад в техническое развитие. Достаточно напомнить, что теоретические исследования М. Фарадея, Дж. Максвелла, Г. Герца привели к возникновению электротехники и радиотехники, исследования в области строения атома обусловили создание атомной техники, своим появлением микроэлектроника обязана работам по физике твердого тела и т. д.

Еще совсем недавно трудно было себе представить производство новых высокопрочных материалов, находящихся применение в машиностроении, авиации, медицине, на основе нанотехнологий. Нанотехнология – это технология манипулирования небольшим количеством атомов или даже отдельными атомами, осуществляемая с помощью соответствующих приборов и инструментов, различающих объекты размером порядка нанометров. Такие приборы в качестве основы своего функционирования используют квантовые эффекты. Существенно то, что с помощью указанных и иных средств можно создавать так называемые нанокластеры – конфигурации атомов, обладающих квантовыми свойствами. В свою очередь из нанокластеров (как наноквантовых искусственно созданных объектов) можно целенаправленно конструировать материалы с новыми структурно-функциональными свойствами. Наноконструирование опирается на процессы самоорганизации на уровне наномасштабов.

Вместе с нанотехнологиями мы неизбежно вступаем в эпоху управления процессами микромира, в эру высокой технологической интеграции. Мануэль Кастельс, выделяя особенности новой технологической волны, в качестве одной из ключевых ее характеристик называет конвергенцию конкретных технологий в высокоинтегрированной системе, представляющих собой синергично связанный кластер информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когни-

тивных наук [Кастельс 2000: 78]. Это так называемая *NBIC-конвергенция* (*N* – нано; *B* – био; *I* – инфо; *C* – когно).

Итак, научное познание, расширяя возможные пути технического развития, все более становится его необходимым условием и основанием. Особенности техники эпохи в значительной степени определяются характерной для науки данного времени парадигмой мышления, распространенными методами и подходами исследования. В этой связи примечателен следующий факт. Технические системы вплоть до наших дней рассматривались изолированно, как замкнутые системы (без учета последствий их влияния на внешнюю среду). Это позволяло значительно упростить их проектирование и сосредоточить внимание на главном – повышении технико-экономических показателей. Такое рассмотрение технической системы не требует разработки особых методов, средств учета последствий ее воздействия на природную среду. Практическое осознание философской концепции «все связано со всем» началось в данной области преимущественно из-за обнаружения отрицательных социально-экологических результатов технической деятельности.

Влияние классической науки существенно отразилось и на организации технологии производства. Практически до сих пор производство различных вещей основывается на выделении из исходного сырья необходимых элементов и синтезировании (соединении) их определенным способом. Неиспользованная часть сырья считается ненужной и выбрасывается в окружающую природную среду. В указанном плане различные производства можно рассматривать как реализацию техническими устройствами способов деления исходного сырья на «нужное» и «ненужное» и синтезирование «нужного» в соответствии с поставленными целями. Этот ведущий в современном производстве технологический способ имеет моменты сходства со спецификой подхода к объекту в научном познании.

Итак, практическое и теоретическое отношение человека к природе представляет собой неразрывное единство, и это определяет возможность развития техники. Внутри такого единства теория толкуется как производная от практической деятельности, ее отражение. Но это не пассивное, а активное отражение, позволяющее опережать практику и преодолевать ограниченные возможности непосредственно-чувственного отношения к природе. Технический прогресс теснейшим образом связан с теоретическим, научным познанием, которое по мере своего развития позволяет практически освоить ранее неизвестные процессы и явления природы.

Вместе с тем техническое освоение природы является важнейшим звеном в диалектическом движении знания. Оно апробирует не только истинность теоретического освоения природы, но и пробелы в этом освоении. Выявленные в ходе технической деятельности неучтенные при научном познании свойства, связи и отношения становятся предметом новых теоретических изысканий. В процессе практического применения результатов этих исследований обнаруживаются новые, непознанные аспекты реальности.

Логика развития техники

В целом логику развития техники можно проследить в двух основных взаимокоррелирующих направлениях. Первое – объективация функций человека в различных областях деятельности, передача их выполнения различным техни-

ческим системам. И второе – очеловечивание природы. В целом это единый процесс, в котором опредмечивание многообразных функций человека требует использования тех или иных свойств материи, форм ее движения и т. д.

Развитие техники прежде всего проявляется в опредмечивании трудовых, технологических функций человека. Определенное технологических функций человека постепенно привело к элиминации субъективного базиса технических устройств. Например, до механизации и автоматизации технологический процесс целиком строился на указанном базисе, то есть был подчинен мере субъективных возможностей человека, сноровки и ловкости его рук, его физической силы, выносливости, глазомера и т. д.

В этом плане не вызывает сомнений, что переход к автоматизированному производству является движением к высшей фазе объективации технологических функций человека. Далее развитие производственной техники наряду с освоением новых технологических способов, видов энергии и т. д. должно неуклонно идти по линии повышения эффективности и качества автоматизированных систем путем открытия и использования ранее неизвестных возможностей.

Вместе с тем нельзя характеризовать современный технический прогресс лишь в плане расширения возможностей объективации производственных функций человека. Отношения «человек – техника» гораздо богаче и многообразнее. Техника является средством объективации и в других сферах человеческой деятельности: науке, искусстве (кинематографе, телевидении) и т. д. Но дело не только и не столько в этом.

При определении особенностей технического развития в тот или иной конкретно-исторический период следует исходить из единства, взаимодействия двух основных факторов, обуславливающих своеобразие развертывания данного процесса: особенностей потребностей общества в техническом развитии и достигнутого уровня теоретического и практического освоения природной действительности. Первый определяет социальную детерминацию техники, ее функциональную предназначенность, второй – естественно-природное, субстратное содержание техники.

Понятие субстрата техники целостно характеризует материальную основу, материальный носитель социального функционирования техники, ее социальные свойства, связи и отношения. Выделяют субстрат отдельной технической системы, всей совокупной техники, имеющейся в распоряжении общества в данный момент и техники в принципиально неограниченной перспективе ее развития.

Различение субстратного и функционального содержания техники дает возможность дифференцированно подойти к пониманию технического прогресса, его критериям и основным направлениям. Если по функциональному признаку прогресс техники выражается в степени замещения техническими системами человека в различных областях его деятельности, то в субстратном отношении он проявляется в смене естественно-природной основы технических систем, позволяющей осуществить данное замещение. Стало быть, прогресс техники в определенном плане можно проследить и по линии изменения ее субстрата, в зависимости от возрастания ее организованности, уровня и разнообразия используемых в ней форм движения материи.

Таким образом, развитие техники идет также по линии раскрытия и углубления отношений «техника – природа», вовлечения в социальное бытие новых сре-

зов природной действительности. Рассмотрение технического развития в субстратном плане позволяет конкретно-исторически подойти к вопросу о взаимоотношении техники и природы, не априорно и беспредметно судить о «виновности» техники вообще в обострении экологической ситуации, а выявлять ограниченность тех или иных сторон ее реального естественно-природного содержания. Возможность расширения естественно-природных предпосылок технического развития приобретает особое значение в связи с необходимостью создания благоприятных экологических условий. Развитие субстратного содержания техники в принципе имеет множество альтернатив, и это существенное обстоятельство должно быть, несомненно, учтено при осмыслении путей решения экологической проблемы [Горюнов 1991: 25].

Установки «зеленой экономики» и оценка технических нововведений

Экологические проблемы (изменение климата, опустынивание, уменьшение биоразнообразия, нехватка пресной воды, загрязнение среды и др.) связаны с развитием техники в структуре традиционной, «коричневой» экономики. Эта модель нацелена на краткосрочные интересы, неограниченный рост и потребление [Мамедов 1989].

На конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20», которая проходила в 2012 г. в Рио-де-Жанейро, было обращено внимание на то, что традиционная модель экономического развития потеряла свою эффективность и человечество должно вступить в эпоху «зеленой экономики». Согласно Программе Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (ЮНЕП), «зеленая экономика» призвана снизить риски для окружающей среды, предотвращать ее деградацию и повысить качество жизни. Концепция «зеленой экономики» приемлема для всех стран – развитых, развивающихся и государств с переходной экономикой [Ковылин, Мамедов 2013: 59–65].

Установки «зеленой экономики» становятся системообразующими факторами в методологии комплексной оценки технических нововведений. Последняя предполагает социальную, экономическую и экологическую экспертизу последствий их возможного воздействия на природную и социальную среду.

Следует подчеркнуть, что конвергирующие технологии определяют новую стратегию развития техники и в этом качестве нуждаются во всесторонней гуманитарной, социально-экономической и геополитической оценке. Необходима экспертиза рисков и контингентных неопределенностей, с которыми сопряжена грядущая нанотехнологическая революция.

В современных условиях возникает насущная потребность в разработке и принятии в международном масштабе методологических принципов развития техники, позволяющих управлять данным процессом на глобальном и региональном уровнях. Возникает потребность в обосновании и общих правовых, организационных норм, позволяющих осуществлять целенаправленное развитие техносферы, не разрушающей устои природной среды нашей планеты. Все это становится объективной необходимостью в силу особого значения для человечества и будущего нашей цивилизации оптимальной ориентации технического прогресса.

Сейчас сложилась неординарная ситуация в развитии техносферы. Это связано с ужесточением в развитых странах экологического законодательства по отношению к устаревшим технологиям, эксплуатации различных видов транспорта

и в целом к техническим нововведениям. Эколого-правовые действия охватили страны Европейского союза, США, Канаду и Японию. Благодаря этим действиям в развитых странах наметилась подлинная технологическая революция, стали внедряться альтернативные технологии, значительно уменьшилось потребление природных ресурсов, улучшилось состояние окружающей среды, повысилось качество жизни людей.

Эти позитивные действия, однако, усилили дальнейшую дифференциацию мира, его расслоение уже на основе различного отношения отдельных стран к пониманию и решению экологических проблем. Усугубилась разница между экологическим состоянием стран Севера и Юга. Развивающиеся страны в силу слабостью экономики не могут разрабатывать новую технику, они вынуждены импортировать устаревшие виды техники, технологии. Последствия функционирования подобной техники имеют не только региональные измерения, они негативно влияют на состояние всей биосферы.

На Саммите ООН по устойчивому развитию, который проходил в Йоханнесбурге, еще в 2002 г. было рекомендовано унифицировать экологическое законодательство в мире, учитывая единство биосферы, принципы социальной справедливости и права человека на благоприятную природную среду. К сожалению, социально-экономическое положение большинства развивающихся стран до сих пор не позволяет решить эту проблему.

Глобализация, наметившаяся в различных сферах человеческой деятельности, по своей сути призвана устранить региональную диспропорцию в развитии техники. Технический прогресс, однако, не является одномоментным явлением, это самый сложный исторический процесс, и пространственно-временной фактор всегда имел и, видимо, будет иметь существенное значение в развертывании техносферы. Даже при наличии необходимых экономических, социально-культурных, политических условий распространение технических идей, их освоение, апробация, тиражирование требуют значительного времени. Определенный интервал времени необходим и для замены устаревшей техники, пространственной экспансии новых технологий. Фундаментальное значение в этой связи приобретает обоснование глобальной целевой сети развития техники на основе установок устойчивого развития в контексте возможностей и традиций отдельных стран.

Литература

- Аристотель. Политика. М., 1911.
- Аршинов В. И., Горохов В. Г. Социальное измерение NBIC-междисциплинарности // Философские науки. 2010. № 6. С. 22–35.
- Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1971.
- Гегель Г. В. Ф. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель // Соч.: в 14 т. Т. VIII. М.; Л., 1935.
- Горюнов В. П. Техника и природа. Л., 1991.
- Да Винчи Л. Избранное / пер. и коммент. А. А. Губера, В. П. Зубова, А. М. Эфроса. М. : Гослитиздат, 1952.
- Зомбарт В. Техника эпохи раннего капитализма. М., 1925.

Ильин А. Н. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. № 1–2(17–18). С. 147–160.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Ковылин Ю. А., Мамедов Н. М. Методологические аспекты становления зеленой экономики // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Экономика». 2013. № 3(24). С. 59–65.

Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. М., 1976.

Лем С. Сумма технологии. М. : Мир, 1968.

Мамедов Н. М. Экологическая проблема и технические науки (философско-методологические аспекты). Баку : Элм, 1982.

Мамедов Н. М. Проблемы экологии: некоторые актуальные аспекты. М. : О-во «Знание РСФСР», 1989.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 42. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1974.

Салам А. За тесное содружество наук // Курьер ЮНЕСКО. 1981. Сентябрь – октябрь.

Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949.

Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3–16.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ КАК МЕГАТРЕНД СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Балашова Н. А.*

На протяжении культурно-исторической эволюции происходит постепенная виртуализация насилия – изменяется пропорция его физических (особенно смертоносных) и нефизических форм. Данный процесс обеспечивается возможностью отсроченного психического ответа и феноменом переадресации агрессии. Автор доказывает, что относительное сокращение смертоносного насилия обеспечивалось его последовательным вытеснением в искусственно созданные виртуальные пространства.

Ключевые слова: *насилие, антропологические константы, техно-гуманитарный баланс, виртуальность, воображение, переадресация, отсроченный ответ, творчество, сублимация, СМИ.*

Throughout cultural and historical evolution, a gradual virtualization of violence takes place accompanied by the reducing rates of its physical (especially lethal) and non-physical manifestations. This process is supported by the opportunities of a delayed mental response and the phenomenon of redirected aggression. The author argues that the relative reduction of mortal violence has been provided by its successive shift into the artificially created virtual spaces.

Keywords: *violence, anthropological constants, techno-humanitarian balance, virtuality, imagination, redirection, delayed response, creativity, sublimation, media.*

Согласно данным ООН и ВОЗ, суммарные показатели бытового и военного насилия в первом десятилетии XXI в. уступали количеству самоубийств за тот же период [World... 2002; Global... 2011]. Поскольку население Земли в те годы приближалось к 7 млрд, столь низкие показатели *коэффициента кровопролитности* (среднее число убийств в единицу времени к численности населения) можно считать «историческим рекордом ненасилия» [Назаретян 2017: 95]. Статистика бытовых убийств в 2012 г. – 7,1 человек на 100 000, самоубийств – 11,4 на 100 000, военных потерь – 1,7 на 100 000 (в абсолютных показателях 500 000, 800 000 и 120 000 человек соответственно) [Global... 2017].

С 2013 г. ситуация начала меняться в худшую сторону, и в последние годы наблюдается существенное обострение напряжения на международной арене.

* Балашова Наталья Александровна – диссертант Университета «Дубна». E-mail: balashova-natalia@bk.ru.

В июне 2016 г. состоялся 161-й Нобелевский симпозиум, посвященный оценке вероятности новой мировой войны. Участвовавшие в обсуждении эксперты пришли к неутешительному выводу, что при усилении наметившихся в последние годы тенденций очередная крупномасштабная война неизбежна.

Катализатором дискуссии на уровне Нобелевского комитета стала теория «длительного мира», подробно описанная в книге С. Пинкера [Pinker 2011], и последовавшая ее критика, вылившаяся в жаркие научные споры. Помимо анализа солидного статистического материала, касающегося снижения показателей бытового и военного насилия, в данной работе дается оптимистическая оценка текущей и прогнозируемой ситуации на международной арене, основанная на экстраполяции 70 лет «долгого мира», наступившего после окончания Второй мировой войны.

Действительно, с 1945 г. в мире было зафиксировано всего четыре официально объявленных войны, однако, по оценкам экспертов, на фронтах холодной войны погибло до 25 млн человек [Назаретян 2017: 214]. Но поскольку театр военных действий разворачивался в отдаленных уголках планеты, в западном сознании сформировалась иллюзия беспрецедентно мирного времени. Этому немало способствовала и политическая риторика, окрестившая вооруженные вторжения такими эвфемизмами, как «помощь братским народам», «борьба за установление демократического режима», «упреждающий удар», «гуманитарные бомбардировки» и т. д.

Выход книги Пинкера совпал по времени с обострением ситуации на Ближнем Востоке, что привело к критике в ее адрес. Споры разгорались все с большей силой, и их апофеозом стал вышеупомянутый Нобелевский симпозиум. В частности, в ходе обсуждения было зачитано два доклада, призванных опровергнуть теорию «длительного мира».

Автор первого доклада – американский политолог Б. Браумёллер. Используя сложную методику вычислений, учитывающую военные возможности различных стран, их географическую близость, тип режима, степень политической значимости, а также проанализировав данные о частоте военных конфликтов предыдущих исторических периодов, он вычислил статистическую вероятность начала новой войны, утверждая, что относительно спокойный период мировой истории – не что иное, как промежуток между двумя крупными военными кампаниями [Brautmoeller 2016]. Согласно Браумёллеру, сокращение военных потерь не означает снижения воинственности. В качестве основной метрики он предлагает использовать не численность военных жертв, а количество произошедших боевых конфликтов, поскольку потенциально каждый из них мог привести к масштабной войне.

С точки зрения политической психологии наблюдаемая в последние годы тенденция служит классической иллюстрацией *массового комплекса катастрофичности* – иррационального желания «маленьких победоносных войн», возникающего на фоне качественного улучшения жизни и длительного отсутствия серьезных потрясений. Эта психическая эпидемия была описана немецким политологом П. Слотердайком, изучавшим настроения европейцев в преддверии Первой мировой войны [Sloterdijk 1983].

Длительное затишье и становление культуры потребления, а также размывание жизненных смыслов привели к настроениям, способствующим обострению

ситуации на мировой арене и возникновению локальных очагов военных конфликтов. Вопреки этому огромное значение имеет вторая часть утверждения Браумёллера, а конкретно тот факт, что каждый из этих конфликтов потенциально мог спровоцировать крупномасштабные боевые действия, однако не привел к ним. Именно это должно стать предметом пристального анализа. При уровне развития современной военной техники, грозящей в случае применения уничтожением мировой цивилизации, жизненно важной задачей становится выявление механизмов, способствующих сдерживанию агрессивных импульсов, не только на уровне индивидуального сознания, но и на международной арене.

Еще один зачитанный на симпозиуме доклад стал результатом совместной работы экономиста и математика, автора теории «черного лебедя»^{**} Н. Н. Талеба и профессора Делфтского технического университета П. Сирилло. Как и в докладе Б. Браумёллера, основной критике подверглись статистические данные С. Пинкера. В качестве альтернативы для оценки реальных угроз была предложена теория экстремальных значений – методика статистического анализа, призванная обнаружить вероятность редких, но крайне важных событий, в том числе и мировых войн [Cirillo, Taleb 2015: 29–45].

В целом выводы Талеба и Сирилло совпали с прогнозами Браумёллера. Тем не менее точка в обсуждении не была поставлена. В первую очередь это связано с тем, что прогнозирование мировых войн все же несколько выходит за рамки статистического анализа и линейной экстраполяции, свойственной классическому научному знанию. К важнейшим достижениям неклассической науки относится признание роли в развитии событий случайности, нелинейности и субъективных факторов.

Классическая иллюстрация преодоления инертности истории – выход из Карибского кризиса, грозившего в случае обострения обвалом системы. Договоренность, достигнутая несколькими десятками людей, обеспечила сохранность цивилизации. Этот пример наглядно демонстрирует роль ментальных факторов, неуклонно возраставших на протяжении истории. Значительная роль субъективного воздействия несет в себе как возможность выхода из конфликта, так и угрозу его возникновения. При снижении качества политической мысли, когда громкие заявления делаются не в интересах государств или мирового сообщества, а с целью самопиара и повышения рейтингов, эта угроза многократно возрастает. Как еще ранее заметил эксперт по статистическому измерению политического насилия Д. Ульфельдер, «результаты исследований Талеба и Сирилло показывают, что мы не можем доказать изменение риска войны, но не доказывают само по себе то, что этот риск не изменился» [Ulfelder 2015].

Отметим, что споры о социально-исторической динамике насилия велись и раньше. Концепция снижения показателей физического насилия остается предметом активных дискуссий не только в научном сообществе, но также в политике и общественной публицистике на протяжении нескольких десятилетий. Изначально факт сокращения насилия в истории был количественно зафиксирован немецким социологом Н. Элиасом в конце 1930-х гг. [Элиас 2001], а впоследствии много-

^{**} «Черный лебедь» – теория, рассматривающая статистически труднопрогнозируемые и редкие события, которые имеют значительные последствия.

кратно подтвержден независимыми социологическими и антропологическими исследованиями, в том числе и российских ученых.

По мере появления новых, все более объемных, системных и конкретных данных возрастало число не только сторонников, но и противников концепции. Традиционная аргументация критиков построена на анализе *абсолютных* показателей динамических рядов бытового, криминального, военного насилия, то есть не учитывает численность населения на анализируемых исторических этапах, что приводит к драматическому искажению общих выводов. Использование *относительных* показателей, способствующих получению более объективных данных, позволяет судить о действительной исторической динамике физического (точнее – смертоносного) насилия.

Согласно расчетам С. Пинкера, насильственной смертью в первобытных поселениях погибало от половины до двух третей жителей, в XIV и XV вв. в Лондоне жертвами насилия становились 55 человек на каждые 100 000 населения, в Оксфорде – 100, в Амстердаме – 50, в Риме – от 30 до 70. Сегодня ежегодная статистика убийств в Риме – 1 человек на каждые 100 000 населения, в Лондоне и Осло – 2 человека. Таким образом, за последние несколько веков количество убийств в европейских странах снизилось в 50–100 раз [Pinker 2011].

Там же приведены подсчеты жертв татаро-монгольских нашествий в XIII в., превысивших 40 млн человек [*Ibid.*: 291]. Эта цифра сопоставима с 55 млн погибших во Второй мировой войне. При этом численность населения планеты в эпоху монгольских завоеваний составляла лишь седьмую часть от населения середины XX в., а жестокость, с которой агрессоры убивали своих жертв, порой вырезая целые города, значительно превосходила ужасы нацистских пыток и концентрационных лагерей.

XVIII–XIX вв. стали относительно мирным периодом европейской истории, в то время как в других частях света не утихали внутренние и колониальные войны. Если в XX в. европейские военные потери составили 65–70 % военных жертв всей планеты, то в XIX в. (5,5 млн погибших, согласно расчетам Б. Ц. Урланиса [1994]) этот показатель составлял 5–7 % [Назаретян 2017: 99]. Так, во всех колониальных войнах XIX в. погибли 106 000 европейцев и миллионы коренных жителей, общее число которых трудно поддается подсчету.

Мнения экспертов расходятся и по поводу количества военных жертв в Китае в XIX в. По расчетам китайских историков, суммарное число погибших в процессе Опиумных войн и Тайпинского восстания колеблется в пределах от 60 млн до 100 млн человек [Там же: 98]. Однако, поскольку данные события были удалены от Европы, европейским историкам этот период запомнился как эпоха относительного мира и гуманизма. Комплексный анализ позволяет иначе взглянуть на реалии XX в. и увидеть действительную историческую динамику.

Выводы о сокращении насилия в истории подтверждают также антропологические и этнографические исследования. В ходе длительного изучения племен индейцев Амазонки и Новой Гвинеи антропологом Л. Кили было установлено, что сравнительные показатели мужской насильственной смертности в этих племенах в десятки раз превосходят соответствующие показатели Европы и США в XX в. и колеблются в диапазоне от 15 до 60 %, в зависимости от особенностей культуры, шаблонов межличностных взаимодействий, занимаемой территории [Keeley 1996]. При этом процент всех насильственных смертей в Европе и США

в XX в. (в том числе и в двух мировых войнах) слегка превышает 1 %. Таким образом, если бы показатели насильственной смертности только в войнах XX столетия (не считая бытового насилия и «мирных» политических репрессий) соответствовали первобытным, то потери составили бы не 120 миллионов человек, а 2 миллиарда.

Снижение показателей насилия характерно также для бытовых, в том числе внутрисемейных конфликтов. Например, убийства женами своих мужей сократились с 1,2 на 100 000 в 1976 г. до 0,2. Снижается и статистика убийств жен мужьями – с 1,4 до 0,8 за тот же период [Pinker 2011: 369].

Изменения претерпели и такие регламентированные формы насилия, как наказания. Одной из самых распространенных форм наказания в период Средневековья была смертная казнь. Причем порой смертный приговор выносился за такие нарушения, за которые в современном мире выносятся предупреждения или выписываются штрафы. Помимо «традиционных» и относительно «гуманных» способов умерщвления преступников, таких как отсечение головы или повешение, в арсенале палачей присутствовал широкий набор более изощренных методов: четвертование, колесование, распиливание, посажение на кол, утопление, закапывание живым и т. д. А перед смертью провинившихся пытали с использованием таких инструментов, как раскаленные щипцы, шипастые груши, покаянные рубашки и свинцовые колпаки [Сансон 2008].

Так почему же столь сильна иллюзия небывалого роста насилия в современном обществе? Причину этого стоит искать в присущих человеческому восприятию особенностях – *ретроспективной аберрации* и прочих когнитивных иллюзиях.

Ретроспективная аберрация – иллюзорная оценка реальных исторических тенденций, при которой на фоне растущих потребностей объективно улучшающаяся ситуация сопровождается растущим ощущением неудовлетворенности (и наоборот) [Назаретян 2017: 112]. Как ни парадоксально, иллюзия беспрецедентного падения нравов в XX в. была спровоцирована вытеснением насилия из повседневной жизни.

Стоит отметить, что за несколько лет до выхода ставшей камнем преткновения книги Пинкера снижение показателей насильственной смертности в истории было зафиксировано российскими учеными. С начала 2000-х гг. был проведен междисциплинарный сравнительно-исторический анализ эволюционной динамики социального насилия [см., например: Буровский 2009; Назаретян 2009 и др.], результаты которого оказались близки данным, полученным западными коллегами.

Для объяснения парадоксального результата (с ростом убойной мощи оружия и плотности населения относительные показатели убийств сокращались!) была сформулирована рабочая гипотеза – модель *техно-гуманитарного баланса*, описывающая системную зависимость между технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью общества [Назаретян 2015: 22]. Данная модель является социальным аналогом правила *этологического баланса*, действующего в животном мире.

Согласно правилу этологического баланса, существует прямая зависимость между естественной вооруженностью какого-либо вида и развитостью механизмов торможения внутривидовой агрессии. Одним из последних подтверждений этого правила стали исследования испанского биолога Х. М. Гомеса и группы его

коллеги из университета Гранады. В результате изучения 1024 видов млекопитающих было выяснено, что у 40 % из них в той или иной форме присутствует летальная агрессия. При этом ученые делают оговорку, что данный показатель занижен в силу отсутствия полной информации по некоторым видам. Оказалось, что первое место среди млекопитающих по количеству внутривидовых убийств занимают сурикаты – небольшие пустынные зверьки, не имеющие длинных зубов и когтей. Показатель летальной агрессии в сообществах этих на первый взгляд безобидных животных составляет 19,36 %. Далее идут краснохвостые мартишки – 18,18 %, голубые мартишки – 17,7 % и краснолобые лемуры – 16,67 % [Gomez 2016: 233–237].

По аналогии с правилом этологического баланса, по закону техно-гуманитарного баланса чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сублимации агрессии необходимы для сохранения социальной системы. Таким образом, снижение насильственных показателей было следствием развития технологий (не только боевых): социумы, не умевшие совершенствовать поведенческие шаблоны в соответствии с возросшей инструментальной мощью, последовательно «выбраковывались» из истории, разрушив природные и/или геополитические условия собственного существования.

Вышеописанная гипотеза дает объяснение тому, *как* и *почему* происходило сокращение насилия в истории, однако не отвечает в полной мере на вопрос, *куда* уходила подавляемая агрессия, не получавшая естественного выхода. Если процент убийств снижался, можем ли мы с полной уверенностью утверждать, что сокращался и общий объем социального насилия?

В последние годы в социальных и гуманитарных науках все больший вес приобретает теория *антропологических констант*, согласно которой существуют показатели (уровень социальных страхов, агрессия и т. д.), остающиеся неизменными на всех исторических этапах [Гуггенбуль 2000: 76]. Изменения претерпевают лишь их формы, возбудители и способы проявления. Имеются основания полагать, что общемировые показатели социального насилия также могут быть отнесены к числу антропологических констант [Назаретян 2009; Красиков 2009].

В этом случае перед нами встает закономерный вопрос: если показатели убийств в истории последовательно (хотя и нелинейно) сокращались, куда исчезало «нерастраченное» физическое насилие? Любой, даже самый примитивный акт насилия выражается одновременно в двух сферах: материальной, связанной с физическими проявлениями, и невещественной, порожденной смыслами, которые человек вкладывает в свои действия. Сознание не просто «отображает» внешний мир, а строит различные модели восприятия [Петренко 2016: 127]. Анализ литературы позволил предположить, что основным каналом «утечки» физического насилия служит его виртуализация как переход в символически опосредованные формы.

Сегодня под виртуальностью понимается искусственное пространство, созданное при помощи специальных программно-технических средств. Между тем первые представления о виртуальности встречаются уже в Античности. В частности, в диалогах Платона «Парменид» и «Тимей» говорится о существовании двух миров: совершенного мира образов и его грубой физической проекции [Платон 1993: 346–413; 1994: 421–501]. Идея пространства, содержащего в себе образ всех предметов, нашла продолжение в средневековой философии. Один из классиче-

ских примеров – рассуждения Николая Кузанского о семени, потенциально содержащем в себе взрослое дерево и все его переходные состояния [Кузанский 1980: 22–24]; значит, существует некое проектное поле, включающее все возможные образы и состояния объекта. Это своеобразный промежуточный мир, отделяющий абсолютную силу от ее вещественного проявления.

Сам термин «виртуальность» возник в XX в.: он был первоначально использован для описания вариационных принципов перемещения частиц в пространстве. При этом действительно значительное распространение идеи виртуальности произошло благодаря появлению понятия «виртуальная частица», которое используется в квантовой физике для обозначения ненаблюдаемых феноменов, обеспечивающих взаимодействие элементарных частиц. С развитием компьютерной техники этот термин получил неожиданно широкую популярность.

Если абстрагироваться от технических деталей, то виртуальная реальность представляет собой сконструированный искусственный мир, позволяющий человеку пережить определенный набор чувств, эмоций и ощущений. До появления компьютерной техники с задачей погружения сознания в пространство, отличное от физической реальности, справлялись такие виды массовой коммуникации, как картины, литературные произведения, спектакли, художественные фильмы и т. д. Существенное, но не принципиальное отличие ранней виртуальности от компьютерной состоит лишь в степени погружения. Если первые виртуальные носители (наскальные рисунки, картины, устные пересказы, книги, фильмы) задействовали один-два канала восприятия, то более поздние позволяют включить в процесс дополнительные органы чувств.

К числу основных свойств виртуальности традиционно относят порожденность, актуальность, автономность и интерактивность [Носов 2000: 33]. Все эти характеристики присущи не только виртуальности XX и XXI вв. Один из основателей психологического подхода к исследованию этого феномена Н. А. Носов показал, что любое творчество представляет собой переход в виртуальную реальность [Там же: 64]. При этом виртуальность рассматривается как чувственно-образное явление, существующее независимо от специализированной «системы погружения». Американский публицист Ф. Хэммит также связывает возникновение виртуальности с эволюцией знаковых систем искусства [Hammet 1993]. Аналогичную точку зрения можно найти и в работах Р. Барта, утверждающего, что любое литературное произведение использует собственный дискурс, создавая тем самым одномерную реальность [Барт 1994].

Таким образом, под виртуализацией насилия следует понимать процесс его вытеснения в искусственно созданные пространства рисунков, текстов, фильмов, игр и прочих СМИ. Признавая это свойство, советский режиссер С. М. Эйзенштейн писал о себе: «Жестокость, не нашедшая своего приложения к мухам, стрекозам и лягушкам, резко окрасила подбор тематики, методики и кредо моей режиссерской работы» [Эйзенштейн 1997: 12]. Но замечательной особенностью виртуального пространства является то, что для сублимации агрессии не обязательно, подобно Эйзенштейну, создавать его, достаточно просто в него погрузиться.

При этом в процессе эволюции виртуального пространства наблюдались его постепенная унификация и сокращение свободы воображения. Например, книга дает лишь общие описания внешности и взаимодействия персонажей, картины

событий и т. д. Детали и яркость возникающих образов ограничены лишь индивидуальными возможностями воображения. При просмотре фильма эта свобода значительно снижается, поскольку детальный образ героя и событий предстает перед глазами неизменным. Зритель может дополнить демонстрируемый образ лишь незначительными чертами, интерпретация обретает вполне определенные рамки. Как ни парадоксально, пространство, созданное при помощи специальной системы погружения (3D-изображение, объемный звук и прочие технические средства, максимально задействующие каналы восприятия), еще более унифицировано: оно включает в себя лишь те варианты развития событий, которые заранее прописаны в соответствующей программе.

Можно говорить о том, что в процессе историко-культурной эволюции происходит последовательная стандартизация не только социальной, но и виртуальной среды. Таким образом соблюдается *закон иерархических компенсаций*, согласно которому в системах со сложной иерархической организацией рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается его ограничением на предыдущих уровнях. В противном случае рост разнообразия на нижнем уровне приведет к разрушению системы [Назаретян 2017: 246–249].

Итак, представления о виртуальности имеют более глубокие корни, чем может показаться на первый взгляд, а возникновение самого феномена, вероятно, по времени совпадает с появлением первых предметных образов. По мнению американского психофизиолога У. Кеннона, существуют три варианта ответа организма на внешнюю угрозу: борьба, бегство и отсроченный ответ [Cannon 1963]. Возможность отсроченного ответа – стартовая точка сублимации агрессии и виртуализации насилия. Человеческая память, в отличие от психики животных, способна в мельчайших деталях удерживать предшествующий опыт, вызывать к жизни чувства и эмоции, испытанные ранее. Подавленные эмоции ненависти и ярости никуда не исчезают и либо в конечном итоге выливаются в акт физического насилия, либо сублимируются в виртуальную форму.

Косвенное подтверждение гипотезы о постепенном переходе насилия из физической сферы в виртуальную дают и нейробиологические исследования, показавшие, что в лимбической системе существуют группы нейронов, ответственных за переживание ярости и агрессии [Barinaga 1992: 887–888]. Согласно полученным К. Лоренцем данным, длительное отсутствие их стимуляции, а тем более устранение всех раздражителей способствует не уменьшению количества агрессивной энергии, а снижению порога возбудимости [Лоренц 1994]. То есть даже незначительное внешнее воздействие может спровоцировать резкий неконтролируемый насильственный всплеск. История изобилует примерами «полярных болезней» и «экспедиционного бешенства», когда люди, длительное время вынужденные находиться в обществе друг друга, конфликтуют по самым незначительным поводам, и порой эти конфликты выливаются в членовредительства и даже убийства.

Другим классическим примером реакции на дефицит негативных событий служит упомянутый ранее комплекс катастрофофобии, возникающий на фоне качественного улучшения жизни и длительного отсутствия серьезных потрясений.

Возможность сублимации агрессии в виртуальное пространство дает механизм переадресации [Там же]. Было установлено, что негатив, спровоцированный

неким внешним раздражителем, часто выливается не на источник воздействия, а на того члена группы, который имеет более низкий социальный статус, или на неодушевленные предметы. Именно возможность такой переадресации или сублимации дает основания надеяться, что при нахождении адекватного замещающего объекта, в качестве которого используется виртуальное пространство, эмоциональный заряд может быть «сброшен» безболезненным и физически ненасильственным способом.

На протяжении всей человеческой истории происходит эволюция коммуникативных средств, заключающаяся в повышении влияния за счет увеличения числа активизируемых каналов восприятия. Одним из самых популярных сюжетов, присутствующих в любом СМИ, остается насилие. По мере исторического развития происходило значительное увеличение объемов информации, и в XX–XXI вв. этот рост достиг небывалых величин. Ежегодно издается бессчетное количество книг, выпускается множество фильмов и компьютерных игр, при этом сохраняется огромный массив доступных произведений, созданных в предыдущие периоды. Согласно традиционной точке зрения, обилие сцен насилия в литературе, кино и особенно компьютерных играх способствует повышению агрессивности аудитории и увеличению частоты насильственных актов. Между тем анализ соотношения физического и виртуального насилия в исторической ретроспективе дает обратные результаты. По мере технического развития способностей СМИ максимально «погружать» человека в воспроизводимое виртуальное пространство происходило снижение насильственных показателей [Балашова 2012].

Вероятно, виртуализация насилия является одним из множества механизмов, обеспечивающих устойчивость цивилизационной системы, и ответом на глобальные вызовы, брошенные стремительным развитием бытовых и оружейных технологий, импульсивное использование которых грозит ее обвалом. Однако мы не можем с полной уверенностью утверждать, что если данная тенденция была характерна для предыдущих исторических периодов, то она продолжится и в будущем. Возможно, существует некий предел адаптации психики и сокращения насильственных показателей. Этот вопрос требует дальнейших исследований, поскольку от широты адаптивного диапазона культурно-психологической саморегуляции может решающим образом зависеть судьба цивилизации на нашей планете.

Литература

- Балашова Н. А. Физическое и виртуальное пространства реализации социального насилия // Историческая психология и социология истории. 2012. № 5. С. 136–147.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994.
- Буровский А. М. Бытовой фон насилия. Литературные размышления историка // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 33–49.
- Гуггенбуль А. Зловещее очарование насилия. СПб. : Академический Проект, 2000.
- Красиков В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М. : Водолей, 2009.
- Кузанский Н. О видении Бога / Н. Кузанский // Соч.: в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1980.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М. : Прогресс-Универс, 1994.

Назаретян А. П. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? (Развернутый комментарий к статье А. М. Буровского) // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 150–170.

Назаретян А. П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент Мегастории // Век глобализации. 2015. № 2(16). С. 18–35.

Назаретян А. П. Нелинейное будущее. 4-е изд. М. : Аргамак-Медиа, 2017.

Носов Н. А. Виртуальная психология. М. : Аграф, 2000.

Петренко В. Ф. Многополярная культура Единого Человечества // Век глобализации. 2016. № 1–2(17–18). С. 126–132.

Платон. Парменид / Платон // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1993.

Платон. Тимей / Платон // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994.

Сансон А. Записки палача. М. : Эксмо, 2008.

Урланис Б. Ц. История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. СПб. : Полигон, 1994.

Эйзенштейн С. М. Мемуары. М. : Труд, 1997.

Элиас Н. О процессе цивилизации. СПб. : Университетская книга, 2001.

Barinaga M. How Scary Things Get that Way // Science. 1992. No. 258. Pp. 887–888.

Braumoeller B. F. Is War Disappearing? Manuscript. Ohio : The Ohio State University, 2016.

Cannon W. The Wisdom of the Body. New York, NY : W. W. Norton, 1963.

Cirillo P., Taleb N. N. On the Statistical Properties and Tail Risk of Violent Conflicts // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2015. Vol. 452. Pp. 29–45.

Global Health Observatory Data Repository. 2017 // World Health Organization [сайт]. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.CODWORLD?lang=en>.

Global Study of Homicide. Trends, Contexts, Data. N. p. : UNODC, 2011.

Gomez J. M. The Phylogenetic Roots of Human Lethal Violence // Nature. 2016. No. 538. Pp. 233–237.

Hammet F. Virtual Reality. New York, NY : Palgrave Macmillan, 1993.

Keeley L. H. War before Civilization. The Myth of the Peaceful Savage. New York, NY : Oxford University Press, 1996.

Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence has Declined. New York, NY : Viking Press, 2011.

Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. Bd. 1 und 2. Frankfurt am Main : Edition Suhrkamp, 1983.

Ulfelder J. About That Apparent Decline in Violent Conflict. 2015 // Dart-throwing Chimp [сайт]. URL: <https://dartthrowingchimp.wordpress.com/2015/05/22/about-that-apparent-decline-in-violent-conflict>.

World Report on Violence and Health / Ed. by E. G. Krug, L. L. Dahlberg, J. A. Mercy, A. B. Zwi, R. Lozano. Geneva : World Health Organization, 2002.

ОТ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К НЕОГЛОБАЛИЗАЦИИ: КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ*

Махаматов Т. М.**

В статье рассматриваются объективные основания введения понятия неоглобализации, которое может иметь важное методологическое значение в глобалистике. Выделяются и анализируются онтологические основания определения новой исторической ступени в эволюции глобализации. Рассматриваются новые тенденции в процессе глобализации, такие как «демографическая лавина»; изменения, проблемы и противоречия в основных тенденциях глобализации и их влияние на демократические институты. Обсуждаются санкции и другие актуальные проблемы, выявленные и проанализированные в работах ведущих ученых в области глобалистики. Обосновывается необходимость разработки понятия неоглобализации.

Ключевые слова: глобализация, культура, международные отношения, новый этап глобализации, цивилизация, многополярный мир, неоглобализация, демократическая идентичность.

The article discusses the objective foundations for the introduction of the concept of neoglobalization, which may have important methodological significance for the global studies. We identify and analyze the ontological foundations for the definition of a new historical stage in the evolution of globalization. We consider such new trends in the globalization process as a «demographic avalanche», changes, problems and contradictions in the main trends of globalization and their influence on the institutions of democracy. We also discuss sanctions and other urgent issues identified and analyzed in the works of the leading scientists in the field of global studies; we also justify the necessity for the elaboration of the neoglobalization concept.

Keywords: globalization, culture, international relations, a new stage of globalization, civilization, a multi-polar world, neoglobalization, democratic identity.

Каждое качественное состояние человеческого общества внутри самого себя проходит ряд исторических этапов своей эволюции. Эпоха античного рабовладения проходила этапы древнегреческой и древнеримской формы, феодализм проходил этапы отработочной, продуктовой и денежной ренты. Капитализм, общеизвестно, тоже прошел ряд исторических этапов своего развития. Эпоха глобализации не является исключением, что проявляется, согласно В. И. Пантину, в ее цикличности и волнообразности в историческом измерении [Пантин 2003]. Тем более

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 15-23-21002 («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»).

** Махаматов Таир Махаматович – д. ф. н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: makhamatov.tair@mail.ru.

в «социально-философском аспекте глобализация не редуцируется к одной из многих своих сторон, а рассматривается как сложный исторический феномен, от эпохи к эпохе меняющий свои содержание и формы» [Гранин 2014: 93–94].

Как пишет А. Н. Чумаков, «сегодня уже невозможно не замечать все ускоряющейся динамики общественной жизни и нарастающих в этой связи качественно новых проблем, ибо теперь на протяжении жизни не только одного человека или даже одного поколения, но и в течение буквально нескольких лет фундаментально изменяются культурные и цивилизационные основы жизнедеятельности людей» [Чумаков 2013: 29].

Как известно, глобализация является объективно-историческим процессом формирования и углубления взаимосвязи и взаимозависимости стран различных регионов мира в сфере экономики, финансов, информатики, передовых технологий и в военно-политических аспектах [Его же 2017a]. В ее субстанциальном основании находятся интернационализация капитала, включающая в себя международное разделение труда [Гобозов 2013: 136], развитие и распространение информационных технологий, проявляющиеся в образовании всемирного информационного пространства, виртуальной экономической и даже социальной сферы. Ее сущностные особенности, проанализированные в фундаментальных исследованиях Э. Ласло, У. Бека, Н. Н. Моисеева, И. Т. Фролова, А. Н. Чумакова, А. Д. Урсула, Л. Е. Гринина и других [Глобалистика 2003], сегодня существенно меняются.

Такие методологические принципы научно-теоретического познания, как принципы развития, историзма и диалектического отрицания, требуют введения новых понятий, помогающих более адекватно отражать качественно разнообразные этапы эволюции объектов исследования. Изменения, которые сегодня происходят в глобализации, позволяют говорить о начале ее качественно нового этапа. Я считаю, что понятие *неоглобализации* является наиболее подходящим для выражения нынешнего этапа глобальных процессов. Однако, как пишет Ю. Д. Гранин, «в научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции процессов глобализации» [Гранин 2014: 91]. А. Н. Чумаков также отмечает, что «многие вопросы ее генезиса, эволюции и влияния на общественную жизнь остаются дискуссионными даже в среде специалистов, занимающихся этой тематикой» [Чумаков 2016: 3]. На мой взгляд, такое положение в исследовании глобализации связано с тем, что новый этап глобализации – *неоглобализация* – находится в процессе своего становления.

Впервые о проблемах нынешнего этапа глобализации, возможности наступления нового этапа глобализации и его принципах писал Д. Родрик в своей книге «Парадокс глобализации», опубликованной в 2011 г. Он ставит вопрос о возможном новом – после 1914 г. – крахе глобализации. «Не станем ли мы в ближайшие годы свидетелями аналогичного распада глобальной экономики? Этот вопрос, – утверждает автор, – отнюдь не относится к области фантазий. Несмотря на то, что экономическая глобализация, обеспечивая развитым странам беспрецедентный уровень процветания, вместе с тем стала подарком для сотен миллионов бедных работников в Китае и других странах Азии, она опирается на очень шаткий фундамент. ...Глобальные рынки имеют “слабые корни”». У нас нет ни глобальных антимонопольных органов, ни глобальных кредиторов последней инстанции, ни глобальных контролирующих органов, ни глобальной сети социального обеспе-

чения; разумеется, не существует также и глобальной демократии. Иными словами, глобальные рынки слабо управляются и потому нестабильны, неэффективны и не обладают серьезной массовой легитимностью» [Родрик 2014: 22–23; Махаматова 2012].

Говоря о переходе к этапу неоглобализации, я не имею в виду преодоление, «отмирание» глобализации или же ее крах. Объективная необходимость перехода к фазе неоглобализации начинает проявляться в тех проблемах, решение которых требует нового мирового порядка, новых форм и норм взаимоотношений между субъектами мировой политики. Здесь речь идет о последствиях тех противоречий, которые порождены несовершенством международных институтов регулирования и управления [Дробот 2011; Чумаков 2010; Ильин, Каверин 2014]. Изменения в сфере международных отношений различных направлений, национальные политические практики, социальные, культурные и демографические процессы, затрагивающие глобальное человечество, свидетельствуют о начале неоглобализации как качественно новом этапе глобализационного процесса.

Хотя идея о новом этапе глобализации впервые высказана Д. Родриком, выдвинутые им принципы являются не чем иным, как всеобщими признаками глобализации, которые авторы журнала «Век глобализации» анализируют с самого его основания. Возьмем, например, принцип «глубокой интеграции рынков в систему управления» [Родрик 2014: 474], о чем уже подробно писали А. Б. Вебер [2009], А. Н. Чумаков [2010], А. Д. Урсул [2014], П. Ближковский [2014] и др. Мысль о новом этапе в эволюции глобализации высказывается Ю. Д. Граниным – он описывает ее как такую «волну глобализации», которая «побуждает крупные региональные державы “полупериферии” вырабатывать собственные формы глобализационных стратегий» [Гранин 2014: 90]. О «новых явлениях глобального мира, которые еще не стали предметом специального изучения в современной глобалистике», пишет и А. Н. Чумаков [2016: 3]. Я считаю, что конец **«четвертого эпиметаморфоза»** и приближение **«пятого эпиметаморфоза»**, о которых рассуждает автор [Там же: 14], и есть начало *эпохи неоглобализации*.

Одна из проблем современного этапа глобализации, преодоление которой обуславливает переход к неоглобализации, проявляется в том, что при отсутствии внешних сил (каковыми до конца 80-х гг. XX в. были блок Варшавского договора и НАТО) многочисленные субъекты международных отношений объективно оказались в ситуации **войны всех против всех** [Его же 2015: 36]. Другая проблема – это «цветные революции», которые стали отличительной чертой мирового порядка с конца XX в.

Следующая проблема, решение которой лежит в основании неоглобализации, – это исчерпывающее себя господство вестернизации в глобализационном процессе. *По объективным причинам* – развитая технология, европейская форма демократии, возрастание роли гражданского общества и т. п. – в процессе глобализации с самого начала господствовала *«экспансия “западной” модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели»* [Иноземцев 2004: 60]. Одним из показательных результатов этого этапа является формирование *управляющей и господствующей роли ведущих стран мировой экономики*, в распоряжении которых находятся центры финансового рынка и современных технологий, высокая производительность труда, культурно-цивилизационные достиже-

ния, огромный потребительский рынок и определяющая роль в военно-политических союзах.

Даже в исторический период биполярности в мировой политике страны – союзники СССР стремились совершенствовать свою политическую и экономическую систему, используя достижения западного мира, и поэтому они не могли и не ставили целью повлиять на эту особенность глобализации. Социалистический блок лишь ослаблял военно-политический диктат стран – лидеров глобализационного процесса. Но после развала социалистической системы и СССР усиливается господство Запада, и страны развитого западного мира начинают открыто диктовать другим государствам свою финансово-экономическую политику, способы ведения внутренней и внешней политики, превращая тем самым их суверенитет в фикцию. Этот факт некоторыми исследователями был понят как «искусственно навязанная США и их союзниками всему остальному миру глобализация» [Гобозов 2013: 172].

Каковы основные признаки неоглобализации? Стремительный рост экономики Китая и Индии, политико-экономическое и военное восстановление России, образование БРИКС и ряд других факторов формируют *многополярный мир* и рождают *незападную модель* глобализации, не исключая, но *дополняя западную ее модель*. Как подчеркивает Л. Е. Гринин, «*развитие глобализации с некоторого момента оказалось несовместимым с устоявшейся моделью американской и западной гегемонии*» [Гринин 2013: 66; курсив мой. – Т. М.]. Свой вклад в формирование западной модели глобализации начинает вносить исламский мир. Здесь очень важно объективное понимание особенностей исламской цивилизации. «Особенности мусульманской культуры и цивилизации в целом должны рассматриваться не в контексте противопоставления Востока и Запада, старого и нового, прошлого и настоящего, самобытности и современности, традиционализма и рационализма, наследия и обновления, религиозного и национального, а на основе их взаимосвязи» [Кирабаев 2015: 30–31]. Следовательно, процесс *превращения глобализации в мегатенденцию, объединяющую все человечество в его разнообразии в демократическую «глобальную общность»* [Гринин 2014: 93], *рождение ее западной модели и образование многополярного мира можно рассматривать как одни из главных признаков неоглобализации.*

Другим признаком неоглобализации, на мой взгляд, является *формирование национальной и региональной форм политической культуры и практики демократии* [Махаматов 2007; Проблемы... 2016].

До сегодняшнего дня страны развитого Запада стремились быть «единым образцом» и «учителями» демократии. Однако в последнее время наблюдаются явные кризисные тенденции в западной демократии. Современный итальянский политический философ Л. Канфора с грустью пишет, что «победила свобода – в мире богатства – со всеми ужасными последствиями, какие принесла и еще принесет всем прочим эта победа. Демократия же осталась в других эпохах; о ней когда-нибудь задумаются, начав все сначала, другие люди» [Канфора 2012: 376]. Британский профессор социологии К. Крауч заявляет об «ослаблении демократии» и наступлении «постдемократии», «когда власть все чаще оказывается в руках деловых лобби, нет веских оснований рассчитывать на сильную эгалитарную политику перераспределения власти и богатства или ограничения влиятельных заинтересованных групп» [Крауч 2010: 18, 19].

В настоящее время мы видим позитивную эволюцию опыта практики демократии Ирана, Индии, Китая, России и других молодых демократий, которые отличаются от классической западной модели демократии. В них на основе универсальных, общечеловеческих принципов демократии [Махаматов 2015] формируются демократическая культура и политика, синтезирующие гуманистические элементы, заключенные в национальных традициях и образе жизни различных этносов. Происходит сложный процесс становления *международного принципа признания демократической идентичности других стран и народов как еще одного фактора неоглобализации*.

Еще одним фактором перехода к этапу неоглобализации, на мой взгляд, является необходимость преодоления кризиса природы санкций. До последнего времени санкции в международной политике становились в основном особым цивилизованным методом решения тех или иных проблем, по которым не удавалось договориться. Это было великим достижением глобальной политики. По существу, это применение «мягкой силы», когда не удается найти решения путем переговоров или на правовой основе [Чумаков 2015: 36]. Однако в настоящее время, как демонстрируют последние санкции США против РФ, они становятся *нерыночным способом устранения конкурентов*. Это уже явное нарушение правил и принципов глобальных экономических взаимоотношений, выработанных практикой глобализации и закрепленных в нормах ВТО. Необходимость нормализации как международных торгово-экономических и финансовых процессов, так и политических связей и отношений между странами требует восстановления природы международных санкций как способа применения «мягкой силы».

Важнейшим фактором, свидетельствующим о начале этапа неоглобализации, на мой взгляд, является также нынешнее состояние переселения народов. «Сегодня над мировым сообществом нависла новая, еще не вполне очевидная и не совсем осознаваемая, но от этого не менее опасная проблема – масштабная волна переселения значительных человеческих масс, а то и вовсе планетарное демографическое цунами. Оно основательно перекроит современную карту мира и кардинально изменит этнический состав населения планеты. Мы уже на пороге нового Великого переселения народов, и это лишь отдаленно будет напоминать то, что уже случалось в истории» [Его же 2017б: 4].

Одним из результатов рассматриваемой автором «демографической лавины» является превращение таких факторов демократии, как идентичность и толерантность, в очень щепетильные, чувствительные общественные отношения. Их реальное состояние и формы проявления на практике все больше обнаруживают слабость как общей культуры, так и культуры демократии населения и политической элиты не только слаборазвитых стран, но и так называемых развитых государств современности. Проявляется также недостаточная разработанность понятий толерантности и идентичности. *Толерантность как общественное отношение – это не только признание одним субъектом права быть особенным за другим, но и требование от последнего признания, уважения особенностей первого и ответственности перед ним.* Также и идентичность как общественное отношение включает осознание и *признание* индивидами взаимного равенства с другими и своей ответственности перед ними за соблюдение этих отношений. «Признание, – пишет Р. Г. Апресян, – важная категория для понимания взаимодействия, общения, межличностных и общественных отношений. ...Признание – это и

предмет ожиданий человека, адресованных другим: признавать его – его идентичность, достоинство, права, способности» [Апресян 2015: 161].

Все рассмотренные выше явления в современном процессе глобализации демонстрируют, что прежние механизмы, институты и правовые нормы глобального общежития становятся неэффективными. Требуются новые принципы «капитального ремонта». Необходимость существенных изменений основных ценностей, форм и способов разрешения вновь возникших фундаментальных проблем и противоречий эпохи глобализации требует изменений и в категориальном аппарате глобалистики. Проведенный анализ публикаций ведущих специалистов в области глобалистики, в которых исследуются актуальные проблемы и новые тенденции в современной глобализации, позволяет сделать вывод, что введение понятия «неоглобализация» отражает качественно новый исторический этап в процессе глобализации и будет оказывать существенную методологическую помощь в дальнейшем развитии глобалистики.

Литература

Апресян Р. Г. Важность идеи признания для понимания морали // Проблемы этики: философско-этический альманах. Вып. V. Ч. I. Материалы конференции «Моральная ответственность в современном мире». М. : Издатель Воробьев А. В., 2015. С. 49–63.

Ближковский П. Экономическое управление: европейская перспектива // Век глобализации. 2014. № 1(13). С. 66–89.

Вебер А. Б. Системный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1(3). С. 3–15.

Гобозов И. А. Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? М. : ЛИБРОКОМ, 2013.

Глобалистика: энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Радуга, 2003.

Гранин Ю. Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. № 1(13). С. 90–103.

Гринин Л. Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс) // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 63–78.

Дробот Г. А. Проблемы глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 41–52.

Ильин И. В., Каверин М. А. Вопросы преобразования международных организаций в институты глобального управления // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 14–31.

Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 1. С. 58–69.

Канфора Л. Демократия. История одной идеологии. СПб. : Александрия, 2012.

Кирабаев Н. С. Мусульманская культура перед дилеммой: мультикультурализм или культурная вестернизация // Диалог цивилизаций как призвание. К 55-летию проф. Н. С. Кирабаева. М. : РУДН, 2007. С. 23–36.

Крауч К. Постдемократия. М. : Изд. дом ВШЭ, 2010.

Махаматов Т. М. О диалоге цивилизаций // Вестник Финансового университета. 2007. № 1.

Махаматов Т. М. Диалектика принципа демократического централизма и гражданского общества // Вестник СПбГУ. 2015. Серия 12. Вып. 3.

Махаматова С. Т. Особенности интеллектуального капитала в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М. : Фин. ун-т при Правительстве РФ, 2012.

Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М. : Новый век, 2003.

Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. М. : Проспект, 2016.

Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014.

Урсул А. Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1(13). С. 16–27.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 3–15.

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 23–37.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2(16). С. 35–47.

Чумаков А. Н. 2016. Триосфера, эпиметаморфоз и новые задачи глобалистики // Век глобализации. 2016. № 3. С. 3–15.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017а.

Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // Век глобализации. 2017б. № 2(22). С. 3–19.

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭТИКА И ЛОКАЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ

Авдеева И. А.^{*}

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием глобальной этики. В частности, отмечается, что, несмотря на преобладающее отрицательное отношение большинства людей к эгоизму, именно версия «разумного себялюбия» может оказать существенную поддержку в борьбе за утверждение этики солидарности и сотрудничества. Кроме того, обосновывается как необходимость прозелитизма в нравственном воспитании молодежи, так и лидирующая в современных условиях роль этики в исторически сложившейся связке «этика – право».

Ключевые слова: глобальная этика, моральные нормы, общественная мораль, глобальное сообщество.

The article deals with issues associated with the formation of global ethics. In particular, despite of most people's prevailing negative attitude towards egoism, it is just the idea of "reasonable selfishness" that can provide a significant support in the struggle for establishing the ethics of solidarity and cooperation. Besides, this explains both the need for proselytism in the moral education of youth, and the leading role of ethics in modern situation of historically developed relations between ethics and law.

Key words: global ethics, moral norms, social morality, global community.

У глобального общества должна быть глобальная этика солидарности и сотрудничества – очевидная аксиоматичность этого утверждения обусловила целый ряд попыток построения (конструирования) так называемой глобальной (в других версиях – планетарной) этики. Набор принципов таковой может варьироваться в достаточно широком диапазоне, однако в «сухом остатке» под планетарной этикой понимаются «простые, общечеловеческие нормы нравственности, которые необходимо в сегодняшнем мире распространять всемерно и повсеместно» [Нысанбаев], или «фундаментальный консенсус по поводу императивных ценностей, незыблемых критериев и важнейших надежд личности» [Кюннг, Мюллер].

Оставив за рамками данной работы вопрос о «джентльменском наборе» принципов глобальной этики, следует подчеркнуть, что необходимость императивности их позиционирования не вызывает сомнений – этические принципы, если уж таковыми стремятся быть, должны отстаиваться в полном соответствии с древнеримским «*dura lex, sed lex*»¹. Моральный релятивизм перед лицом мировых проблем представляется недопустимой роскошью: возможный «глобальный» крах глобализированного сообщества не оставляет возможности для «еще одной» цивилизационной попытки.

^{*} Авдеева Ирина Александровна – к. ф. н., доцент кафедры философии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. E-mail: avdeeva@rambler.ru.

¹ Закон суров, но это закон (лат.).

Планетарная этика солидарности и сотрудничества, по мнению ее строителей (конструкторов), должна быть противопоставлена глобальному эгоизму, неизбежным следствием которого станет крах человечества. Эта чеканная фраза скрывает другую очевидность: глобального эгоизма нет. Эгоизм, как правило, локален и чаще всего индивидуален.

Начав теоретически легализовываться в качестве одного из начал человеческой активности в эпоху Возрождения, укрепившись, опять же теоретически, в эпоху Просвещения и став одним из краеугольных камней построения общества тотальной конкуренции в XIX в., эгоизм тем не менее сохранил негативную ауру, определяясь, например, в христианской традиции в качестве одной из греховных характеристик человека. А с учетом того, что именно христианская мораль преобладала на «массовом» уровне общественного сознания, сохранение негативных оценок любого эгоизма – от его крайних до «разумных» проявлений – не вызывает удивления.

Негативность массовой оценки обуславливает то, что большинство эгоистов вынуждено скрывать сей факт, не имея возможности противиться преобладающей на уровне общественного сознания максиме «эгоист – плохой». В этой локальности (разобщенности) и невозможности открыто объединиться кроется ахиллесова пята эгоизма – он всегда проигрывает (пусть очень медленно, пусть даже относительно) альтруистическому и вооруженному лишь общественным порицанием, но большинству. Неизбежность этого проигрыша очевидна, если сравнить современную торговую этику с торговой этикой, описанной в статье Г. Спенсера «Торговая нравственность», напечатанной в «The Westminster Review» в апреле 1859 г. [Спенсер 1999]. Сегодня, по крайней мере в развитых обществах, нет оснований давать системе торговли таких убийственных характеристик: «Совершенно ошибочно довольно, однако же, распространенное мнение, что в обманных действиях повинен только низший класс торговцев. Выше их стоящие массы тоже в большинстве случаев несвободны от этого упрека. В среднем коммерсанты, ведущие торговлю тюками и тоннами, в смысле нравственности мало отличаются от тех, которые продают ярдами и фунтами. Высший класс нашего коммерческого мира обнаруживает в своей деятельности все виды незаконных действий, за исключением только простого воровства. Бесчисленные плутни, ложь в действиях или в речах, тщательно обдуманный обман господствуют в торговле; многие из них признаются в качестве “торговых обычаев”, и не только признаются, но даже и оправдываются» [Там же: 1038]. Более того, словосочетание «социальная ответственность бизнеса» сегодня по частоте упоминания из разных уст вполне напоминает мантру и даже удостоилось отдельной статьи в «Википедии» [Корпоративная...].

Однако уже упоминавшаяся статья Г. Спенсера указывает на безусловную необходимость наличия этого самого большинства, которое формирует нравственность торговцев. В его отсутствие «те, которые не поддаются этой нравственной порче, часто рискуют при этом банкротством, а иногда даже наверняка к нему идут» [Спенсер 1999: 1038]. И сегодня, в XXI веке, это большинство востребовано не менее, чем в веке XIX.

Негативное восприятие эгоистов массами не дает им глобализироваться. Вторым не менее серьезным препятствием на пути глобализации эгоизма является его индивидуалистичность. Различие уровней действия солидарности и эгоизма,

вероятно, было одной из причин, обеспечивавших двум взаимоисключающим понятиям возможность длительного и относительно мирного сосуществования. Однако процессы глобализации привели к тому, что в современных условиях локальный (индивидуальный или групповой) эгоизм, слишком медленно проигрывая, может достаточно быстро породить негативные и необратимые глобальные последствия.

Ярким примером этому может служить общество потребления, с упорством, достойным лучшего применения, создававшееся на протяжении практически всего XX в., – его эффективное функционирование возможно лишь до тех пор, пока используются ресурсы, многие из которых являются невозполнимыми. Крах общества потребления, представляющийся неизбежным, повлечет за собой не восполнение ресурсов, а лишь глобальный кризис с труднопрогнозируемыми последствиями.

Впрочем, объявлять тотальную войну эгоизму на этом основании представляется неверным. Ни в коей мере не отрицая необходимости «отказаться от эгоизма и начать уважать слабых и обделенных», к чему призывал еще папа римский Бенедикт XVI 25 декабря 2009 г., говоря о мировом финансовом кризисе 2008–2010 гг. в традиционном послании «Граду и миру» [«Кризис...» 2009], все же следует отметить, что эгоизм, особенно в версии «разумного себялюбия» французских мыслителей XVIII в., может стать союзником в борьбе за утверждение этики солидарности и сотрудничества. Ведь «естественно, что... среди очень многих человекоподобных видов, с которыми человек находился в борьбе за жизнь, выжил тот вид, в котором было сильнее развито чувство взаимной поддержки, тот, где чувство общественного самосохранения брало верх над чувством самосохранения личного, которое могло иногда влиять в ущерб роду или племени», – писал П. А. Кропоткин [1991: 207]. Как представляется, необходимость самосохранения может стать веским доводом в пользу необходимости принятия локальным эгоизмом глобальной этики.

«Эгоистическое» обоснование необходимости глобальной этики не только позволит состыковать разные уровни, но и даст возможность, а главное – время привести в действие систему этического воспитания, о важности которого писал еще Платон в «Законах»: «Мы считаем человека существом кротким. Да, если его счастливые природные свойства надлежащим образом развиты воспитанием, он действительно становится кротчайшим и божественнейшим существом. Но если человек воспитан недостаточно или нехорошо, то это – самое дикое существо, какое только рождает земля. Поэтому законодатель не должен допускать, чтобы воспитание детей было чем-то второстепенным и шло как попало» [Платон 1971: 766].

И, учитывая современные проблемы глобализирующегося сообщества, очевидно, что нравственное воспитание должно происходить не миссионерскими, а скорее прозелитическими, то есть в данном случае более активными и наступательными, методами, в соответствии с известными строками советского поэта С. Куняева: «Добро должно быть с кулаками, добро суровым быть должно».

Наступательность (или даже агрессивность, если следовать рекомендациям С. Куняева) необходима не только нравственному воспитанию, но и всей системе этики, созданной за многие века. Давно канули в Лету времена, когда категорический императив Канта мог позволить себе не спеша овладевать умами интеллек-

туалов, попутно проникая в сознание политических деятелей и общественных лидеров. Уже в 60-е гг. XX в. А. Печчеи, один из основателей Римского клуба, поднявшего глобальную проблематику, отмечал, что в современном коммуникационном океане «люди пребывают в постоянном недоумении, как уловить существенное, отбросить второстепенное и, наконец, как на основании всего этого прийти к разумным выводам, и к каким именно» [Печчеи 1985: 128]. И нет ничего зазорного в том, чтобы взять на вооружение его опыт позиционирования пределов роста, который базировался на том, что «воззвание Римского клуба произведет нужный эффект лишь в том случае, если оно будет представлено в какой-то новой, непривычной, образной форме. Это должно было напоминать лечение шоком» [Там же: 128–129].

К сожалению, сегодня о наступательности нравственного воспитания речи не идет. Более того, трудно говорить о наступательности нравственности даже в профессиональной этике. Так, например, анализ уровня развития этики PR [см. подробнее: Авдеева 2011] позволяет говорить о том, что сегодня PR-специалисты (даже лучшие представители) действуют с позиций последовательного утилитаризма, описанного М. Вебером более 100 лет назад. В 1905 г. в работе «Протестантская этика и дух капитализма», анализируя этические воззрения Б. Франклина, он писал, что они все имеют утилитарное обоснование: «Честность полезна, ибо она дает кредит, так же обстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью – все эти качества именно поэтому и являются добродетелями. Из этого можно заключить, что там, где видимость честности достигает того же эффекта, она вполне может заменить подлинную честность – ведь легко можно предположить, что в глазах Франклина преизбыток добродетели – лишь ненужная расточительность и как таковая достойна осуждения... Для Франклина упомянутые добродетели, как, впрочем, и все остальные, являются добродетелями лишь постольку, поскольку они *in concreto* полезны данному человеку, и видимостью добродетели можно ограничиться во всех тех случаях, когда с ее помощью достигается тот же эффект» [Вебер 1990: 74–75].

Необходимость следования юридической максиме «*dura lex, sed lex*» заставляет по-новому взглянуть на взаимоотношения и взаимообогащение этики и права.

Этика, как практическая философия, предметом которой, по мнению Аристотеля, являются поступки людей, всегда находилась в тесной взаимосвязи с правом, предметом которого также являются те или иные человеческие отношения. Как способы регуляции человеческих отношений мораль (собственно предмет этики) и право формируются и складываются практически одновременно. Не случайно многие правила поведения людей в обществе с давних пор параллельно закреплялись как в этической, так и в правовой системах социума, а в наиболее ранних из дошедших до нас источниках фактически сливались в единое целое. При этом возникающий синкретизм нормативной регуляции, подкрепленный в древнем обществе еще и, как правило, религиозными императивами, оказывался в практическом плане достаточно эффективным и действенным.

Взаимосвязь права и этики в тот период являлась настолько тесной, что попытки определить ведущего и ведомого в этом тандеме представляются столь же эффективными, как и в знаменитом споре о курице и яйце.

Вместе с тем очевидно, что на протяжении истории и уже в наше время достаточно большое количество этических норм становилось нормами права или

его источниками. Как представляется, ведомая роль права в современном этико-правовом тандеме обуславливается несколькими обстоятельствами: в первую очередь – усложнением жизни современного социума по сравнению с ветхозаветными временами, а во-вторых, еще и тем обстоятельством, что нормативные изменения в отношениях людей закрепляются сначала в неформальной сфере, какой является мораль, а затем часть из них находит формальное закрепление в праве. При этом этика в силу очевидных причин (к примеру, всеобщего характера самой морали) оказывается гораздо оперативнее права, что и позволяет говорить о важнейшей роли первой в формировании современной этико-правовой системы. Проблема только в том, что правовое регулирование, несмотря ни на что, все же остается эффективнее и зачастую действеннее требований морали, что обусловлено предусмотренными для правонарушителей санкциями.

Современная этика, пытаясь вернуть себе в соответствии с вызовами нового века имя практической философии, должна «найти приемлемые решения современных и практически неотложных моральных проблем, что предполагает гораздо большее, чем простое осуществление некоторой философской процедуры, когда теория высокого уровня применяется к практике» [Кэллахан]. А таковые решения по определению предполагают и механизм «*Peitsche und Zuckerbrot*»². При этом, вероятнее всего, «кнут» не должен предполагать исключительно общественное воздействие, поскольку еще Гиппократ отмечал, что из-за невежества тех, кто занимаются медициной, и тех, которые с легкомысленной снисходительностью судят их, медицина «далеко ниже теперь всех искусств. И, по моему мнению, причиной такого падения служит больше всего то, что в государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно неотделимо» [Закон...].

Сегодня, несмотря на достаточно разветвленную сеть разного рода профессиональных этических кодексов, их эффективность недостаточна даже по самым скромным оценкам. И это понятно – «а судьи кто?». Как представляется, ситуацию можно было бы исправить через создание внешних общественных организаций, выступающих в роли «авторитарной совести»³ Э. Фромма, которая являлась, по его мнению, «необходимым этапом в процессе эволюции человечества, прежде чем разум и свобода достигли такой степени развития, что стала возможной гуманистическая совесть» [Фромм 1993: 131]. Организация подобного рода могла бы рассматривать не только (и не столько) вопросы этики PR, но и – шире – вопросы этики бизнеса, профессиональной этики [см. подробнее: Авдеева 2011].

Отвечая на новые вызовы, глобальной этике предстоит преодолеть и локальный эгоизм в собственных рядах – существование чистой этики (или, если хотите, этики ради этики) сегодня невозможно. Чтобы в современном обществе эффективно овладевать умами не только интеллектуалов и политиков, но и необходимого большинства, этика должна эффективно осваивать современные технологии, формы и методы работы, а этики должны стать в первую очередь практиками.

² Кнут и пряник (нем.).

³ По Фромму, авторитарная совесть – «голос интернализованного внешнего авторитета», в отличие от совести «гуманистической» – собственного голоса, не зависящего от внешних санкций и одобрений [см.: Фромм 1993: 116, 126].

Только так – через использование локального эгоизма во благо глобального общества, через осознание новых условий взаимодействия этики и права, через коренное изменение форм и методов нравственного воспитания – глобальные солидарность и сотрудничество станут возможны в глобальном обществе.

Литература

- Авдеева И. А. Этика PR: теоретико-философский анализ. Тамбов, 2011.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 61–272.
- Закон. Избранные произведения Гиппократ [Электронный ресурс]. URL: http://www.signorita.ru/doc_534.htm.
- Корпоративная социальная ответственность [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%EE%F0%EF%EE%F0%E0%F2%E8%E2%ED%E0%FF_%F1%EE%F6%E8%E0%EB%FC%ED%E0%FF_%EE%F2%E2%E5%F2%F1%F2%E2%E5%ED%ED%EE%F1%F2%FC.
- «Кризис морали, более чем экономический, поразил мир», – сказал сегодня папа римский Бенедикт XVI в традиционном рождественском послании «Граду и миру» («Урби эт Орби») // Новая газета. 2009. 25 декабря.
- Кропоткин П. А. Этика. М., 1991.
- Кэллахан Дж. От «прикладной» к практической: преподавание практических аспектов этики [Электронный ресурс]. URL: http://ethicscenter.ru/biblio/callahan.htm#_ftn1#_ftn1.
- Кюнг Х., Мюллер Д. Принципы формирования глобальной этики [Электронный ресурс]. URL: http://ukrmonitor.ucoz.org/news/principy_formirovanija_global_noj_ehtiki/2010-09-08-3790.
- Нысанбаев А. Н. Основания планетарной этики в эпоху глобализации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kisi.kz/img/docs/1046.pdf/>.
- Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1985.
- Платон. Законы / Платон // Соч.: в 3 т. Т. 3. Ч. 2. М. : Мысль, 1971.
- Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Т. III. Торговая нравственность. М., 1999.
- Фромм Э. Человек для самого себя / Э. Фромм // Психоанализ и этика. М. : Республика, 1993.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

НООСФЕРНЫЙ КАРКАС ГОРОДОВ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СТОЛИЦЫ БАСЕЙНОВ РЕК И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Розенберг Г. С.**

В статье предлагаются и анализируются новые понятия: «ноосферный каркас городов» (крупные города, связанные в специфическую иерархию в пределах бассейнов крупных рек и обеспечивающие устойчивое развитие близлежащих территорий) и «экологические столицы» бассейнов рек (города, координирующие деятельность ноосферного каркаса городов). Немаловажным фактором определения экологической столицы должно стать местоположение города в бассейне реки (предпочтение следует отдавать городам в нижнем течении, где экологические проблемы проявляются более контрастно). Предложены экологические столицы для 41 крупной реки мира, 28 крупных рек России, обсуждается схема ноосферного каркаса городов и экологическая столица для бассейна реки Волги. В условиях глобализации такой подход может оказаться конструктивным для создания механизмов достижения устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологические столицы, ноосферный каркас городов, глобализация.

The article suggests and analyzes new concepts: «noospheric framework of cities» (i.e., large cities connected into a specific frame within the basins of large rivers thus ensuring a sustainable development of the adjoining territories) and «the environmental capitals» in the river basins (the cities coordinating activity of the noospheric frames of the cities). An important factor for determining the «environmental capital» should be the location of a city in the river basin (the preference should be given to the cities in the lower reaches, where environmental problems are more contrasting). The environmental capitals for 41 major rivers of the world and 28 major rivers of Russia are proposed, the scheme of «noospheric» city framework and the ecological capital for the Volga river basin are discussed. In the context of globalization, this approach can be constructive in terms of creating mechanisms for achieving sustainable development.

Keywords: sustainable development, environmental capitals, noospheric framework of cities, globalization.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 17-44-630113 p_поволжье_a).

** Розенберг Геннадий Самуилович – д. б. н., профессор, чл.-корр. РАН, директор Института экологии Волжского бассейна РАН, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Изучение и сохранение биоразнообразия экосистем Волжского бассейна» при ИЭВБ РАН. E-mail: genarozenberg@yandex.ru.

Я приглашаю читателя не на экскурсию в археологический музей, а совершить увлекательное путешествие в мир науки, которая еще находится в стадии становления.

Илья Пригожин [Prigogine 1997: VII]

Среди важнейших глобальных проблем современности сегодня, как правило, выделяют те, которые так или иначе связаны с понятием «устойчивое развитие». Не буду вдаваться в дискуссию о «тонкостях перевода» и всех за и против этой концепции [см., например: Розенберг, Краснощеков 1995; Розенберг и др. 1996; 2003; Урсул 1998; Данилов-Данильян, Лосев 2000 и др.]. Подчеркну лишь, что я солидарен с А. Н. Чумаковым [2008: 13] в том, что «глобальные изменения и вызванные ими общечеловеческие проблемы явились результатом многовековых количественных и качественных трансформаций как в общественном развитии, так и в системе “общество – природа”. <...> Итогом такого развития стали не только “демографический взрыв” и глобализация экономики, но и деградация окружающей среды, наметившая тенденцию к деградации самого человека».

Обсуждая управленческие механизмы достижения устойчивого развития, большинство авторов уходят от проблемы территориальности; на какой же территории это устойчивое развитие может быть достигнуто (можно ли «построить коммунизм в отдельно взятой стране»? Следует сказать, что большинство моделей устойчивого развития биосферы в целом или только России¹ – линейны, а не объемны. Именно учет территориального фактора переводит модели устойчивого развития, как сегодня говорят, в формат 3D. При этом если с естественностью такой территориальной единицы, как биосфера, все ясно, то другие подразделения (например, отдельные страны) не являются таковыми. Самые крупные зональные подразделения географической оболочки – географические пояса, на равнинах в пределах географических поясов выделяют природные зоны; однако бассейн реки представляется «наиболее заметным естественным образованием <...> оптимизация водного режима которого – наиболее разработанная задача» [Реймерс, Штильмарк 1978: 164]. Более того, именно в долинах крупных рек зародилась современная цивилизация (историки и археологи говорят даже о речных цивилизациях, в которых возникли первые в истории человечества государства; Л. И. Мечников еще в 1888 г. выделял четыре подобные цивилизации: египетскую, месопотамскую, индийскую и китайскую [Мечников 1995]). А в государствах пошел процесс урбанизации (Р. Адамс [Adams 1966] считал наличие городов непременным признаком государства). В начале XIX в. в городах проживало 3 % населения Земли, к 1900 г. – 13,6 %, к 1950 г. – 28,8 %, к 1980 г. – 41,1 %, к 1990 г. – 41 % (при этом в Европе в городах проживало 73 % населения; в экономически развитых странах: в Великобритании – 89 %, в Германии – 85 %; Азии – 31 %, Африке – 32 %, Северной Америке – 75 %, Латинской Америке – 72 %, в Австралии и Океании – 71 %). Городское население Российской Федерации в 1996 г. составляло 73 %. В 2008 г. произошел так называемый глобальный урба-

¹ Исключение – предложения А. И. Солженицына [1990] о введении земской системы управления и выделении 40 крупных городов России для рассредоточения жизни и объединения в них российской провинции и представления А. Н. Чумакова [2006: 418–419] о 18 культурно-цивилизационных ойкуменах для нашей планеты (под ойкуменой здесь понимается «единица деления пространственного разграничения всего мирового сообщества на предельно большие фрагменты в масштабе планеты как целостной системы»).

низационный переход – численность горожан в мире превзошла общее число сельских жителей [Город... 2011: 12; Алешковский и др. 2017: 34]. «Наиболее очевидно противоречит гипотезе плоского мира (*flat-world hypothesis*) взрывной рост городов и городских ареалов по всему миру. Все больше и больше людей концентрируются в городских ареалах, и нет никаких оснований предполагать, что в ближайшем будущем этот процесс прекратится. <...> В развитых странах три четверти людей живут в городских ареалах» [Florida 2008: 18–19].

Автором статьи и его коллегами еще в конце 90-х гг. прошлого столетия [Розенберг и др. 1995; 1997; Розенберг 1998; Боргардт и др. 2000] было предложено в каждом бассейне крупной реки выделить ноосферный каркас городов, под которым понимаются крупные города (с населением не менее 500 тыс. человек), связанные в специфическую иерархию в пределах бассейнов крупных рек. Основная задача этих городов – обеспечение устойчивого развития в самом городе и на прилегающих территориях (своего рода ответственность за их устойчивое развитие перед сообществами вышестоящих уровней иерархии). Естественно, что выбор таких городов должен отвечать некоторым критериям, основными среди которых будут:

- наличие достаточного научного (экологического) потенциала и хорошо развитой системы охраны природы на территории;
- возможность финансировать программы устойчивого развития территории из муниципального бюджета (иными словами, достаточно мощный промышленный потенциал города);
- добровольное желание взять на себя дополнительные обязанности и ответственность за устойчивое развитие территорий;
- опыт реализации и координации программ аналогичного содержания.

Ноосферный каркас городов сегодня – это новая фаза развития городов, которая ознаменована появлением на самых верхних этажах городской иерархии еще одной, особо крупной формы урбанистических структур, которая получила название «мегарегионы» [Carbonell, Yaro 2005; Florida, Gulden 2007; Florida 2008; Иншакова, Волошина 2010; Смирнягин 2011; Зевин 2016; Алешковский и др. 2017]. «Речь идет об обширных совокупностях соседствующих агломераций с прилегающей сельской местностью, которые обладают сходством природной среды и историко-культурной общностью, взаимосвязаны единой инфраструктурой, в них происходит активный обмен трудовыми поездками и потоками товаров, услуг и информации, поэтому они имеют сходные перспективы социально-экономического развития. За последние десятилетия термин “мегарегион” довольно прочно закрепился в профессиональном языке зарубежных урбанистов. В качестве понятия “мегарегион” фиксирует новую, еще более высокую ступень развития урбанизации – ступень в цепочке “поселение – город – агломерация – мегарегион”» [Смирнягин 2011: 9]. Фактически определение ноосферного каркаса городов и мегарегиона совпадают. Примечательно и то (см. далее), что Р. Флорида [Florida 2008] по данным 2001 г. отобрал 40 мегарегионов, обосновав это тем, что только 40 государств на то время располагали экономикой размером не менее 100 млрд долларов в год.

В каждом из бассейнов следует определить экологическую столицу – город, который будет координировать деятельность ноосферного каркаса городов в бас-

сейне реки. Немаловажным фактором определения экологической столицы бассейна должно стать и местоположение: предпочтение следует отдать наиболее «мощному» городу в нижнем течении, где экологические проблемы более рельефны и аддитивны.

Для бассейнов рек мира с протяженностью не менее 2000 км (всего таких рек 41; сравните с числом мегарегионов) некоторая информация по возможному определению экологических столиц представлена в табл. 1.

По странам (всего 46 стран) крупные реки распределились следующим образом: в Китае – 10, России – 9, Канаде – 6, США – 6, Бразилии – 4, Казахстане – 4, в остальных странах – по три и меньше. Замечу, что 22 крупные реки (то есть больше половины) полностью или частично протекают по государствам БРИКС (а это, так или иначе, ресурс будущего...).

Особо отмечу две европейские реки. Дунай занимает 24-е место в мире по длине (14-е место с учетом крупных притоков) и первое место по числу государств, входящих в этот бассейн (10); на роль экологической столицы могут претендовать такие города, как Вена, Будапешт и Белград (выбор крайне сложен). Волга – крупнейшая река Европы, национальная гордость России – протянулась на 3530 км, 16-е место по длине (12-е место с учетом крупных притоков), 13-е место по площади бассейна. В бассейне – всего два государства (Россия и чуть-чуть «заходит» Казахстан), но 41 (!) административная единица (две в Казахстане, остальные в России). Все административные единицы (области, республики и столица нашей Родины – Москва) весьма «самостоятельны», что также осложняет выбор экологической столицы.

Назову еще несколько водных объектов: в Азии – Колыма, Оленек, Тарим, Иравади, в Африке – Замбези, в Северной Америке – Юкон, Маккензи, Нельсон; это реки, протекающие в малонаселенных, достаточно пустынных районах, практически не имеющие в своих бассейнах сколько-нибудь крупных населенных пунктов, что также затрудняет выбор экологической столицы.

Таблица 1

Крупнейшие¹ реки мира и предполагаемые экологические столицы

Река	Длина, км	Площадь бассейна, тыс. км ²	Государства, попадающие в бассейн	Экологиче- ская столица
1	2	3	4	5
Европа 2918 (28,0 %) ^{II}				
1. Волга (с притоками: Кама, Ока, Сура, Ветлуга, Самара и Большой Иргиз)	3530 + 1805 + 1500 + + 841 + 889 + 594 + + 675 = 9834	1360	Россия, Казах- стан	СТА – Самар- ско-Тольят- тинская агло- мерация
2. Дунай (с притоками: Тиса, Прут, Савай, Сирета, Драва, Морава и Инн)	2857 + 966 + 950 + + 940 + 726 + 720 + + 563 + 525 = 8247	817	Германия, Ав- стрия, Словакия, Венгрия, Хорва- тия, Сербия, Бол- гария, Румыния, Молдавия, Украина	Вена, Братислава, Будапешт, Белград, Измаил

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
3. Днепр (с притоками: Березина, Припять, Малый Ингул, Сож, Десна и Пселл)	2200 + 613 + 775 + + 549 + 648 + 1130 + + 717 = 6632	504	Россия, Бела- русь, Украина	Киев
4. Урал (с притоками: Сакмара и Илек)	2428 + 798 + 632 = 3858	237	Россия, Казах- стан	Оренбург
Азия 20 330 (45,9 %)				
5. Обь (с притоками: Иртыш, Чарыш, Алей, Васюган, Большой Юган, Северная Сосьва, Щучья, Чумыш, Иней, Томь, Чулым, Кеть, Тым, Вах, Ватинский Еган, Тромьеган и Казым)	3650 + 4248 + 547 + + 866 + 1082 + 1063 + + 754 + 565 + 644 + + 663 + 827 + 1799 + + 1621 + 950 + 964 + + 593 + 581 + 659 = = 22 076	2990	Россия, Монго- лия, Китай, Ка- захстан	Новосибирск, Нижевар- товск
6. Лена (с притоками: Большой Патом, Витим, Алдан, Олекма, Вилюй, Киренгой, Чуя, Молодо и Лунгха)	4400 + 570 + 1837 + + 2273 + 1436 + 2650 + + 669 + 512 + 556 + + 508 = 15 411	1855	Россия	Якутск
7. Енисей (с притоками: Большой Енисей, Сым, Турухан, Большая Хета, Танама, Кан, Ангара, Подкаменная Тунгуска, Нижняя Тунгуска и Курейка)	3478 + 605 + 694 + + 639 + 646 + 521 + + 629 + 1779 + 1865 + + 2989 + 888 = 14 733	2580	Монголия, Россия	Красноярск
8. Янцзы (с притоками: Ялунцзян, Миньцзян, Цзялинцзян, Ханьшуй и Чумар)	6300 + 1324 + 735 + + 1119 + 1532 + 530 = = 11 540	1808	Китай	Нанкин, Шанхай
9. Амур (с притоками: Аргунь, Зея, Буря, Сунгари, Уссури и Амгунь)	2824 + 1620 + 1242 + + 623 + 1927 + 997 + + 723 = 9956	1855	Китай, Монго- лия, Россия	Хабаровск
10. Ганг (с притоками: Джамна, Гомати, Гхагхра, Гандак, Коси, Сон и Дамодар)	2700 + 1376 + 900 + + 950 + 630 + 729 + + 780 + 592 = 8657	1060	Индия, Бангла- деш	Калькутта, Хулна
11. Хуанхэ (с притоками: Таохэ и Вэйхэ)	5464 + 673 + 818 = 6955	752	Китай	Лоян, Цзинань
12. Колыма (с притоками: Ожогина, Седедема, Березовка, Большой и Малый Анюй и Омолон)	2129 + 523 + 567 + + 517 + 654 + 738 + + 1114 = 6242	643	Россия	?
13. Меконг (с притоками: Эмчу и Мун)	4500 + 500 + 673 = 5673	810	Китай, Мьянма, Лаос, Таиланд, Камбоджа, Вьетнам	Пномпень
14. Евфрат (с притоками: Мурат и Тигр)	2700 + 722 + 1900 = = 5322	673	Турция, Сирия, Ирак, Иордания, Саудовская Ара- вия	Дайр-эз-Заур, Эр-Рамади, Эс-Самава

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
15. Инд (с притоками: Сатледж-Панджнад и Шайок)	$3180 + 1536 + 550 = 5266$	961	Китай, Индия, Пакистан	Исламабад, Карачи
16. Чжуцзян (Жемчужная, или Кантонская река; с притоками: Сицзян и Дунцзян)	$2200 + 2197 + 523 = 4920$	437	Китай, Вьетнам	Гуанчжоу
17. Оленек (с притоками: Арга-Сала и Бур)	$2270 + 503 + 501 = 3274$	219	Россия	?
18. Тарим (с притоками: Яркенд и Хотан) ^{II}	$1321 + 858 + 1035 = 3214$	951	Китай, Киргизия	?
19. Сырдарья (с притоком Нарын)	$2212 + 807 = 3019$	219	Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан	Кызылорда
20. Брахмапутра	2896	651	Китай, Индия, Бангладеш, Бутан	Гувахати
21. Амударья (с притоками: Пяндж и Вахш)	$1415 + 921 + 524 = 2860$	309	Афганистан, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения	Туркменабад, Нукус
22. Салуин	2400	325	Китай, Мьянма, Таиланд	Пхаан
23. Иравади	2170	411	Мьянма	?
Африка 10 112 (33,3 %)				
24. Конго (с притоками: Ломами, Руки, Касаи, Арувими, Убанги, Санга и Алима)	$4374 + 1500 + 1300 + 2153 + 1300 + 2272 + 785 + 500 = 14\ 184$	4014	Демократическая Республика Конго (Заир), Республика Конго, Ангола	Киншаса, Браззавиль
25. Нил (с притоками: Базр-эль-Газаль, Голубой Нил и Атбара)	$6830 + 716 + 1783 + 1120 = 10\ 449$	3400	Уганда, Южный Судан, Эфиопия, Судан, Египет	Каир
26. Замбези (с притоками: Квандо, Окаванго, Кафуэ, Луангва и Лунгвебунгу)	$2574 + 800 + 1600 + 1577 + 770 + 645 = 7966$	1570	Ангола, Намибия, Ботсвана, Замбия, Зимбабве, Мозамбик	?
27. Нигер (с притоками: Бенуэ, Сокото и Кадуна)	$4180 + 1400 + 600 + 550 = 6730$	2118	Гвинея, Мали, Нигер, Бенин, Нигерия	Бамако, Ниамей
Северная Америка (включая Центральную Америку) 9968 (41,0 %)				
28. Миссисипи (с притоками: Миссури, Огайо, Де-Мойн, Ред-Ривер и Арканзас)	$3770 + 3767 + 2102 + 845 + 2190 + 2364 = 15\ 038$	2981	Канада, США	Новый Орлеан
29. Юкон (с притоками: Стьюарт, Поркьюпайн, Коюкук, Танана и Иннок)	$3185 + 533 + 916 + 805 + 940 + 805 = 7184$	832	Канада, США	?
30. Рио-Гранде (Рио-Браво-дель-Норте; с притоками: Рио-Кончос и Пекос)	$3034 + 910 + 1490 = 5434$	608	США, Мексика	Альбукерке, Лас-Крусес, Сьюдад-Хуарес

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
31. Колорадо (<i>с притоками: Грин-Ривер и Хила</i>)	$2334 + 1145 + 1044 = 4523$	637	США, Мексика	Финикс, Мехикали
32. Колумбия (<i>с притоками: Снейк и Кутени</i>)	$2000 + 1735 + 780 = 4515$	668	Канада, США	Портленд
33. Маккензи (<i>с притоками: Пил, Лиард и Арктик-Ред-Ривер</i>) ^{III}	$1738 + 684 + 1115 + 500 = 4037$	1805	Канада	?
34. Нельсон (<i>с притоками: Саскачеван, Норт-Саскачеван и Саут-Саскачеван</i>) ^{II}	$644 + 550 + 1287 + 1392 = 3873$	1093	Канада	?
35. Святого Лаврентия (<i>с притоками Северная река и Сент-Луис; расстояние через Великие озера до Атлантики равняется длине водного объекта</i>)	$1197 + 1861 = 3058$	1344 (244 – под Великими озерами)	Канада, США	Квебек, Монреаль, Торонто, Детройт, Чикаго
Южная Америка 12 054 (70,0 %)				
36. Амазонка (<i>с притоками: Журуа, Пурус, Мадейра, Тапажос, Шингу, Путумайо [Иса], Жапура, Риу-Негру, Жавари, Жутаи, Мараньон, Напо, Укаяли и Шингу</i>) ^{IV}	$6992 + 3280 + 3200 + 3230 + 2200 + 1980 + 1800 + 1930 + 2300 + 1056 + 1200 + 2000 + 1130 + 1771 + 1980 = 36\,049$	7180	Перу, Колумбия, Бразилия, Боливия, Эквадор	Манаус, Икитос
37. Парана (<i>с притоками: Тьете, Паранапанема, Игуасу, Гуагуай, Уругвай, Парагвай и Рио-Саладо</i>)	$4380 + 1150 + 929 + 1320 + 857 + 1600 + 2549 + 1300 = 14\,085$	2583	Бразилия, Парагвай, Аргентина	Росарио, Буэнос-Айрес, Монтевидео
38. Ориноко (<i>с притоками: Карони, Вентуари, Каура, Гуавьяре, Вичида, Мета, Араука и Апуре</i>)	$2736 + 920 + 600 + 745 + 1497 + 580 + 1000 + 900 + 1580 = 10\,558$	880	Колумбия, Венесуэла	Сьюдад-Гуаяна
39. Токантинс (<i>с притоком Арагуая</i>)	$2850 + 2630 = 5480$	770	Бразилия	Мараба
40. Сан-Франсиску (<i>с притоком Паракату</i>)	$2830 + 550 = 3380$	641	Бразилия	Белу-Оризонти, Аракажу
Австралия 1061 (13,8 %)				
41. Муррей (<i>с притоками: Дарлинг и Маррамбиджи</i>)	$2375 + 2740 + 1485 = 6600$	1061	Австралия	Аделаида

Примечания. ^I Выбраны реки длиной более 2000 км и притоки более 500 км.

^{II} Указана суммарная площадь бассейнов крупнейших рек (в скобках – доля в % от площади континента).

^{III} Во многих справочниках эти водные объекты отмечены как реки длиной более 2000 км, хотя формально это не так.

^{IV} Притоки Амазонки ограничены длиной 1000 км (и так ясно, что это самая полноводная река мира).

Теперь от всего мира перейдем к России. «На территории России принято выделять 22 агломерации. Крупнейшими из них являются следующие (в скобках указана приблизительная численность населения): Московская (около 16 млн), Санкт-Петербургская (5,6 млн), Самарско-Тольяттинская (2,3 млн), Екатеринбургская (2,2 млн), Ростовская (1,7 млн). Для российских городских агломераций типична высокая индустриализация территории, высокий уровень развития инфраструктуры, большое количество научно-исследовательских и высших учебных заведений. Основная часть агломераций в России являются моноцентрическими, то есть у них есть один ярко выраженный центр, в подчинении которого находятся все остальные поселения и пригороды» [Савчук 2015].

Для бассейнов крупных рек России (реки либо длиной более 1500 км, либо площадью бассейна более 250 тыс. км², либо со среднегодовым стоком более 75 км³; эти параметры определялись по справочнику [Доманицкий и др. 1971]) возможные экологические столицы представлены в табл. 2. По этим параметрам для России выделено 28 рек (тот же порядок, что и для числа агломераций).

Естественно, что если для мировых экологических столиц требовалось население не менее 500 тыс. человек, то для России, где не все областные центры достигают этой цифры (Кострома – 277 тыс., Саранск – 314 тыс., Владимир – 354 тыс. человек и пр.), а многие крупные реки несут свои воды в Северный Ледовитый океан по безлюдным территориям севера нашей страны, можно поставить границу в 200 тыс. человек. И даже в этом случае почти половина крупных рек нашей страны (см. табл. 2) оказываются без экологических столиц. По-видимому, в этом случае ответственность за устойчивое развитие таких территорий должны взять на себя центры федеральных округов, на территории которых располагаются большие части бассейнов этих рек.

Таблица 2

Крупнейшие² реки России и предполагаемые экологические столицы

Река	Куда впадает и с какого берега	Длина (км)	Площадь бассейна, тыс. км ²	Средний го- довой сток, км ³	Густота речной сети, км/км ²	Озер- ность, %	Экологические столицы
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Лена	Море Лаптевых	4400	1855	536	0,42	0,7	Якутск
2. Иртыш	Обь (лев.)	4248	1643	89,3	0,14	2,8	Омск
3. Обь	Карское море	3650	2990	400	0,25	2,8	Новосибирск
4. Волга	Каспийское море	3530	1360	243	0,42	1,6	Самарско- Тольяттинская агломерация (СТА)
5. Енисей	Карское море	3478	2580	624	0,45	0,6	Красноярск
6. Нижняя Тунгуска	Енисей (пр.)	2989					?
7. Амур	Охотское море	2824	1855	343	0,56	0,8	Хабаровск
8. Вилюй	Лена (лев.)	2650	454	46,6	0,27	1,1	?

² Выбраны реки либо длиной более 1500 км, либо площадью бассейна более 250 тыс. км², либо со среднегодовым стоком более 75 км³.

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
9. Урал	Каспийское море	2428	237	11,3	0,22	0,5	Оренбург
10. Алдан	Лена (пр.)	2273	729	161	0,51	0,2	?
11. Оленек	Море Лаптевых	2270	219	38,2	0,49	0,7	?
12. Колыма	Восточно-Сибирское море	2129	647	123	0,92	1,3	?
13. Дон	Азовское море	1870	422	29,5	0,21	1,3	Ростов-на-Дону
14. Подкаменная Тунгуска	Енисей (пр.)	1865	240	55,2	0,43	> 0,1	?
15. Витим	Лена (пр.)	1837	225	69,3	0,44	0,6	?
16. Печора	Баренцево море	1809	322	126	0,48	1,2	?
17. Кама	Волга (лев.)	1805	507	119	0,49	0,8	Казань
18. Чулым	Обь (пр.)	1799	134	24,8	0,49	0,3	?
19. Ангара	Енисей (пр.)	1779	1039	161	0,30	5,1	Иркутск
20. Индигирка	Восточно-Сибирское море	1726	360	58,3	0,77	3,1	?
21. Аргунь	Амур (пр.)	1620	164	10,7	0,35	0,1	?
22. Тобол	Иртыш (лев.)	1591	426	25,4	0,17	2,1	Курган
23. Ока	Волга (пр.)	1500	245	41,0	0,37	0,2	Нижний Новгород
24. Селенга	оз. Байкал	1024	447	30,6	0,47	0,4	Улан-Удэ
25. Курейка	Енисей (пр.)	888	182	81,9	0,65	5,7	?
26. Пяси́на	Карское море	818	182	81,9	0,65	5,7	Норильск (177 тыс. чел.)
27. Северная Двина	Белое море	744	357	110	0,58	0,4	Архангельск
28. Нева	Балтийское море	74	281	79,7	0,45	1,3	Санкт-Петербург

Теперь рассмотрим конкретный бассейн крупной реки – Волги³. Можно предложить следующую схему ноосферного каркаса городов и экологическую столицу для Волжского бассейна (см. рисунок на с. 59).

³ Согласно большинству гидрологических признаков, Кама является главной рекой, а Волга – ее притоком. Однако, учитывая важнейший исторический фактор – объединяющую роль реки Волги в создании единого Российского государства, – часть реки от места слияния Волги с Камой до Каспийского моря принято считать продолжением Волги, а не Камы (иными словами, река Кама считается притоком реки Волги). Но и это не все. Не Вишера впадает в Каму, а Кама впадает в Вишеру (так же по гидрологическим признакам). И весь водоток – основной водоток Каспия – это не Волга и не Кама, а Вишера – от истока до самой дельты!.. Безусловно, поменять уже ничего нельзя, но знать правду (гидрологическую) следовало бы.

Рис. Схема ноосферного каркаса городов для Волжского бассейна;
СТА – Самарско-Тольяттинская агломерация, потенциальная экологическая столица

Рост городского населения (особенно в центральной части России) начался более 120 лет тому назад; интересные данные приводятся в классической работе В. И. Ленина [1971: 559] о развитии капитализма в России (см. табл. 3).

Таблица 3

Число городов в европейской части России (50 губерний)

Годы	Население, млн чел.	Городское, %	Число крупных городов (более 50 тыс. чел.)
1863	61,4	9,9	13 (Москва – 460 тыс. чел.)
1885	81,7	12,2	31 (Москва – 753 тыс. чел.)
1897	94,2	12,8	44 (Москва – 1039 тыс. чел.; Астрахань – 1003 тыс. чел.; Саратов – 137 тыс. чел.; Казань – 130 тыс. чел.; Тула – 115 тыс. чел.; Нижний Новгород – 90 тыс. чел.)

Уже в XX в. в Волжском бассейне городское население продолжало интенсивно расти. Только за период с 1956 по 1990 г. численность городского населения выросла в 2 раза (а сельского – в 2 раза уменьшилась); на начало 2000 г. городское население Волжского бассейна было сосредоточено более чем в 420 городах (40 % от числа всех городов России) и составляло 77,3 % всего городского населения страны. В первое десятилетие XXI в. темпы прироста городского населения снизились повсеместно (отрицательный естественный прирост населения, изменение структуры миграционных потоков и др.). На начало 2017 г.

в Волжском бассейне было 7 городов-миллионников (Москва, Нижний Новгород, Казань, Самара, Уфа, Пермь и Волгоград; можно сравнить с данными 120-летней давности, табл. 3), два города с населением более 700 тыс. человек (Саратов и Тольятти), 8 городов с населением 500–700 тыс. человек.

В урбанистике выделяются урбанизированные районы и зоны [Пивоваров 1982]; фактически, по Л. В. Смирнягину [2011], это агломерации и мегарегионы. Под *урбанизированным районом* понимается территория, объединяющая зоны влияния 6–12 смежных городов; *урбанизированная зона* включает несколько урбанизированных районов (15 и более зон влияния смежных городов). В зависимости от степени перекрывания зон влияния различают *формирующиеся* (незначительное перекрывание) и *сложившиеся* урбанизированные зоны. К началу 60-х гг. прошлого столетия в Волжском бассейне располагался Центральный урбанизированный район, включающий Москву с прилегающими областными центрами (Тверь, Калуга, Тула, Рязань, Владимир) и комплекс крупных поселений на Верхней Волге (Рыбинск, Ярославль, Кострома, Иваново). Кроме того, в виде узлов концентрации городского населения выделялись зоны Самары и Перми. По состоянию на начало 90-х гг. ситуация изменилась. Сложилась урбанизированная зона вокруг Нижнего Новгорода, сомкнувшаяся через Муром и Гусь-Хрустальный с Московской зоной урбанизации. Возникли Нижегородская, Казанская, Ульяновская, Самарская и Саратовская зоны на Волге; Ижевская и Пермская зоны на Каме и ее притоках; сформировался Башкирский узел концентрации населения (Уфа – Салават). В последующие десятилетия шло развитие этих зон, объединение сопредельных. Так возникли крупные зоны: Чебоксары – Казань – Йошкар-Ола, Ульяновск – Тольятти – Самара – Сызрань, Саратов – Балаково, Нижнекамск – Набережные Челны – Белебей, Ижевск – Чайковский – Нефтекамск, Уфа – Кумертау, формируется зона Пермь – Лысьва – Соликамск.

Города по периферии зон с населением 30–40 тыс. человек демонстрируют две тенденции: в одних наблюдается отток населения к центру зоны урбанизации (например, Юрвец, Пучеж, Городец между Верхневолжской и Нижегородской зонами урбанизации), другие интенсивно развиваются, намечая пути роста урбанизированных районов и дальнейшего укрупнения и слияния зон. Так, очевидна тенденция к слиянию урбанизированных зон Чебоксары – Казань, Нижнекамской и Ижевской в единый мегарайон. В последние годы в этих зонах отмечается интенсивный рост городского населения.

По формальным признакам (расстояние между урбанизированными зонами 80–100 км) совокупность урбанизированных зон в Волго-Камском бассейне (Ульяновск – Самара – Саратов, Казань – Пермь, Казань – Уфа – Салават) попадает под определение единого урбанизированного района (мегарайона), смыкающегося на западе с Центральным мегарайоном. Процесс градообразования наиболее интенсивно шел в Волжском бассейне в конце XX в. – за два десятилетия здесь вновь образовано 49 городов (40 % от возникших в России). В последние десятилетия интенсивность градообразования снизилась более чем в два раза. Аналогичная динамика отмечается и по поселкам городского типа. Можно полагать, что процесс градообразования в бассейне в основном завершился и дальнейшая урбанизация будет осуществляться преимущественно за счет роста уже существующих поселений. В настоящее время наметилась тенденция расширения селитебной части городов за счет строительства коттеджей в пригородах, ранее сдержи-

вавшаяся недостатком средств у населения. Это может привести к формированию мегаполисов, характерных для США («одноэтажная Америка») и Японии, и, учитывая уровень развития отечественного коммунального хозяйства, к ухудшению параметров среды.

Предлагаемый ноосферный каркас городов для Волжского бассейна представлен на рисунке на с. 77. В качестве экологической столицы предлагается Самарско-Тольяттинская агломерация, включающая города Самару, Тольятти, Сызрань, Новокуйбышевск, Чапаевск, Жигулевск и Октябрьск. Как уже отмечалось, численность населения СТА – 2,3 млн человек. Валовой региональный продукт на душу населения в 2015 г. по Самарской области – 386,5 тыс. руб.; «впереди» только Республики Коми (607,9) и Татарстан (474,7), Московская (441,8) и Липецкая области (395,5), Пермский край (397,6) и Оренбургская область (387,8 тыс. руб.). Из этого списка реальным конкурентом на звание экологической столицы можно считать только Татарстан, но преимущество СТА в том, что эта агломерация находится существенно ниже по течению Волги. Четыре остальных основных критерия экологической столицы (см. выше) полностью выполнимы для СТА (отмечу лишь последний критерий: в Самарской области активно реализовывались три федеральные целевые программы: «Оздоровление экологической обстановки на реке Волге и ее притоках, восстановление и предотвращение деградации природных комплексов Волжского бассейна на период до 2010 года» (программа «Возрождение Волги»), «Социально-экологическая реабилитация территории Самарской области и охрана здоровья ее населения» и «Социально-экономическое развитие и экологическая реабилитация г. Чапаевска Самарской области».

Представленные в данной статье положения об учете пространственных характеристик (бассейнов крупных рек) в механизмах достижения устойчивого развития проиллюстрированы своеобразной триадой: Волжский бассейн, бассейны крупных рек России и бассейны крупных рек мира. Объекты этой триады самоподобны (то есть целое имеет ту же форму, что и одна или более частей), а самоподобие есть характеристическое свойство фрактала [Гелашвили и др. 2013]. На это обращает внимание и А. Н. Чумаков [2017: 400–401; 2015: 42], когда говорит о социосферном фрактале: «Наилучшим образом его (*социосферный фрактал*. – Г. Р.) можно понять лишь в культурно-цивилизационном контексте, как в отношении всей мировой системы в целом, так и относительно составляющих его частей, взятых по отдельности, когда они выступают в качестве самодостаточных культурно-цивилизационных систем. Такой взгляд на глобальное человечество и его составные части, когда оно воспринимается как фрактал, голографически отображаемый в как бы накладывающихся друг на друга понятиях “культура”, “цивилизация”, “глобализация” <...> имеет принципиальное значение для понимания глобального мира и общественных отношений в их многообразии и противоречиях. Иными словами, на современный мир следует смотреть, если можно так выразиться, не в “черно-белом” изображении, а в “цветном”; можно сказать и по-другому – его нужно воспринимать не “в плоскости”, а “в объеме” (выделено мной. – Г. Р.)».

«Вместе с тем новое глобальное культурно-цивилизационное образование (гиперсистема) настойчиво требует от различных типов локальных и региональных (в контексте данной статьи – бассейновых. – Г. Р.) культурно-цивилиза-

ционных систем (ойкумен и конгломератов), сложившихся в условиях фрагментарного мира, соблюдения единых для всего человечества норм, правил, запретов, предписаний и т. п.» [Чумаков 2017: 427]. По-видимому, можно спорить о выборе того или иного города на роль участника ноосферного каркаса городов или экологической столицы; однако сама идея такого рода «передела мира» для достижения устойчивого развития регионов разного масштаба представляется нам плодотворной, и ее следовало бы обсудить.

Литература

Алешковский И. А., Болатов М. О., Слукa Н. А. Горизонты городского роста в условиях глобализации // Век глобализации. 2017. № 1. С. 33–45.

Боргардт Е. А., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Экологический каркас городов бассейна крупной реки как инструмент достижения устойчивого развития территории // Социально-экономические аспекты реформ в России: проблемы, пути решения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Пенза : Мин-во образования РФ, 2000. С. 100–104.

Гелашвили Д. Б., Иудин Д. И., Розенберг Г. С., Якимов В. Н., Солнцев Л. А. Фракталы и мультифракталы в биоэкологии. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2013.

Город в контексте глобальных процессов / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, Н. А. Слукa. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011.

Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Доманицкий А. П., Дубровина Р. Г., Исаева А. И. Реки и озера Советского Союза (справочные данные). Л. : Гидрометеониздат, 1971.

Зевин Л. З. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 8. С. 26–33.

Иншакова Е. И., Волошина А. Ю. Функции мегарегионов и мегагородов // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 3 «Экономика. Экология». 2010. № 1(16). С. 159–166.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 3. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1971. С. 1–609.

Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки (географическая теория прогресса и социального развития). М. : Пангея, 1995.

Песков В. М. Сестра Волги / В. М. Песков // Полн. собр. соч.: в 23 т. Т. 5. Мощные реки. М. : ИД «Комсомольская правда», 2014. С. 125–126.

Пивоваров Ю. Л. Урбанизация в современном мире (особенности пространственного развития). М. : Знание, 1982.

Реймерс Н. В., Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории. М. : Мысль, 1978.

Розенберг Г. С. Бассейновый «передел мира» (экологический каркас городов устойчивого развития) // Экологические проблемы бассейнов крупных рек – 2: тезисы докладов Международной конференции. Тольятти : ИЭВБ РАН, 1998. С. 29–30.

Розенберг Г. С., Гелашвили Д. Б., Краснощеков Г. П. Крутые ступени перехода к устойчивому развитию // Вестник РАН. 1996. Т. 66. № 5. С. 436–440.

Розенберг Г. С., Краснощеков Г. П. Устойчивое развитие в России. Опыт критического анализа. Тольятти : Интер-Волга, 1995.

Розенберг Г. С., Краснощеков Г. П., Гелашвили Д. Б. Опыт достижения устойчивого развития на территории Волжского бассейна // Устойчивое развитие. Наука и практика. 2003. № 1. С. 19–31.

Розенберг Г. С., Краснощеков Г. П., Иглин В. Б. Ноосферный каркас городов, «экологические столицы» бассейнов рек и устойчивое развитие // Самарская Лука: Бюллетень. 1995. № 6. С. 9–27.

Розенберг Г. С., Краснощеков Г. П., Иглин В. Б. Реализация устойчивого развития через каркас устойчивых городов и «экологические столицы» бассейнов рек // Региональная экология. 1997. № 1–2. С. 50–60.

Савчук А. Субурбанизация – это что за понятие? Чем отличаются урбанизация, дезурбанизация и субурбанизация? // FB.ru. 2015. 18 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/179831/suburbanizatsiya>.

Смирнягин Л. В. Мегарегионы как новая форма территориальной организации общества // Вестник Моск. ун-та. Серия 5 «География». 2011. № 1. С. 9–14.

Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л. : Советский писатель, 1990.

Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М. : Ноосфера, 1998.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М. : Канон +, Реабилитация, 2006.

Чумаков А. Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. 2008. № 1. С. 7–16.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2(16). С. 35–47.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017.

Adams R. The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehistoric Mexico. Chicago : Aldine Pub. Co., 1966.

Carbonell A., Yaro R. D. American Spatial Development and the New Megalopolis // Land Lines. 2005. Vol. 17. No. 2. Pp. 1–4.

Florida R. Who's Your City: How the Creative Economy is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life. New York, NY : Basic Books, 2008.

Florida R., Gulden T., Mellander Ch. The Rise of the Mega Region. Toronto : Martin Prosperity Inst., 2007.

Prigogine I. R. The End of Certainty: Time, Chaos, and the New Laws of Nature. New York, NY : Free Press, 1997.

АЛЖИР В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ*

Васецова Е. С.**

Алжир – одна из немногих стран Ближнего Востока, которую практически не затронули события «арабской весны». На первый взгляд страна производит впечатление оазиса спокойствия на фоне богатых на события соседей – Ливии, Мали, Туниса. Тем не менее существуют факторы, как внутренние, так и внешние, которые при неблагоприятном развитии ситуации могут привести к конфликту, и цель настоящей статьи – анализ данных факторов. Объектом исследования является политическая ситуация в Алжире, а предметом – основные тенденции ее развития, которые могут привести к втягиванию страны в конфликт. В статье проведен анализ общественно-политической и экономической ситуации в Алжире с точки зрения выявления конфликтогенного потенциала страны, а также изучены существующие противоречия во взаимодействии элиты, выражающиеся в ее постоянных «чистках». В результате проведенного исследования были выявлены основные предпосылки возможного конфликта: тяжелое состояние здоровья президента страны А. Бутефлика, которое использует в своих интересах его ближайшее окружение, ожесточенная борьба в верхах, постоянно растущая угроза со стороны группировок вооруженных исламистов всех мастей, а также нерешенный «берберский вопрос», неурегулированный конфликт Алжира с соседним государством Марокко и крайне сложная обстановка на границах с Ливией и Мали.

Ключевые слова: Алжир, Марокко, Россия, США, Мали, Ливия, «берберский вопрос», кабилы, А. Бутефлика, «Аль-Каида в странах исламского Магриба», «Исламское государство»¹.

Algeria is one of the few countries in the Middle East that has not been affected by the events of the “Arab Spring”. At first sight, the country seems to be quite peaceful in comparison with the eventful neighbors, Libya, Mali and Tunisia. Nevertheless, there are factors, both internal and external, which may cause a conflict in case of the negative development, and the purpose of this article is to analyze these factors. The object of the study is the political situation in Algeria, and the subject is the main trends of its development, which can lead to the country's involvement in the conflict. The author analyzes the socio-political and economic situation in Algeria from the point of view of identifying the country's conflict potential, as well as the existing contradictions in the interaction of the elite, expressed

* Статья выполнена в рамках гранта 15-07-00001 «Международные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму».

** Васецова Елена Сергеевна – к. полит. н., доцент кафедры «Политология Востока» ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: vasetsova.es@yandex.ru.

¹ Деятельность данных террористических организаций запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

in its constant "cleanings". The study defines the main prerequisites for a possible conflict there: the poor health of the President of the country A. Bouteflika, which is his immediate circle benefiting from, bitter fight at the top, the ever growing threat from the groups of armed Islamists of all kinds, and the unresolved "Berber question", the continuing conflict between Algeria and the neighboring state of Morocco and the extremely difficult situation on the borders with Libya and Mali.

Keywords: *Algeria, Morocco, Russia, USA, Mali, Libya, «the berber question», kabila, Bouteflika, The Al-Qaeda in the Islamic Maghreb, «The Islamic State».*

Алжир относится к небольшому количеству стран Ближнего Востока, не затронутого событиями «арабской весны», и на первый взгляд кажется оазисом спокойствия на фоне революций, произошедших в соседних государствах. Однако данное впечатление обманчиво. Конфликтотенный потенциал очень высок, и целью данной статьи является анализ факторов, которые в будущем (при неблагоприятном развитии ситуации) могут привести к конфликту в Алжире.

Одним из факторов дестабилизации ситуации в стране является вопрос о власти. Формально во главе страны находится 79-летний президент Абдель Азиз Бутефлика, в 2014 г. одержавший победу на выборах в четвертый раз. За последние несколько лет президент дважды перенес инсульт и с тех пор передвигается исключительно в инвалидном кресле. На публике он появляется крайне редко и к правительству обращается через письма. Это породило множество слухов, далеко не беспочвенных, что власть осуществляет группа людей из ближайшего окружения А. Бутефлики. Сторонники последнего даже публично выдвинули требование об аудиенции у президента, чтобы удостовериться, что он способен самостоятельно принимать решения. Но встреча так и не состоялась. Тогда общественно-политический деятель Лахдар Бурегга заявил о своей убежденности в том, «что президента взяли в заложники его ближайшие помощники» [Мануков]. Верно ли данное утверждение, сказать сложно. Даже если это и преувеличение, то говорить о манипуляциях президентом есть все основания. В пользу подобного предположения есть доводы. Стиль руководства и решения, принимаемые А. Бутефликой после того, как он стал президентом в четвертый раз, совершенно ему не свойственны. Прежде всего речь идет об арестах и отставках силовиков, представителей высшего эшелона власти. В августе 2015 г. страну поразила новость об аресте генерала Абделькадера Айтубаби, занимающего должность заместителя директора службы безопасности DRS, отвечающей за борьбу с терроризмом. Осенью 2015 г. его приговорили к пяти годам тюрьмы за уничтожение документов и нарушение законов. Всеобщим потрясением можно назвать последующий арест «серого кардинала» генерала Мохамеда Медиена, четверть века возглавлявшего службу безопасности. Огромный резонанс вызвала отставка генерального секретаря партии «Фронт национального освобождения» Амара Саадани.

Таким образом, можно говорить о происходящей борьбе в верхах и смене элит в партийно-государственных и силовых структурах. У действующего главы государства нет преемников, и вопрос о власти встанет с особой силой во время президентской предвыборной гонки (выборы назначены на 2019 г.). Брат президента и его сторонники хотят иметь право выбора будущего преемника, в то время как начальник штаба вооруженных сил Ахмед Гаид Салах, пользующийся

поддержкой генералитета, считает необходимым учитывать мнение высшего армейского командования при утверждении кандидатуры. У Салаха нет планов баллотироваться на пост президента, он последовательно отстаивает позиции армии как главного гаранта конституции и одной из системообразующих структур политической системы Алжира [Мануков].

Сложности в политической сфере усугубляются экономическими трудностями. Дело в том, что экономика страны основана преимущественно на добыче углеводородного сырья. Алжир занимает пятое место в мире по объему запасов природного газа и является вторым по величине мировым экспортером данного вида сырья, уступая первое место России. Нефть составляет 97 % экспорта. Бюджет страны на 60 % наполняется за счет продаж углеводородов. Когда цены на нефть и газ на мировых рынках начали падать, это не могло не сказаться на экономике. В 2015 г. дефицит госбюджета впервые за два десятилетия достиг 8 млрд долларов, а поступления от нефти составили 34 млрд долларов – ровно вдвое меньше прошлых годов. Еще одной большой проблемой властей становится безработица. В сложившихся условиях правительство решило пойти на сокращение в 2016 г. расходов на 9 % [Сатановский 2016]. Принятые меры нанесли серьезный удар по покупательской способности алжирцев. 2017 г. начался для алжирцев заметным ростом цен на продукты, и данный процесс продолжается до сих пор. Так, по сравнению с январем 2016 г. цены на помидоры выросли на 105,1 %, горох – на 62,4 %, картофель – на 25,5 %, чеснок – на 21,8 %, сушеные бобы – на 11,7 %. Продуктовая корзина подорожала на 8,53 % (и на 40 % по сравнению с 2015 г.). Даже несмотря на то, что 2016 г. оказался плодородным, резкий рост цен затронул и сезонные продукты [Его же 2017]. Печальнее всего, что данные действия не смогут улучшить ситуацию, так как не направлены на изменение сложившейся экономической системы.

Власти Алжира пытаются укрепить отношения с богатыми государствами, заинтересованными в партнерстве, и таким образом улучшить свое материальное положение. Прежде всего речь идет о развитии сотрудничества с Катаром [подробнее см.: Балмасов 2016]. Осенью 2016 г. состоялся ряд встреч на высшем уровне между алжирской и катарской сторонами. Сближение Алжира с Катаром чревато втягиванием Алжира в конфликт в Ливии на стороне прокатарских «Братьев-мусульман» (группировка, признанная террористической многими странами мира, в том числе Россией) в противовес «Исламскому государству» (ИГ, о данной запрещенной в РФ организации см. подробнее: [Васецова 2016; Васецова]). Если события начнут складываться подобным образом, то это грозит усилить как региональную нестабильность, так и ситуацию внутри страны.

Также в планах у руководства Алжира наладить взаимодействие с новой администрацией США. Несмотря на антиисламские лозунги, власти Алжира в целом позитивно отнеслись к победе Д. Трампа на президентских выборах, очевидно, полагая, что из двух зол следует выбирать меньшее. Х. Клинтон, претендент на пост президента от демократической партии, занимала явно промарокканскую позицию, и, следовательно, ее приход к власти был менее желателен. Еще руководство Алжира рассчитывает на то, что новый президент будет заинтересован в поддержании стабильных режимов на Ближнем Востоке, которых не так много. Впрочем, известная спонтанность Д. Трампа делает крайне затруднительным прогноз относительно будущих взаимоотношений сторон.

Ситуацию в Алжире до сих пор дестабилизирует активность вооруженных группировок радикальных исламистов, с которыми правительственные войска борются уже несколько десятилетий. Острая фаза противостояния пришлась на период 1992–2002 гг., и события переросли в гражданскую войну. Данный период стал одним из самых кровопролитных и трагических в новейшей истории Алжира, получив разные названия: «десятилетие террора», «черное десятилетие», «годы огня». Власти Алжира неоднократно заявляли, что порядок в стране восстановлен и общество вернулось к мирной жизни. Шаг к примирению сторон сделало алжирское правительство: в марте 2006 г. из тюрем на свободу по массовой амнистии вышли более двух тысяч радикалов-исламистов, не совершивших тяжких преступлений. Впрочем, данная акция привела к прямо противоположным результатам: уже в конце года произошел всплеск террористической активности. В 2013 г. на газовый комплекс в Ин-Аменасе была совершена террористическая атака, вследствие которой предприятию был причинен настолько значительный ущерб, что полностью устранить его удалось лишь недавно.

Осенью 2006 г. было распространено сообщение, что вооруженная радикальная исламистская «Салафитская группа проповеди и джихада» (основана в 1997 г., в настоящий момент известна под названием «Аль-Каида в странах исламского Магриба») присягнула на верность «Аль-Каиде» и отказывается участвовать в амнистии. До этого группировка отказалась пойти на соглашение с правительством, продолжив борьбу. Зона активности организации охватывает Алжир и сопредельные страны, угрожает безопасности целого региона. Среди самых громких акций группировки – самоподрыв двух смертников в Алжире в августе 2011 г., захват заложников в Бамако (Мали) в ноябре 2015 г., теракты в Уагадугу (Буркина-Фасо) в январе 2016 г.

Таким образом, несмотря на постепенное снижение градуса напряженности в Алжире, исламистские группировки продолжают устраивать террористические акты и акции устрашения. Власти страны не прекращают борьбу с террористами, в том числе организуя силовые операции по физическому устранению боевиков. В преддверии 2017 г. Министерство обороны Алжира сообщило о ликвидации 125 террористов в 2016 г. Ведомство не уточнило личности погибших, а также операции, в ходе которых они были уничтожены. Еще 225 человек были арестованы в рамках рейдов по борьбе с терроризмом. В числе арестованных – подозреваемый в организации ноябрьских терактов 2015 г. в Париже [В Алжире арестован... 2016]. В ноябре 2016 г. алжирская армия уничтожила одного из главарей террористической организации «Аль-Каида в странах исламского Магриба» [Минобороны... 2016].

Борьба с радикальными вооруженными отрядами исламистов – не единственная «головная боль» для властей страны. Попытки решить «берберский вопрос» (в случае с Алжиром более верно говорить о «кабийском вопросе») не привели к положительным результатам. Берберы – коренные жители государств Северной Африки, где они проживали задолго до прихода арабов в VII в. н. э. Несмотря на арабизацию Магриба, берберы и в наши дни составляют значительную часть от общего количества населения. Назвать точное число берберов крайне затруднительно, цифры разнятся в десятки миллионов, от 20 млн до 40 млн человек. Отчего возникла такая ситуация? Дело в том, что власти стран проживания берберов склонны уменьшать их численность, а сами берберы – завышать. Также точный

их подсчет осложняется из-за того, что некоторые берберские племена по-прежнему ведут кочевой образ жизни. В любом случае берберы, представленные различными этническими группами и говорящие на разных диалектах, многочисленны. Больше всего их проживает в Алжире и Марокко. В Алжире они составляют примерно 25–30 % населения, а Марокко является самой густонаселенной страной проживания берберов – около 50 % марокканцев принадлежат к берберским племенам. Данный народ также проживает в Ливии (около 200 тыс.), Мали (около 450 тыс.), Нигере (около 700 тыс.) и Мавритании (около 250 тыс.). Наименьшее количество берберов проживает в Тунисе (30 тыс.), где они ведут оседлый образ жизни и мало чем отличаются от арабов.

«Берберский вопрос» долгое время был завуалирован и остро встал в ряде стран Магриба не так давно. Решался он по-разному. Например, власти Марокко традиционно были настроены достаточно лояльно по отношению к берберским племенам, и в настоящее время берберская проблема не угрожает целостности страны. Совершенно другая ситуация наблюдается в Алжире, где сложилась благоприятная почва для политизации этничности.

Кабилы – самый многочисленный берберский народ, проживающий в Алжире. Около 4 млн кабилы проживают в Кабилии, прибрежной области к востоку от столицы Алжира, а еще 2 млн – за границей, прежде всего во Франции. Во времена французского колониального правления в Алжире власти претворяли в жизнь принцип «разделяй и властвуй», стремясь создать разделенное общество под управлением метрополии. Была создана система франко-берберских школ, ставшая альтернативой арабо-исламскому образованию. Также берберам-кабилам предоставлялась возможность обучаться во Франции. В результате в Алжире сформировалась прослойка кабилы-интеллектуалов, гораздо более образованных, чем их соотечественники-арабы. Что еще немаловажно, берберы (большинство из которых – мусульмане-сунниты), в том числе и берберы-кабилы, в массе своей совершенно невосприимчивы к идеям исламизма. Некоторые из них стали переходить в католическую веру, что еще более усилило противоречия между арабами и берберами.

Однако ожидания колонизаторов не оправдались, и в ходе войны за независимость (1954–1962) берберы активно воевали с французскими войсками на стороне Фронта национального освобождения Алжира (ФНО), а бербер Рамдан Аббан вошел в историю как один из вождей Алжирской революции.

Несмотря на проявленную берберами отвагу в борьбе за получение независимости, новое руководство страны начало проводить политику ускоренной арабизации населения. Гражданские права и свободы берберов, любые проявления их самобытности были резко ограничены. Особенно остро на происходящие процессы отреагировали кабилы, которые категорически не хотели подвергаться арабизации, навязываемой «сверху», и потерять свою идентичность.

Языковая политика властей также вызывала у берберов протестные настроения. В независимом Алжире единственным официальным языком был провозглашен арабский. Занимать должности в государственных учреждениях можно было только лицу, знающему арабский язык. Кабилы же продолжали стоять на позициях «франкофонии», настаивая на приоритете французского языка перед арабским. Ситуация накалялась, и после ряда запретов на проведение мероприятий, связанных с сохранением берберами своей культуры и языка, в 1980 г.

вспыхнула «берберская весна», жестко подавленная силами безопасности. Таким образом власти спровоцировали радикализацию «берберского вопроса»: если раньше требования берберов ограничивались признанием их гражданских прав и свобод, достижением культурной автономии, то после событий 1980 г. движение берберов становилось все более многогранным, а требования охватывали все более широкий круг вопросов.

Сложно сказать, как развивалась бы ситуация, если бы на авансцену политической жизни Алжира стремительно не вышли радикальные исламистские движения. Власти страны оказались вовлечены в борьбу с вооруженными группировками исламистов и пытались противопоставить им берберов. Опасаясь усиления исламистов и, как результат, их прихода к власти, военные в январе 1992 г. совершили государственный переворот, создав временный орган власти, который был призван выступать в роли «коллективного президента» – Высший государственный совет (ВГС). Но остановить втягивание государства в гражданскую войну светским властям оказалось не под силу, и с января 1992 г. Алжир жил в условиях чрезвычайного положения и непрекращающейся гражданской войны между силами правопорядка и вооруженными исламистскими группировками.

Полностью контролировать Кабилию и другие области компактного проживания берберов правительство оказалось не в силах. Таким образом, в период гражданской войны (1992–2002 гг.) Кабия стала фактически неподконтрольной территорией, население которой создавало отряды самообороны, сражаясь с исламистами за выживание и продолжая вести борьбу с правительством за признание широкой автономии, равенства в правах с арабами, придание берберскому языку статуса официального.

В ходе гражданской войны берберы смогли добиться существенного прогресса по достижению своих требований. В новой конституции Алжира, одобренной на всенародном референдуме 28 ноября 1996 г., впервые берберизм был признан одной из основ алжирского общества наряду с арабизмом и исламом. Постепенно берберский язык стали изучать в некоторых школах.

Впрочем, власти явно опасались усиления берберских движений и партий, а также того, что по мере уступок берберы начнут заходить в своих требованиях все дальше и дальше. Больше всего негодовали консервативные исламские круги, пролоббировавшие принятие в июле 1998 г. закона о всеобщем использовании арабского языка, в соответствии с которым арабскому языку придавался исключительный статус. Закон предписывает обязательное его использование во всех сферах как государственно-политической, так и общественной жизни, предусматривая строгие штрафные санкции для нарушителей.

Берберы встретили принятие данного закона в штыки, восприняв как попрание ранее достигнутых ими прав и свобод. Пик протестного движения пришелся на лето 2001 г. В ответ на массовые демонстрации кабилов власти применили силу, и в результате по официальным данным погибло 60 человек. Неспособность партий, представляющих интересы берберов, объединиться, их непрекращающиеся разногласия относительно краткосрочных и долгосрочных целей вызвали разочарование у кабилов, и, как следствие, произошло выдвижение на первый план Координационного совета деревенских комитетов Кабии (КСДКК). Данная неформальная структура, в которой представлены все населенные пункты проживания алжирских берберов, действует параллельно с местными органами

власти. КСДКК сформировал дежурные комитеты, которые стали фактически его полувоенными формированиями, и оказывает на центральные органы власти все большее влияние. В качестве реакции на расстрел протестующих КСДКК предъявил руководству страны список требований из 15 пунктов, получивший название Эль-Ксарской программы (был принят в населенном пункте Эль-Ксар). Основные требования: придать берберскому языку статус официального наравне с арабским, вывести армейские подразделения центральных властей из Кабилии, разработать и принять срочный план социально-экономического развития региона, гарантировать гражданские права и свободы.

Вплоть до начала «арабской весны» власти не желали идти на уступки кабилам и игнорировали их требования. Систематически пресекались инициативы берберских организаций по проведению акций, направленных на демонстрацию самобытности и подчеркивание особой роли, которую играют берберские племена в Магрибе. Например, постановлением суда было запрещено собрание 5-го Всемирного конгресса амазигов в Кабилии в июле 2008 г. В августе 2009 г. были проведены аресты лидеров общественно-политических берберских движений, имеющих мировую известность. Берберы добивались разрешения празднования берберского Нового года, на что власти не давали согласия. В результате в январе 2009 г. и январе 2010 г. прошли митинги и акции протеста, закончившиеся столкновениями с полицией.

Несмотря на то что «арабская весна» не привела в Алжире к массовым народным выступлениям и смене правящего режима, как это произошло в соседних странах – Тунисе и Египте, и не вызвала революцию и гражданскую войну по примеру Ливии, она стала для алжирских властей своеобразным сигналом, что необходимы перемены. Опасаясь радикализации ситуации и не желая негативного резонанса за рубежом относительно положения берберов, власти Алжира идут на частичные уступки, в то же время не удовлетворяя все требования. Зимой 2016 г. парламент принял ряд законов в рамках реформы конституции страны, и берберскому языку был предоставлен статус государственного [В Алжире признали... 2016].

Противостояние кабилы и центральных властей продолжается. Власти опасаются, что предоставление кабилам автономии станет первым шагом на пути к развалу единого Алжира, а сепаратистские настроения уже не удастся контролировать. Бойцы берберских организаций, превосходно ориентируясь на хорошо знакомой местности, совершают нападения на правоохранительные службы, представителей власти. Местные жители относятся к участникам подобных организаций лояльно и не выдают их правоохранительным органам. Принимать жесткие меры по отношению к сепаратистам власти опасаются, так как не хотят усугубить ситуацию, которая осложняется тем, что кабилы традиционно поддерживает Франция, не заинтересованная в существовании сильного и независимого Алжира. Париж поощряет стремление берберской диаспоры к тесным контактам и поддержке своих собратьев в Алжире. Таким образом, алжирским властям следует проводить крайне осторожную и взвешенную политику по отношению к «берберскому вопросу», чтобы не вызвать его очередное обострение.

Помимо внутренних причин, дестабилизирующих обстановку в Алжире, есть еще и внешние факторы. Прежде всего речь идет о конфликте между Алжиром и

Марокко, растянувшись на десятилетия. Вот уже более 40 лет стороны не могут прийти к согласию из-за Западной Сахары – бывшей колонии Испании. Марокко продолжает настаивать на том, что это его территория, а Алжир поддерживает идею о самоопределении. Осенью 2013 г., после высказываний президента А. Бутефлика о Западной Сахаре, Марокко отозвало своего посла из Алжира. Марокканская дипломатическая служба в этой стране работает под руководством временного поверенного [Марокко... 2013]. Периодически на мароккано-алжирской границе происходят инциденты. Например, осенью 2014 г. алжирские пограничники ранили нескольких подданных Марокко, объяснив, что действовали в рамках закона, так как, по их мнению, пострадавшие были контрабандистами, попытавшимися пересечь границу. Впрочем, подобное объяснение не удовлетворило власти Марокко, и напряженность между сторонами сохраняется до сих пор.

Также большие опасения у руководства Алжира вызывает ситуация на границах с Ливией и Мали, через которые идут потоки контрабандного оружия, топлива, наркотрафика, сигарет и алкогольной продукции. Наибольшие опасения вызывает возможность проникновения в страну вооруженных радикальных исламистов. Подобные случаи не редкость. По данным алжирской разведки, домой, в Тунис, со стороны Ливии возвращаются от 2 до 2,5 тыс. боевиков. Не исключено, что это боевики запрещенных в РФ «Исламского государства» (ИГ) или «Аль-Каиды», которые спасаются бегством из Ирака и Сирии. На юге Ливии, недалеко от границы с Алжиром, идут боестолкновения между отрядами туарегов и племен тубу. Еще около 3,5 тыс. боевиков, возможно, воевавших ранее в рядах ИГ в Сирии и Ираке, просачиваются на юг Ливии. Туда же пробираются несколько сотен вооруженных сторонников запрещенной в РФ «Боко харам» из Нигерии [Мустафин 2017].

Усиление вооруженных группировок радикальных исламистов в Алжире может нарушить сложившийся баланс сил, с таким трудом установленный после окончания гражданской войны, и взорвать обстановку изнутри. Осознавая всю сложность ситуации, власти последовательно усиливают систему безопасности государственных границ. Президент Бутефлика передал охрану границ из ведения Министерства внутренних дел Вооруженным силам в 2014 г. Была увеличена численность размещенных вдоль границ войск, в пограничных районах создан отдельный округ, оснащенный новейшей техникой. Особое внимание продолжает уделяться специальной антитеррористической подготовке алжирской армии.

В феврале 2017 г. алжирские сухопутные войска и ВВС, дислоцированные вдоль границ с Ливией и Мали, были приведены в высшую степень боеготовности. Причиной послужили ухудшение оперативной обстановки и резко усилившаяся в связи с этим опасность проникновения в страну боевиков радикальных исламистских группировок. Один из возможных вариантов развития событий – террористическая атака, организованная с нескольких направлений.

Итак, несмотря на кажущуюся стабильность ситуации в Алжире, существует множество факторов, которые при неблагоприятном развитии событий могут привести к началу конфликта. Прежде всего речь идет о необходимости проведения модернизации политической и экономической систем, но в настоящий момент в стране нет фигуры, наделенной должной политической волей и решимо-

стью проводить реформы. Элита заинтересована в сохранении статус-кво и не хочет перемен, которые могут сказаться на ее положении не самым лучшим образом. Впрочем, в долгосрочной перспективе без реформ не обойтись, главное, чтобы они не были запоздалыми, когда ситуация накалится настолько, что радикальная трансформация системы будет вызвана социальным взрывом.

Нерешенный «берберский вопрос» способствует росту недовольства среди берберов, которые составляют в Алжире значительную часть общества. Существенной угрозой безопасности страны является деятельность вооруженных группировок радикальных исламистов, полностью справиться с которыми правительственным силам пока не удается. Крайне сложной остается обстановка на границах с Мали и Ливией, да и нерешенный конфликт между Марокко и Алжиром длится уже несколько десятилетий. Таким образом, перед руководством страны стоит сложная задача. С одной стороны, необходимы реформы и модернизация системы управления страной, экономики Алжира, с другой – существующих проблем и противоречий настолько много, что при проведении реформ они рискуют обостриться и перерасти в вооруженный конфликт.

Скорее всего, в ближнесрочной перспективе серьезных потрясений в Алжире не будет. Но отсутствие модернизации в будущем приведет к росту негативных тенденций, которых накопится критическая масса, и тогда достаточно любой спички, чтобы вспыхнуло пламя.

Литература

Балмасов С. С. Алжир – Катар: важный шаг в развитии отношений. 2016. 3 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=30159>.

В Алжире арестован подозреваемый в организации терактов в Париже. 2016. 28 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/02/28/v-alzhire-arrestovan-podozrevaе-myj-v-organizacii-teraktov-v-parizhe.html>.

В Алжире признали язык берберов и ограничили срок президенту. 2016. 7 февраля [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/02/160207_algiers_reforms.

Васецова Е. С. «Исламское государство» как шаг на пути к конфликту цивилизаций? // Век глобализации: исследование современных глобальных процессов. 2016. № 1–2. С. 96–101.

Васецова Е. С. Исламистские группировки в Сирии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал) № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/765>.

Мануков С. Алжир тоже готов взорваться? 2015. 25 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2015/12/25/alzhir-tozhe-gotov-vzorvatsya/>.

Марокко отозвало посла из Алжира из-за заявлений по Западной Сахаре. 2013. 31 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20131031/973802464.html>.

Минобороны Алжира сообщило о ликвидации 125 террористов за год. 2016. 18 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/342828-minoborony-alzhi-ra-likvidaciya-125-terroristov>.

Мустафин Р. На границах Алжира объявлена тревога. 2017. 6 февраля [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2017-02-06/8_6921_algeria.html.

Сатановский Е. Я. Алжир пытается капитализировать влияние на соседей по континенту. 2016. 29 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/alzhir-pytaetsia-kapitalizirovat-vliianie-na-sosedei-po-kontinentu/5575896>.

Сатановский Е. Я. Апельсины давят на власть. 2017. 29 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/35867>.

МИГРАЦИЯ, РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ: ПАРАДОКС ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Ницшке П.*

В статье поднимаются актуальные вопросы, связанные с нарастанием социального неравенства и усилением межстрановых и межконтинентальных миграционных потоков в условиях глобального мира. Особое внимание уделяется мигрантам из Африки и социально-экономическим проблемам Европы, где малограмотные переселенцы не могут решить проблему дефицита высококвалифицированных рабочих. Дан анализ социальным проблемам, вызванным миграционными процессами, и делается заключение, что интеграция переселенцев в европейские общественные системы – это не административный, а сложный культурный процесс, который требует огромных изменений с обеих сторон.

Ключевые слова: глобальный мир, миграция, государство, интеграция, культура, неравенство, национальное самосознание.

The article raises important issues associated with increasing social inequality and strengthening of intercountry and intercontinental migration flows in the global world. Special attention is paid to migrants from Africa and the socio-economic problems of Europe, where illiterate migrants cannot solve the problem of shortage of skilled workers. Social problems caused by migration processes have been analyzed, and it is concluded that the integration of immigrants in the European social system is not an administrative, but a complex cultural process that requires huge changes from both sides.

Keywords: global world, migration, state, integration, culture, inequality, national identity.

1. Влияние миграции в глобализированном мире

В глобализированном мире существует много фактов, свидетельствующих об укреплении национальными государствами своей способности обеспечивать граждан общественными благами. Однако многие глобальные явления представляют угрозу для системы социального обеспечения, которая традиционно связана с обязательствами национального государства. Из-за событий последних двух лет не только для Европейского союза как наднациональной системы, но и для каждой страны – члена ЕС эта проблема стала ассоциироваться также с миграционными процессами. Похоже, национальная солидарность находится под угрозой из-за универсального подхода к проблеме прав человека. Вопрос в том, какой путь легитимации выберет государство в ближайшем будущем и что будет сдела-

* Ницшке Петер – доктор философии, профессор, Университет Фехты, Link Campus University (Рим).
E-mail: peter.nitschke@uni-vechta.de.

но в плане интеграции большого количества людей, приезжающих со всего мира в Европу.

Для Европы особое значение имеет ситуация в Африке: примерно 20 млн африканцев ищут убежища, причем, большинство из них остаются на континенте. Единственное место, где они могут спастись от нищеты, – соседние африканские государства. Это означает, что проблема миграции особенно актуальна в странах и на территориях с наиболее высоким уровнем голода. «Когда идет большой приток населения на определенную территорию, всегда возрастает давление на существующую инфраструктуру», – подчеркивает один из экспертов в области стратегии развития Африки [Sommerfeld 2016: 7]. Это приводит к эффекту снежного кома в принимающих африканских странах. В свою очередь, все больше людей мигрирует в Европу, однако большинство из них не могут позаботиться о себе в финансовом плане.

II. Угроза европейским государствам всеобщего благосостояния

С начала 2015 г. около 1 млн 330 тыс. человек приехали в Германию в качестве беженцев или претендентов на статус беженца. Среди них около 960 тысяч подали прошение о предоставлении политического убежища до начала 2016 г. [см.: Stocker 2016]. Это примерно столько же, сколько официально зарегистрированных беженцев (за вычетом лиц, посчитанных дважды). Однако далеко не все получают статус беженца – в 90 % случаев им будет отказано. Это означает, что большинство из них либо получают ограниченный статус пребывания, вероятнее всего, в рамках Женевской конвенции о статусе беженцев, либо будут высланы из страны и должны будут вернуться к себе на родину.

Большинство беженцев, приехавших в Германию с 2014 г., являются людьми трудоспособного возраста и часто моложе 35 лет. Тем не менее уровень безработицы среди них особенно высок: так, в начале 2014 г. в четырех федеральных землях Германии было примерно 34 тыс. безработных, а в 2016 г. официально безработных было уже 124 тыс. человек [Siems 2016a]! Четверо из пяти беженцев трудоспособного возраста не имеют оконченного профессионального образования, то есть Германия принимает малообразованных мигрантов, которые, вероятнее всего, останутся за бортом немецкой экономики, требующей определенной квалификации. Подобный вид иммиграции не способствует развитию немецкой экономики, и уж тем более социальной системы в целом. В четырех государствах, являющихся основными источниками миграции, а именно – Сирии, Эритрее, Ираке и Афганистане, по статистике 65 % соискателей остаются без работы до сих пор [Ibid.].

В принципе, миграция дает определенные преимущества любому открытому обществу, которое в среднесрочной или долгосрочной перспективе извлекает определенную выгоду из новаторских идей мигрантов не только в экономике, но также в социальной сфере и культуре в целом. Например, в промышленности Германии наблюдается заметный дефицит рабочей силы, который достаточно трудно компенсировать, и поэтому беженцы здесь вполне пригодились бы. Однако проблема заключается в большом количестве мигрантов и отсутствии у них квалификации в профессиях, востребованных на рынке труда. Таким образом, мигранты и беженцы, приезжающие в страны с более высоким уровнем заработной платы, обладают преимуществом лишь в том случае, если имеют необходимый уровень образования. Большинство мигрантов, прибывших в Германию

начиная с 2015 г., не относятся к этой группе. Расходы на интеграцию увеличивают не только многочисленные неграмотные беженцы, которые прежде всего должны выучить немецкий язык, но также и малоквалифицированные работники из Ирака, Сирии или Афганистана, поскольку последние едва ли могут интегрироваться в немецкий рынок труда. На сегодняшний день нет международных исследований, которые должным образом проанализировали бы положительное или отрицательное влияние низкоквалифицированных беженцев на рынок труда стран с высоким уровнем заработной платы [см. также: Greive, Kaiser 2015]. В этой связи можно привести положительный пример Майами в 1980-е гг., когда в течение нескольких месяцев во Флориду переехали более 100 тыс. кубинских беженцев, которые увеличили трудовые ресурсы на 7 %, и тем не менее заработная плата разнорабочих не уменьшилась. Конечно, в этом случае кубинская община достаточно быстро и эффективно интегрировала вновь прибывших без какой-либо помощи со стороны государства.

Государству с развитой социальной системой приходится тратить на мигрантов финансовые ресурсы, которые могли бы быть направлены в другие сферы, например на образование или развитие общественного транспорта. Кроме того, интеграция беженцев – чрезвычайно сложный и достаточно длительный процесс. Это самый сложный поиск баланса между немецким населением и иммигрантами: в то время как уровень занятости в немецком обществе составляет около 60 %, среди беженцев и соискателей статуса беженцев работают только примерно 11 %, несмотря на активные усилия государственных служб по их трудоустройству. В 2016 г. уровень безработицы среди беженцев составлял 52 %, в то время как среди немецкого населения – только 6,1 % [Stocker 2016]! Этот дисбаланс перегружает немецкое общество, особенно его социальную систему. Подобные структурные изменения наблюдаются и в других странах – членах ЕС. В этом отношении растущее недовольство или сопротивление притоку мигрантов вполне объяснимо. Их рассматривают как внедрение в систему социального обеспечения европейских государств – и, по сути, это так и есть!

Преподаватель Университета Гумбольдта, голландский социолог Рууд Коопманс, занимающийся проблемами миграции, критически оценивает сегодняшний приток беженцев в ЕС, поскольку массовая иммиграция происходит без какого бы то ни было систематического отбора со стороны принимающих стран, что, очевидно, не будет способствовать улучшению национального рынка труда в ЕС. Коопманс заявляет, что «в большинстве обществ мусульмане при ассимиляции приспособляются тяжелее, чем другие группы мигрантов» [Siems 2016b]. В чем причина? В гордости (праведной вере) или в расистском высокомерии? Кроме того, Коопманс скептически относится к преувеличенно оптимистичным представлениям Комиссии ЕС (а также немецкого правительства) о значении мигрантов в экономике [*Ibid.*]: «Не всякая иммиграция полезна для страны. Некоторые иммигранты, наоборот, усугубляют проблемы в социальном государстве. Только когда мигрант интегрируется в рынок труда, общество может извлечь из этого выгоду».

III. Равенство и неравенство в национальном государстве

Обе стороны процесса – и принимающее общество, и прибывшие беженцы – должны рассматривать интеграцию как инвестицию. Это в первую очередь касается затрат принимающего общества. Кроме того, встает вопрос о социальной

целостности общества. Стимулировать и вырабатывать механизмы правового отбора исключительно в соответствии с немецким административным правом оказывается недостаточно. Это нечто больше, а именно – вопрос значения и цели социальных систем. Таким образом, необходимо вновь вернуться к проблеме пределов национальной солидарности, как внутренней, так и внешней. Ожидать, что еще один потраченный миллиард евро поможет контролировать интеграцию, нереалистично и опасно. Параллельные сообщества, состоящие из семей иностранных рабочих, обнаруживаются не только в Германии, но также во Франции и Нидерландах, а это говорит о том, что проблему не решить только лишь распределением финансов. Интеграция – это, в конце концов, не административный, а сложный культурный процесс, который требует огромных изменений с обеих сторон.

Именно бедность заставляет переезжать в Европу людей из стран Ближнего и Среднего Востока, где государство неспособно или не желает решать серьезную проблему социального неравенства. В целом, без учета ситуации гражданской войны в Сирии и Ираке, надежда на лучшую жизнь является основной причиной массового притока беженцев из этих стран. Однако большинство людей из стран арабского мира приехали в Европу не ради демократических прав и свобод. Следовательно, серьезные конфликты норм с беженцами в странах – членах ЕС неизбежны. В одном из интервью немецко-сирийский политолог Бассам Тиби объясняет принцип достойного мужчины-мусульманина следующим образом: «Мусульманину разрешают временно проживать в неисламском обществе. Но ему не разрешено присоединиться к этому обществу. По такому принципу воспитаны многие» [Seibel 2016].

Тиби обращается к своему недавнему опыту в Американском университете в Каире: «Нет никакой демократии. Это не обсуждается. Полицейский говорит людям, куда нужно идти. Когда эти люди приезжают сюда и встречают мирных и дружелюбных полицейских, они думают, что этот человек никак не может быть полицейским, а лишь шутом. Они чувствуют себя не свободными, а растерянными» [Ibid.]. У иммигрантов есть весьма смутное представление о своем положении, поскольку по своей сути предписания *не являются указаниями*. Они унифицированы только по форме, но не обладают должной жесткостью законов. Это приводит к постоянным нарушениям норм со стороны мигрантов.

Вот как Тиби критически оценивает решение Меркель в конце лета 2015 г.: «В Америке отбираются квалифицированные иммигранты, в нашем случае все по-другому. На нас катится демографический снежный ком. <...> И это еще не предел. Я не был в Египте в течение десяти лет, и с тех пор население здесь увеличилось еще на 15 миллионов человек. Все хотят приехать в Германию, включая университетских профессоров. Я учился в Камеруне, в Сенегале, в Нигерии, я знаю Африку очень хорошо. На Черном континенте нигде нет демократии. Бедность растет. В Ливии будет миллион бедняков, и проблема бедности не будет решена» [Ibid.].

На протяжении последних десятилетий принимающие страны ЕС испытывают много трудностей с интеграцией и помощью бывшим иммигрантам. Как это ни парадоксально, после переезда семьи в страну назначения часто наблюдается не интеграция, а обособление мигрантов. В Германии это относится, в частности, к иностранным рабочим из Турции [Siems 2016b]: «Когда семьи переезжают

и создают локальное сообщество, мужчины внезапно превращаются из современных мужчин в консервативных отцов семейства».

IV. Переосмысление национального самосознания

Между тем очевидно, что в странах – членах ЕС растет определенное анти-мигрантское движение. Не в последнюю очередь решающим моментом для его сторонников стал выход Великобритании из Евросоюза. Однако изменение отношения к проблеме миграции отмечается во всем мире: от избрания Д. Трампа в США, отказа Австралии принимать беженцев, незаконно прибывших морским путем, до запрещения представителям мусульманского меньшинства Мьянмы мигрировать в соседние государства (включая Бангладеш). Как сказал репортеру пожилой турецкий участник демонстрации против арабских и афганских беженцев из Греции в порту туристического города Дикили: «Я против беженцев, потому что моя жизнь на первом месте» [Video-Reportage 2016]. При таком положении дел стратегия, которую можно назвать возвращением к национальному государству, выглядит предпочтительной. Как ни странно, национальное государство, которое исторически обесценилось и ранее рассматривалось как устаревшая модель в рамках дискуссии о глобализации, в ближайшем будущем может сыграть важную роль. Это парадокс, поскольку именно национальные (в большинстве небольшие) государства не смогли урегулировать массовую миграцию и справиться с ней.

По сути, есть еще один аспект, о котором С. Хантингтон написал в своей замечательной статье в журнале *Foreign Affairs* [Huntington 1993]. Новая мировая парадигма *столкновения цивилизаций* является не просто конфронтацией культурных концепций в цивилизационном масштабе, но также переосмыслением, которое Хантингтон обозначил как *коренизацию* (*Indigenization*). По его мнению, это означает переориентацию норм и культурных ценностей, которая наблюдается в государствах, особенно тех, где отсутствовало ядро идентичности, в основном сформулированной в рамках *модерна*, то есть: «Глобализация, таким образом, является формой ре-коренизации» [см.: *Ibid.*; *Idem* 2002; Nitschke 2014]. *Возвращение к корням* – это призыв к действию для всех тех, кто чувствует, что глобализация заполнила все вокруг, а национальная элита не понимает или игнорирует их интересы. Очевидно, коренизация работает в качестве диалектического процесса внутри глобализации и ведет страны первого мира к тому, что отдельное государство, будучи социальной системой и системой благосостояния, должно будет защищаться всеми средствами от чужестранцев, въезжающих в страну. В настоящее время мы наблюдаем, что переориентация на национальную солидарность стала создавать напряженность для национальных систем социального обеспечения. Политические партии и объединения не могут ответить на вопрос, нужна ли нам обязательная всеобщая солидарность по правам человека, или ее можно развивать в рамках национального государства. Последнее предполагало бы также целенаправленную защиту системы социального обеспечения стран первого мира от массовой иммиграции из стран третьего мира. США – традиционная целевая страна для миграции, куда до сих пор приезжает большое количество мигрантов, в том числе незаконных. В американском обществе происходят определенные демографические изменения, которые влияют практически на все сферы и особенно – на предпочтения на выборах. Например, в 1980-е гг. латиноамериканцы составляли примерно 5 % американского населения, а уже к концу

первого десятилетия XXI в. их общая численность составила более 15 % [Kurth 2016: 36]! Соответственно, меняются основные направления национальной политики: в 2008 г. приблизительно 70 % латиноамериканцев проголосовали за Обаму [Ibid.: 42]. Это, несомненно, является одной из основных причин избрания Дональда Трампа. Чем больше социальные последствия мультикультурализма воспринимаются в странах первого мира как финансовое бремя, тем более острой становится проблема достижения согласия по вопросам социальной справедливости, особенно в государствах с развитой социальной системой. *Столкновение цивилизаций* уже больше не столкновение, оно превратилось в многочисленные социальные, экономические и в большей степени культурные противоречия, препятствующие национальной солидарности общества [см. также: Nitschke 2016].

Перенапряжение государства всеобщего благосостояния приводит, в свою очередь, к кризису легитимации национальной системы: появляется неразрешимый конфликт между всеобщностью (прав человека) и государственным суверенитетом. Так называемое популистское движение, усиливающееся во всех демократических странах, во многом схоже с неонацистскими формациями среднего класса (или его групп), чьи интересы игнорируются политической элитой. Когда международные неправительственные организации в целях пропаганды объявляют беженцев *новыми* людьми, которым разрешается ехать куда угодно и брать все что угодно на том основании, что они люди, то граждане государства, будучи налогоплательщиками, задаются вопросом: почему он (или она) должен поддерживать это? В конце концов, глобального равенства не существует [см. также: Cory 2013: 169 ff.].

V. Границы и открытые общества в Европе

Призыв к закрытию границ или блокированию миграции является логическим результатом гражданского сознания. В этой связи все экономические блага, производимые трудовым населением, должны управляться и распределяться в рамках национальных структур, а не мировой политики. К тому же ЕС не в состоянии реально обеспечить соответствующую организационную структуру на надгосударственном уровне, поскольку у него нет контроля над соответствующими функциями и институтами.

Возьмем, к примеру, безопасность внешних границ ЕС в Средиземноморье. Согласно оценке Федерики Могерини, Верховного представителя Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности, в одной только Ливии примерно 500 тыс. беженцев и мигрантов готовы в любую минуту пересечь Средиземное море на корабле или лодке [см.: Posener 2016: 3]. Могерини считает усилия европейской миссии «София» в Средиземном море успешными: за шесть месяцев были арестованы 60 нелегальных перевозчиков мигрантов и уничтожены 100 лодок для перевозки людей! Это похоже на шутку, поскольку получается примерно 10 нелегальных перевозчиков в месяц. При этом было спасено около 13 тыс. человек. «София» просто облегчает европейцам муки совести, но не более того. В условиях массовой миграции, которая рассматривается как угроза социальному балансу в странах – членах ЕС, «София» вряд ли является решением. В конце концов, сама Могерини заявляет: «Мы, европейцы, в конечном счете должны рассматривать массовую миграцию людей как феномен нашего времени. Мы не сможем остановить миграцию в Европу, но мы можем взять ее под контроль» [Ibid.]. Вопрос, однако, заключается в том, каким образом.

Является ли мультилатерализм ответом на этот вызов? Проблемы беженцев, или скорее проблемы миграции, настолько масштабны, что в одиночку национальные государства определенно не способны их решить. Государства – члены ЕС достигли соглашения о создании общей наднациональной концепции, и *Шенгенское соглашение*, регламенты *Дублин I, II и III* кажутся правильными шагами в этом направлении. Однако в недалеком прошлом мы наблюдали, что подобного рода соглашения не работают – или, точнее, работают до тех пор, пока не начинается массовая миграция, которая в ближайшие годы станет постоянной проблемой, поскольку многие люди, особенно в Африке южнее Сахары, считают Европу землей обетованной, *Утопией*. Таким образом, проблемы миграции требуют нового прагматичного подхода, который может быть реализован в рамках национальных государств. Однако необходимо четко различать риторику идеалистов о наднациональном сознании и реальные структуры и возможности отдельных государств – членов ЕС. Президент Совета по международным отношениям заявляет следующее [Haass 2016: 2]: «Политическая действительность такова, что большинство правительств не готово принять определенное число беженцев или конкретную долю от общего числа беженцев». ООН также абсолютно не оправдывает надежд, поскольку ограничивается риторическими дискуссиями [*Ibid.*]: «Мы слышим много разговоров в Нью-Йорке. Однако жестокая правда состоит в том, что существует только некоторая *общность интересов* на международном уровне. И пока это так, миллионы мужчин, женщин и детей будут подвергаться реальным опасностям и иметь мрачные перспективы на будущее».

Что же нужно сейчас предпринять? По сути, ЕС должен сформулировать единые требования относительно предоставления мигрантам права на убежище, и они должны применяться во всех странах ЕС. Впрочем, это означало бы, что Германии придется пересмотреть исторически сложившееся единственное положение Конституции ФРГ о праве убежища (статья 16а) и привести его в соответствие со стандартами Евросоюза. Регламент ЕС и Конституция Германии больше не отвечают современному пониманию, потому что были созданы в те времена, когда волну беженцев и иммигрантов не рассматривали в качестве рабочей силы, как сейчас. Также не стоит верить в то, что беженцы уедут на родину, когда закончится война, учитывая уровень жизни и огромные возможности потребления в странах первого мира.

Что же может сделать ЕС в сегодняшних условиях? Конечно, недостаточно того, что некоторые страны – члены ЕС, например страны «балканского маршрута», закрыли границы. По сути, для Евросоюза требуется стратегия на опережение. Необходимо защищать внешние границы и свои территории лучше, чем это делается сейчас. Просто увеличить численность пограничного агентства *Frontex* на две тысячи человек – недостаточно. Чтобы обеспечить безопасность внешних границ ЕС, потребуется в 100 раз больше сотрудников (если ЕС будет действовать как наднациональная система). Опережающая стратегия защиты от беспорядочной массовой иммиграции должна теперь рассматривать страны Ближнего и Среднего Востока по всему Средиземноморью. Это означает, что потребуется больше средств для разработки особой стратегии по обеспечению полицией безопасности всех стран – членов ЕС. К тому же следует заметить, что план, предложенный немецким министром Отто Шили (в его бытность министром внутренней безопасности в 2004 г.), на самом деле все еще может оказаться эффективным и гораздо более результативным, чем когда-либо. Согласно концепции Шили,

ЕС должен организовать в арабских странах Средиземноморья различные региональные приемные пункты для предполагаемых иммигрантов и политических беженцев [см.: Posener 2016]. Общеизвестно, что этот план не был реализован. С тех пор произошло много событий, однако адекватный подход для предотвращения миграции из африканских стран так и не был разработан. ЕС не проявлял никакой активности на протяжении 12 лет, из которых 11 приходится на время правления канцлера Меркель в Германии!

В настоящее время партия Ангелы Меркель пересматривает текущую политику, демонстрируя при этом полную беспомощность и невежество. *Африку можно спасти только в Африке*. Но при этом европейцы должны быть готовыми что-то сделать. Одной лишь благосклонностью и небольшой благотворительностью проблему не решить. Позволить людям просто приехать в Европу и тем самым подтолкнуть социальную систему к банкротству – также не выход из ситуации. Это еще раз подтверждает основной принцип глобализации: динамичные изменения в системе не будут ждать политиков, которые все еще ориентируются на вчерашний день, потому что *вчерашний день* на самом деле уже очень далеко в прошлом.

Литература

Corry O. Constructing a Global Polity. Theory, Discourse and Governance. Houndmills; New York, 2013.

Greive M., Kaiser T. So beeinflussen Flüchtlinge die Löhne // Die Welt. 2015. Oktober 7.

Haass R. N. UN Versagt in der Flüchtlingsfrage // Die Welt. 2016. August 19.

Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3. Pp. 22–49.

Huntington S. P. Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. 7. Aufl. München, 2002.

Kurth J. R. A History of Inherent Contradictions – The Origins and End of American Conservatism // American Conservatism / Ed. by S. V. Levinson, J. Parker, M. S. Williams. New York : Nomos, LVI, 2016. Pp. 13–54.

Nitschke P. Zivilisationskonflikte – Samuel P. Huntingtons “Clash of Civilizations” in der Retroperspektive // Der Prozess der Zivilisationen – 20 Jahre nach Huntington. Analysen für das 21. Jahrhundert. Berlin, 2014. S. 13–44.

Nitschke P. Die Diffusion der Zivilisationen // Wissenschaft und Frieden, 34. 2016. Jg. November. H. 4. S. 12–14.

Posener A. Gute Idee, aber zu spät // Die Welt. 2016. November 15. S. 3.

Seibel A. Sehnsucht nach Heimat // Die Welt 2016. Juli 4. S. 8.

Siems D. Flüchtlingswelle erreicht den Arbeitsmarkt // Die Welt. 2016a. Juli 1. S. 12.

Siems D. Wir brauchen strenge Regeln // Die Welt. 2016b. Juli 8. S. 8.

Sommerfeld F. Wirklich Arme fliehen selten nach Europa // Die Welt. 2016. Oktober 12. S. 7.

Stocker F. Einerseits, andererseits // Die Welt. 2016. August 27. S. 9.

Video-Reportage // Die Welt. 2016. April 3. URL: <http://www.welt.de/politik/ausland/article153942875/Ich-will-die-Fluechtlinge-nicht-mein-Leben-geht-vor.html>, loaded on 13th of April 2016.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.*

Воробьева О. Д., Алешковский И. А., Гребенюк А. А.**

В статье рассматривается эволюция процессов эмиграции из России на рубеже XX–XXI вв. На основе проведенного количественного и качественного анализа эмиграционных потоков из России за последние 25 лет авторами было выделено пять эмиграционных волн, отличающихся основными категориями выезжающих, а также миграционными каналами выезда. Проведенный авторами компаративный анализ данных Федеральной государственной службы статистики Российской Федерации об эмиграции из России и данных национальных статистических служб зарубежных государств об эмиграции из России выявил повсеместное существенное расхождение количественных характеристик миграционных потоков в сторону занижения интенсивности эмиграции российской статистикой.

Ключевые слова: международная миграция населения, эмиграция, эмиграция из России, миграционный поток, миграционные каналы.

The article considers the evolution of emigration processes from Russia at the turn of the XX–XXI centuries. Based on the quantitative and qualitative analysis of emigration streams from Russia in 1991–2016, the article reveals five emigration waves differing from each other by the main categories of people leaving the country and also by the migration channels of departure. The comparative analysis of data from the Federal State Statistics Service of the Russian Federation on emigration from Russia and data provided by national statistical services of foreign countries on emigration from Russia shows widespread significant discrepancy between the quantitative characteristics of migration flows as a result of underreporting of intensity of emigration by the Russian statistics.

Keywords: international migration of population, emigration, emigration from Russia, migration flow, migration channels.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Комитета гражданских инициатив.

** Воробьева Ольга Дмитриевна – д. э. н., профессор Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: 89166130069@mail.ru.

Алешковский Иван Андреевич – к. э. н., доцент, заместитель декана факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: aleshkovki@yandex.ru.

Гребенюк Александр Александрович – к. э. н., доцент, заместитель директора Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: gaa-mma@mail.ru.

Введение

Термином «эмиграция» (от латинского *emigro* – «выселяюсь») обозначают переезд граждан из своей страны в другую на постоянное местожительство или на определенный срок по различным причинам.

Как и любой вид миграции, эмиграция может быть как добровольной, так и вынужденной. Добровольная эмиграция означает, что в стране, которую покидает население, условия и/или перспективы жизни в той или иной степени хуже, чем в принимающей стране. Учитывая, что добровольная эмиграция не происходит по направлению от «лучшего» к «худшему», любая страна, сталкиваясь с процессом эмиграции, должна признавать, что условия или перспективы жизни людей на ее территории уступают тем, которые существуют в странах, куда устремляются ее граждане. В этой связи анализ процессов эмиграции из России может позволить выявить социальные, экономические, политические, экологические и прочие обстоятельства, которые не устраивают граждан страны и подталкивают их к эмиграции.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. трансформация социально-экономических и политических условий жизни способствовала резкой интенсификации межгосударственных миграций граждан бывшего СССР. За несколько лет Россия превратилась из закрытой страны в активного участника международных миграционных процессов, выступая одновременно как страна выезда, страна въезда и страна транзита мигрантов [Ионцев 1999; Ионцев, Алешковский 2008].

Активизация добровольной эмиграции из России началась одновременно с ослаблением режима выезда и контроля над процедурами оформления документов на выезд, то есть практически с конца 1980-х гг. Масштабы эмиграции заметно выросли с 1 января 1993 г., когда начала действовать либерализация въезда и выезда в СССР (дата вступления в действие Закона о въезде и выезде, принятого еще народными депутатами СССР). В статье 27 Конституции России 1993 г. также было закреплено право свободного выезда из Российской Федерации и право граждан на возвращение («Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию»).

Проведенные исследования процессов эмиграции из России [Алешковский 2011; Алешковский, Бочарова 2014; Ахизер 1999; Денисенко 2003; Ионцев 1999; 2001; Зайончковская 2001; Полян 2005; Ушкалов, Малаха 1999; Миграционные... 2014; Рязанцев, Гребенюк 2014 и др.] отражают, что процесс эмиграции из России в 1990–2000-е гг. не был статичен, эволюционировали его структура и интенсивность. Одни выталкивающие факторы ослабевали, им на смену приходили другие. Это снижало эмиграционные установки одних социальных групп и усиливало желание уехать других.

Подобные трансформации миграционных установок и каналов эмиграции сформировали несколько волн эмиграции из России в 1990–2000-е гг.

Так, первоначально эмиграция граждан бывшего Советского Союза была вызвана тяжелым экономическим и политическим кризисом в стране, сопровождавшим процессы реформирования и перестройки общественных и экономических отношений. С учетом того, что на первом этапе возможность эмиграции зависела во многом от действий и миграционной политики принимающей страны, первые

волны эмиграции носили в значительной степени этнический характер (эмигрировали в основном семьи этнических немцев, евреев и смешанные семьи), так как для законодательства принимающей страны этнические мотивы были наиболее предпочтительными. В результате основными странами назначения эмигрантов из России стали Израиль, Германия и США. Это, конечно, не означает, что данные направления были единственными для советско-российских эмигрантов, но миграционные потоки в эти страны в первой половине 1990-х гг. были самыми значительными.

В последующие годы эмиграционные настроения стали характерны в большей степени для групп населения России, которые использовали возможности свободного выезда из страны для поиска квалифицированной и более высокооплачиваемой работы, в целях более безопасного ведения бизнеса, проживания на постоянной основе в более комфортных и стабильных условиях. Расширились возможности для получения за рубежом образования молодежи. Каналы легализации в принимающих странах трансформировались по следующей траектории: беженцы, этнические мигранты, эмиграция ученых, трудоустройство, предпринимательство, эмиграция среднего класса, учебная миграция, воссоединение семей.

Масштабы эмиграционных процессов из России в 1990–2000-е гг.

За период с 1993 по 2016 г., по данным Росстата, Российскую Федерацию покинуло около 4,3 млн человек (см. табл. 1). Наибольшее количество пришлось на начало 1990-х гг. Так, в 1993 г. из страны эмигрировало около 500 тыс. человек. В дальнейшем численность выехавших постепенно снижалась, достигнув своего минимума, по данным Росстата, в 2009 г. – 32,5 тыс. человек. С 2010 г. вновь наблюдается устойчивый рост численности эмигрантов из России.

Таблица 1

Численность эмигрантов из Российской Федерации в 1993–2016 гг.

Год	Численность выбывших из Российской Федерации, чел.	Год	Численность выбывших из Российской Федерации, чел.
1993	493 119	2005	69 798
1994	345 623	2006	54 061
1995	347 338	2007	47 013
1996	291 642	2008	39 508
1997	232 987	2009	32 458
1998	213 377	2010	33 578
1999	214 963	2011	36 774
2000	145 720	2012	122 751
2001	121 166	2013	186 382
2002	106 685	2014	310 496
2003	94 018	2015	353 233
2004	79 795	2016	313 210

Источник: построено нами по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (<http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>).

Необходимо отметить, что проведенное нами сравнение данных зарубежных национальных и международных статистических организаций с данными Росста-

та обнаруживает существенное расхождение по всем странам количественных характеристик потоков из России в сторону занижения (недоучета) интенсивности процесса эмиграции российскими данными (табл. 2).

Таблица 2

**Сравнение данных российской и зарубежной статистики
об эмиграции из Российской Федерации**

	2012		2013		2014	
	Росстат	Зарубежная статистика	Росстат	Зарубежная статистика	Росстат	Зарубежная статистика
Германия	3781	20 714	3979	33 233	4780	23 352
США	1561	9969	1485	9753	1937	9079
Израиль	1104	3566	1090	4094	1139	4647
Австралия	220	1177	255	1399	308	1220
Испания	405	7820	403	8617	437	8286
Чехия	292	3201	281	3050	303	5862
Швейцария	125	2057	96	2145	166	1914
Канада	494	1960	536	2350	691	1780
Великобритания	242	4300	255	1300	399	3200
Япония	86	3829	134	2540	146	3047
Австрия	122	3438	141	3471	157	3139
Южная Корея	136	2723	474	2846	417	3,207
Польша	114	1871	133	1894	192	1113
Австрия	122	3438	141	3471	157	3139
Финляндия	572	3050	715	2875	1 016	3179

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), национальных статистических служб.

По ряду стран эти расхождения измеряются десятками раз. Приходится констатировать: из-за несовершенства системы миграционного учета значительная часть потока выезжающих из Российской Федерации не фиксируется Росстатом. Так, данные Росстата за 2014 г. об эмиграции из России в Израиль ниже данных израильского Министерства алии и абсорбции в 4 раза, об эмиграции в США – ниже данных американского Бюро переписей населения в 4,7 раза, об эмиграции в Германию – ниже данных немецкого Федерального статистического управления в 5 раз и т. д.

Таким образом, по нашему мнению, для получения реального представления о масштабах эмиграции из России данные Росстата необходимо корректировать в сторону увеличения в среднем в 3–4 раза. Однако данную коррекцию следует осуществлять не механически, а учитывая изменения в методике учета эмиграции

и в России, и принимающих странах. Так, например, в 2011 г. в РФ принципиально изменился подход к статистическому учету прибывших (в их число попали все лица, прибывшие и проживавшие на территории России более 9 месяцев, а не 12 месяцев, как это было до 2012 г.). В результате в 2012 г., по сравнению с 2011 г., существенно увеличилась численность как прибывших в Российскую Федерацию, так и выбывших из нее, увеличилась в несколько раз величина миграционного сальдо. Однако фактически в статистически увеличившемся миграционном потоке с 2012 г. отражена информация о большинстве трудовых мигрантов (страны «выхода» мигрантов и направления их выезда из России – это на три четверти страны СНГ, с которыми активного миграционного обмена, связанного со сменой постоянного места жительства, не происходит). Реальную эмиграцию эти данные как не отражали, так и не отражают до сих пор.

Проведенный нами анализ данных Росстата о географии и структуре эмиграционных потоков позволил выявить следующие особенности эмиграции из России:

- эмиграционный поток из России в развитые страны имеет высокие показатели человеческого капитала (высокий образовательный и профессиональный уровень, сравнительно молодой возрастной состав), то есть выезжает наиболее экономически сильная часть общества;

- отмечается расширение географии регионов выезда из России, рост показателей эмиграции в приграничных регионах, а также в субъектах, демонстрирующих высокие темпы экономического развития. Наименьшие показатели интенсивности эмиграции наблюдаются в депрессивных в социально-экономическом плане регионах РФ.

- основными причинами эмиграции, по данным Росстата, являются мотивы личного, семейного характера, по данным социологических обследований – неудовлетворенность перспективами роста материального благосостояния, социального статуса, личной и экономической безопасности.

Волны российской эмиграции в период 1990–2016 гг.

Проведенный анализ количественных и качественных показателей российской и зарубежной статистики об эмиграции из Российской Федерации позволяет сделать некоторые обобщения и составить периодизацию исследуемых процессов.

Мы предлагаем в качестве группировочного признака взять не масштабы и объемы эмиграционных процессов, которые, безусловно, изменялись на протяжении рассматриваемых лет, а качественные изменения в структуре и географии эмиграционных потоков и каналов, по которым легализуются иммигранты из России в странах своего нового проживания.

Проведенный нами анализ позволил выявить пять волн (этапов) новой российской эмиграции. Переход от одного этапа к другому был обусловлен как внутриволновыми изменениями общественно-политической и социально-экономической ситуации, так и изменениями в миграционном законодательстве принимающих стран.

I волна (1990–1994 гг.). Начало интенсивного развития процессов эмиграции пришлось на первую половину 1990-х гг. (рис. 1). Наибольшие шансы получить поддержку при переселении за рубеж были у этнических мигрантов, которые пе-

реселялись в рамках соответствующих программ приема, по каналам приема беженцев, а также у представителей интеллектуальной элиты – ученых, высококвалифицированных специалистов. Начавшееся реформирование политической и экономической системы в России привело к массовой безработице, активизировало процессы трудовой эмиграции. Условия, в которые попадали эмигранты первой постсоветской волны, были малознакомыми и несколько пугающими. Переселялись главным образом люди среднего достатка, для которых наличие программ поддержки имело существенное значение. Возрастной состав эмигрантов был представлен в основном людьми зрелого трудоспособного и старше трудоспособного возраста, обладающими высоким профессиональным уровнем, а также уникальными в своей области знаний учеными и специалистами. Доли мужчин и женщин в эмиграционном потоке в этот период были примерно равными.

Основные страны приема эмигрантов из России – Германия, Израиль и США. Так, в 1993 г. на эти три страны пришлось 94,2 % от числа эмигрантов из России в страны дальнего зарубежья, в 1994 г. – 94,4 %.

Рис. 1. Первая волна эмиграции из современной России

II волна. Во второй половине 1990-х гг. в поисках оплачиваемой работы россияне все чаще становятся временными трудовыми мигрантами, занимая самые разнообразные ниши (от неквалифицированных позиций до должностей, требующих высокого уровня образования и квалификации) на рынках труда развитых стран (рис. 2). В России продолжается этап первоначального накопления капитала, поэтому масштабной бизнес-эмиграции (вывоза солидных капиталов, которые позволили бы жить за рубежом в качестве рантье) не наблюдается. Россияне быстро осваивают коммерческие и предпринимательские направления деятельности. При этом за главой семьи не сразу едут остальные члены семьи с детьми. В этот период развивается учебная миграция, но в основном как более простая

ступенька для дальнейшей эмиграции и интеграции в новое принимающее сообщество. Брачная миграция, чаще женская, получает организованные формы и активно развивается. Сохраняется, хотя и в меньших масштабах, и формат получения статуса беженца.

Рис. 2. Вторая волна эмиграции из современной России

III волна (рис. 3). В начале 2000-х гг. существенным фактором эмиграции становится развитие интереса к экономическому партнерству с зарубежными странами. На этом этапе значительную роль играет бизнес-эмиграция из России (российские бизнесмены ориентируются на более спокойные и безопасные западные рынки для продолжения коммерческой и предпринимательской деятельности). Материально состоятельные социальные группы получают возможность приобретать недвижимость для постоянного или временного проживания. Отправление на учебу становится все более популярной формой выталкивания детей в более экономически и демократически развитые страны. После окончания обучения они, как правило, не возвращаются в Россию. В этот период усиливается отток молодежи, получившей хорошее техническое образование в России, но не сумевшей устроиться на хорошо оплачиваемую работу в государственных и частных корпорациях. Получает дальнейшее развитие брачная миграция. Расширяется внутренняя география российской эмиграции, шире вовлекаются жители всех регионов России. Так, среди выехавших в США значительно (с 30 до 9 %) сокращается доля москвичей и петербуржцев.

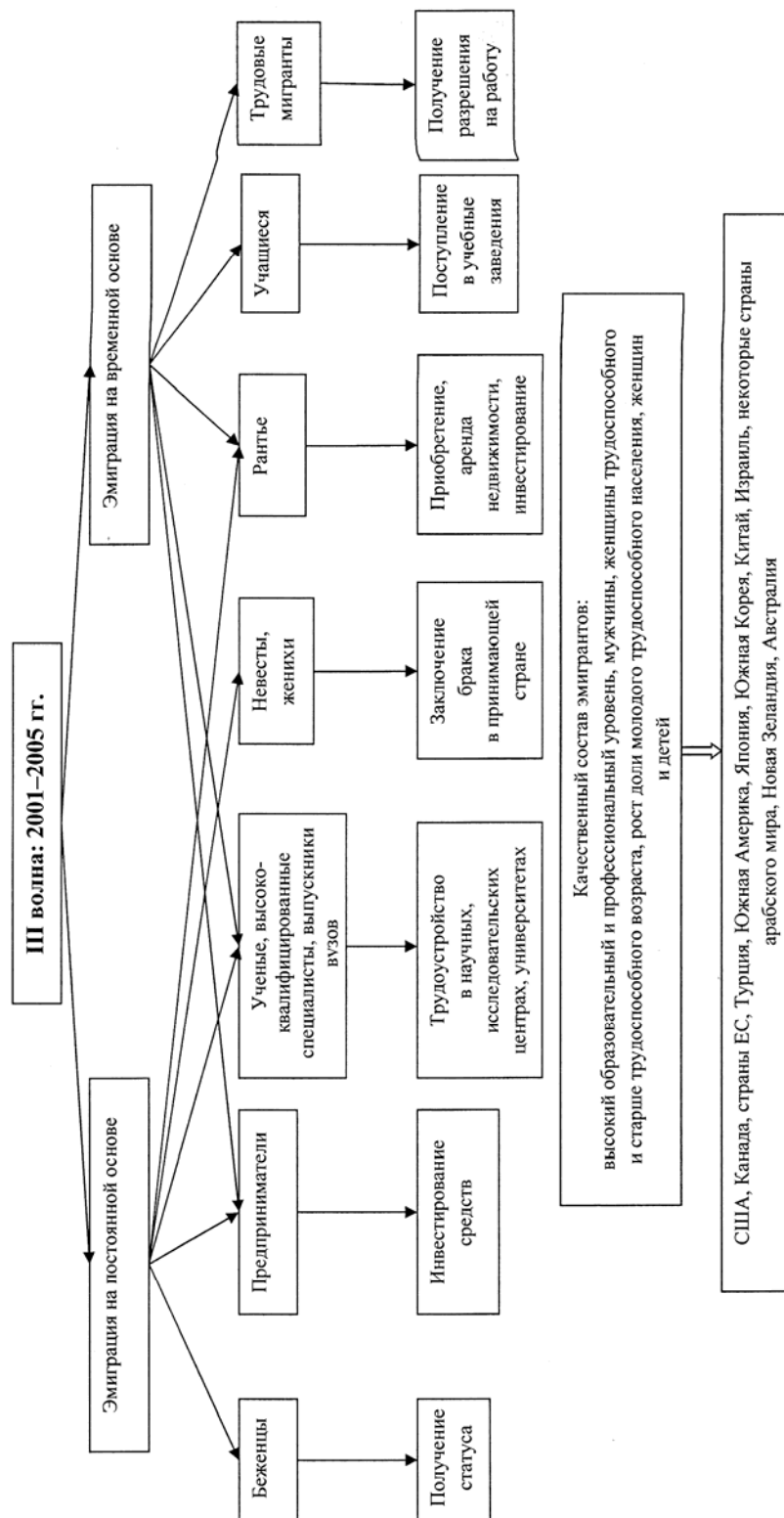

Рис. 3. Третья волна эмиграции из современной России

IV волна. На вторую половину 2000-х гг. (2006–2010 гг.) пришелся очередной экономический кризис. Всплеск безработицы и сокращение емкости внутреннего рынка товаров и услуг выталкивают российских предпринимателей за рубеж в поисках приложения своих капиталов и развития бизнеса. По мнению многих экспертов, в этот период они составили самую многочисленную группу эмигрантов. Остальные каналы отъезда и натурализации эмигрантов из России также продолжали активно работать, в том числе выезд на учебу, поиск рабочих мест для получивших образование (рис. 4).

Рис. 4. Четвертая волна эмиграции из современной России

На этом этапе российские диаспоры, благополучно обустроившиеся в основных странах приема российских эмигрантов, становятся своеобразным магнитом для своих близких и дальних родственников и знакомых, которые рассматривают варианты эмиграции.

Успешные практики трудоустройства, решения жилищной и различных социальных проблем, доступность социальных услуг наравне с коренным населением являются притягивающими факторами для потенциальных эмигрантов из России. Уровень материального благосостояния уезжающих повышается. Не случайно в число регионов с высоким оттоком населения попали субъекты с относительно благоприятными для России показателями социально-экономического развития. Среди рантье все чаще встречаются бывшие чиновники и их члены семьи, а также семьи политической, бюрократической, финансовой элит, которые предпочитают отечественной действительности спокойную, размеренную, уже обеспеченную жизнь в западных странах.

На этом этапе эмигранты «осваивают» более отдаленные страны и континенты. Состав эмигрантов из России на этом этапе помолодел, стал более адаптированным для восприятия условий и правил жизнедеятельности в принимающих странах, сократился языковой барьер. В свою очередь, эмиграция приобретает более угрожающий характер для демографического и социально-экономического развития России.

V волна. Наконец, последний этап эмиграции приходится на период с 2010 г. по настоящее время. Развитие эмиграционных процессов в этот период принципиально не отличается от предыдущего (рис. 5). Количество выходцев из России в различных зарубежных странах достигло такого уровня, что самым популярным для въезда и натурализации становится канал воссоединения семей. Новые уезжающие члены семей вчерашних эмигрантов – это представители всех социальных групп и прослоек российского общества: бизнесмены, учащиеся, рантье, ученые, специалисты. Высокие показатели выезда из приграничных регионов в эти годы усиливаются.

Рис. 5. Пятая волна эмиграции из современной России

На этом этапе возрастает уровень эмигрантских настроений в российском обществе, сдерживаемый ограничениями со стороны принимающих стран. Селективный подход, применяемый экономически развитыми странами, продолжает вымывать ценный человеческий капитал из России – образованную, энергичную, мотивированную на изменение качества работы и жизни молодежь (до 30–35 лет). Эту возрастную и социальную группу населения, по данным социологических опросов, не только не устраивает существующее положение дел в экономике, со-

циальной сфере, но она и не ощущает в окружающей российской действительности признаков, которые могут изменить ситуацию в стране в лучшую сторону. Тот факт, что в число регионов с высоким оттоком населения попадают главным образом субъекты с наиболее благоприятными показателями социально-экономического развития, говорит об исчерпании возможностей повышения качества жизни внутри страны.

Выводы

Проведенный нами количественный и качественный анализ эмиграционных потоков из России за последние 25 лет позволил сделать следующие выводы о процессе эмиграции из России.

Во-первых, для России эмиграция приобретает все более опасный характер: потеря ее демографического, социально-экономического и интеллектуального потенциала.

Во-вторых, каналы выезда в 1990–2000-е гг. трансформировались по следующей траектории: беженцы, этнические мигранты, эмиграция ученых, трудоустройство, предпринимательство, эмиграция среднего класса, учебная миграция, воссоединение семей.

В-третьих, общей характеристикой для всего периода эмиграции являются высокие качественные характеристики эмигрантов (уровень образования, квалификация, профессиональные навыки, материальный достаток), а также относительно молодой возрастной состав.

В-четвертых, в последнее десятилетие изменился характер эмиграции из России. Она приобрела в большей степени «экономический» уклон, связанный в том числе с различиями уровня и качества жизни в России и в ряде принимающих стран.

Литература

Алешковский И. А. Тенденции международной миграции населения в современной России в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1. С. 159–181.

Алешковский И. А., Бочарова З. С. Россия в глобальных миграционных потоках: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 27 «Глобалистика и геополитика». 2014. № 3–4. С. 3–24.

Ахизер А. С. Эмиграция как индикатор состояния Российского общества // Мир России. 1999. № 4. С. 163–175.

Денисенко М. Б. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Мир России. 2003. № 3. С. 157–169.

Зайончковская Ж. А. Эмиграция в дальнее зарубежье // Демоскоп Weekly. 2001. № 27–28. 30 июля – 12 августа.

Ионцев В. А. Международная миграция: теория и история изучения. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 3. М.: Диалог-МГУ, 1999.

Ионцев В. А., Алешковский И. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. 2008. № 2. С. 77–87.

Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Огороков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М. : Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.

Миграционные процессы в России / под ред. В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского. М. : Экон-информ, 2014.

Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX в. покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер, П. Поляна. М. : ОГИ, 2005. С. 493–519.

Рязанцев С. В., Гребенюк А. А. «Наши» за границей. Русские, россияне, русско-говорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. М. : ИСПИ РАН, 2014.

Ушкалов И. Г., Малаха И. А. «Утечка умов»: масштабы, причины, последствия. М. : Эдиториал УРСС, 1999.

ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ МИР И ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Береговая О. А., Кудашов В. И.*

В статье на основе анализа факторов глобализации (экономико-технологического, политического, культурного) рассматриваются основные векторы трансформации высшего образования. Подчеркиваются противоречия процесса глобализации и выявляются новые становящиеся тенденции высшего образования. Авторы приходят к выводу, что данные изменения в глобальной системе образования требуют не только всестороннего и глубокого их изучения, но и поиска образовательной стратегии, имеющей признаки опережающего будущего развития.

Ключевые слова: глобализация, глобализирующийся мир, трансформация, высшее образование, транснационализация, гибридизация, интеграция, интернационализация.

The article analyses factors of globalization (economic and technological, political, cultural) and their influence on higher education and its transformation directions. The contradictions of the globalization process and the becoming identified new trends in higher education are highlighted. The authors come to the conclusion that not only the comprehensive and in-depth study is required but the wide search of priority educational strategies for future development is relevant.

Keywords: globalization, the globalizing world, transformation, higher education, transnationalization, hybridization, integration, internationalization.

Современный контекст развития высшего образования – глобализирующийся мир. Понятие «глобальный» буквально означает – охватывающий территорию и население всего земного шара. Синонимами слова «глобальный» являются понятия «всеобщий», «мировой», «общечеловеческий», «общецивилизационный». Глобальные изменения мира подразумевают, что они касаются каждого жителя планеты. «Глобальность» означает всеобщность, имеющую признаки всеохватности, универсальности, общности. В частности, М. А. Чешков отмечает, «что термин “глобальность” означает широкую совокупность процессов и структур, которую можно выразить как процесс взаимозависимости, взаимопроникновения и взаимообусловленности самых разнообразных компонентов мирового сообщества. Иначе говоря, в современном мире создается единое целое, где любое локальное событие определяется событиями в других фокусах, и наоборот. Эти процессы и выступают как “феномен глобальности и глобализации”» [Чешков 1998: 6].

* Береговая Оксана Александровна – к. ф. н., доцент кафедры международных отношений и международного сотрудничества Сибирского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: zaroza@mail.ru.

Кудашов Вячеслав Иванович – д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой философии Сибирского федерального университета. E-mail: kudashov@mail.ru.

Глобальность современного мира означает, что страны не могут отгородиться друг от друга, поэтому все, что происходит в нем, касается всех. Глобализацию можно понимать как процесс сближения, усиления взаимосвязи, взаимозависимости, единости и открытости современного мира и в то же время раздробленности, локальности. Под ее действие попадают социальные системы, институты и связи, что говорит о непосредственном влиянии данного процесса на высшее образование, так как оно в большей степени, чем другие виды образования, интегрировано в систему мирохозяйственных, политических и культурных связей. Кроме того, высшее образование – это фундаментальная основа общества, определяющая уровень его активности и конкурентоспособности. Сегодня открытость систем образования позволяет им воздействовать друг на друга, сближаться друг с другом, а происходящие в них изменения на местном, локальном (региональном, национальном) уровне могут отражаться на глобальном.

Высшее образование как социокультурное явление в мировом масштабе в условиях глобализации находится на переломном этапе своего развития. Современный кризис образования связан с общечеловеческим кризисом современности вообще. Его черты определяются следующими тенденциями: обострение общезначимых проблем, носящих глобальный характер, решение которых требует смены техногенного идеала преобразующего воздействия на природу и социум; смена типов передачи социального и культурного опыта между поколениями и проблема преодоления разрыва между ними; смена установки на изучение действительности – переход от научного ее познания к общекультурному (постижение реальности с помощью обыденного, художественного, мифологического, религиозного и других способов познания); смена парадигм науки; развитие информационных технологий и становление единого информационного пространства; глобальное и региональное взаимодействие потоков знаний, людей, идей. В докладе Ж. Делора «Образование – сокровище» еще в 1996 г. было выявлено семь противоречий, «ставших следствием изменений технологического, экономического и социального характера: противоречия между глобальным и местным, всеобщим и частным, традициями и современностью, духовным и материальным, долгосрочными и конъюнктурными соображениями, необходимостью конкуренции и идеалом равенства возможностей, ростом объема знаний и нашей способностью их усвоить» [Доклад... 2015: 20–21]. Как следует из перечисленного, современный кризис образования носит не только глобальный, но и системный характер, «то есть затрагивает не отдельные стороны, а всю архитектуру мирового устройства, все аспекты материальной и духовной культуры мирового развития, когда глобализация никому не оставляет шансов наблюдать со стороны за происходящими событиями» [Чумаков 2015: 57].

На современном этапе развития глобализация носит всеобъемлющий характер, распространяется на все стороны человеческой деятельности, затрагивает все сферы и проблемы общественного и индивидуального бытия на глобальном, региональном, национальном уровнях, в том числе и образование. Образование как системный феномен включено в широкий комплекс связей и взаимоотношений, поэтому под влиянием глобализации становится глобализирующимся, то есть приобретающим совершенно неповторимые черты. Вне данного контекста невозможно понять глубинные основания современных тенденций в данной сфере, когда стоит задача сохранения культурной и цивилизационной специфики систем

образования в новом формате глоболизирующегося постиндустриального и информационного общества, а также в связи с «содержательно-качественными изменениями, отображающими глобальный характер эволюции современного человечества и осознание им своего места в мироздании» [Ильин, Урсул 2010: 10].

Глобализация образования – это «всеобщее изменение порядка распределения знаний через образовательные институты, при которых постепенно складывается обучающееся общество» [Ключарев 2003: 197]. Как справедливо полагает М. Д. Щелкунов, «глобализация образования – процесс все большего приспособления системы обучения к запросам глобальной рыночной экономики» [Щелкунов 2008: 95]. Данная точка зрения может быть дополнена мнением В. К. Левашова: «Экономические, технологические, политические, социальные и культурные факторы глобализации обладают системным свойством синхронизировать и умножать свое действие в пространстве и времени, и в зависимости от сложения сил может быть достигнут синергетический креативный или разрушительный эффект» [Левашов 2013: 73]. Таким образом, образование в условиях глобализации оказывается под действием факторов глобализации (*экономико-технологического, политического, культурного*), претерпевая «революционные» изменения. Происходит его системная трансформация, то есть процесс таких (целенаправленных и стихийных) изменений за счет влияния на него глоболизирующих факторов, которые заставляют его приобретать неповторимые черты.

Действие указанных факторов носит системный и противоречивый характер. Во-первых, влияние данных факторов формирует как общие (глобальные, общие) тенденции, так и специфичные (локальные) тенденции высшего образования. Во-вторых, глобализация несет универсализм, унификацию, в противовес которым проявляется партикуляризм. В-третьих, действие указанных факторов дает одновременно как интеграционный, так и дезинтеграционный эффекты. В результате данных процессов образование трансформируется в новые формы.

Экономико-технологический фактор признается сегодня одним из ведущих. Происходит трансформация экономик от замкнутого типа к открытым формам, создается единое экономическое пространство, позволяющее капиталам, рабочей силе свободно пересекать границы. Равновесие в экономике поддерживается транснациональными финансово-экономическими и торговыми структурами типа Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации, Всемирного банка и т. д. Формируется контекст международного образования. Как результат этого процесса образование в значительной мере стандартизируется, приобретая трансграничные и транскультурные характеристики. Приставка «транс» означает в переводе с английского языка «за», «через», «по другую сторону», «изменение». «Транснациональный» буквально можно объяснить как находящийся за пределами национального. Появились новые разновидности международного контекста высшего образования – «трансграничное» («cross-border»), «транснациональное» («transnational»), «офшорное» («offshore»), «образование без границ» («borderless») и т. п. Данные термины имеют сходство, но можно отметить и отличия.

«Образование без границ» указывает на размывание и исчезновение не только географических границ, но и границ во времени, дисциплин и концепций. Термины «транснациональное» и «офшорное» подчеркивают местоположение обучающегося (что в корне отличается от местоположения образовательного учреждения

(университета, института, предоставляющего образование), не акцентируя внимание на системе образования отдельного государства или национальном характере образования. Понятие «трансграничное» подчеркивает национальные (государственные) границы системы образования, имеющие важное значение, когда дело доходит до функций регулирования, таких как обеспечение качества, финансирования и аккредитации [Knight 2005: 3–5].

Наиболее часто в литературе можно встретить понятия «трансграничное» и «транснациональное» как характеристики глобализирующегося образования. Согласно первому понятию, значение придается национальной государственной политике в области образования и ее правовой основе. Также термин «трансграничное образование» официально принят ЮНЕСКО с 2005 г. и отражается в руководящих принципах обеспечения качества в трансграничном образовании и региональных конвенциях ЮНЕСКО о признании квалификаций, таких как Лиссабонская конвенция. Термин «транснациональное образование», как уже отмечалось, отражает тенденции высшего образования, связанные с движением программ образования и их провайдеров, тем самым отличаясь от международного образования, которое предполагает движение обучающихся¹. Таким образом, транснациональное образование означает «все виды программ высшего образования, комплексы образовательных курсов, или образовательные услуги (включая услуги дистанционного образования), при которых обучающиеся находятся в стране, отличной от той, в которой базируются образовательные учреждения» [Галичин 2015: 5]. Исследователи насчитывают около 20 понятий видов деятельности, которыми можно охарактеризовать транснациональное образование, – «совместные», «двойные», «множественные», «комплексные», «параллельные», «общие» и другие программы обучения. Но наиболее часто используются такие понятия, как «совместные программы или программы двойных дипломов», «дистанционные программы». «Отличительной чертой транснационального образования является то, что такие образовательные программы и услуги могут не принадлежать к национальной образовательной системе, отличной от образовательной системы страны, в которой подобные программы и услуги предлагаются, и даже вовсе быть независимыми от какой-либо национальной образовательной системы» [Там же: 6]. Таким образом, на уровне реализации совместных программ происходит взаимопроникновение образовательных систем в формирующемся контексте трансграничного и транснационального образования с помощью франчайзинга, валидации или аккредитации зарубежных университетов, программ совместных дипломов, корпоративных университетов, международных институтов, а также зарубежных филиалов образовательных учреждений и дистанционного обучения. Если говорить о мировых тенденциях высшего образования, то спрос на него, по прогнозам, вырастет еще больше, от 97 млн студентов в 2000 г. до 263 млн студентов в 2025 г. По меньшей мере 7 млн из них будут студентами, обучающимися за пределами своих стран, многие с помощью дистанционного обучения [Доклад... 2015: 67]. По данным ЮНЕСКО, количество учащих-

¹ Транснациональное образование означает образование, получаемое в одной стране в рамках вуза другой страны. Оно поставляется, как правило, частными провайдерами в нескольких формах: франчайзинг (franchise), создание кампусов (branch campus), офшорных и международных институтов, объединение программ, дистанционное обучение посредством сети Интернет (образование в режиме online), обучение в корпорациях.

ся, способных учиться в любой части мира, значительно возросло за первое десятилетие XXI в. и, вероятно, будет расти и далее.

Образование вынуждено все более приспосабливаться к запросам рыночной экономики так, что меняются его приоритеты, направленные на инновацию, узкую специализацию и профессионализацию. Основная цель рыночной экономики – получение прибыли и расширение рынков сбыта и сфер влияния. Данные цели становятся актуальными и для образования. Наиболее ярко точку зрения по данному вопросу выразили А. А. Поляков и И. И. Савчук, заявив о том, что «глобализация – это конвергенция, вращение, в мировую систему экономических связей и отношений, с последовательным подчинением принципов функционирования учреждений высшего образования принципам создания и интенсификации транснациональных связей и пространств, основанных на конкурентных взаимоотношениях и ведущих к интеграции образовательных систем различных стран [Поляков, Савчук 2007: 5]. Образование становится подчиненным логике маркетинга (рынка), что связано со стремительным развитием науки и техники, ростом знания в развитых странах, востребованностью высококвалифицированных кадров, их мобильностью, возникновением явления экономики знаний. Формируется транснациональный рынок образовательных услуг, который представляет собой «систему отношений между производителями, поставщиками и потребителями образовательных услуг, предоставляемых гражданам за пределами их стран, а также иностранными учреждениями на внутренних рынках, в том числе с использованием информационных и сетевых технологий» [Галичин 2015: 7]. Основным сегментом составляют программы высшего образования. В связи с этим растут объемы международных образовательных услуг, расширяется их масштаб, происходят интернационализация высшего образования и развитие трансграничного образования, активизация университетов как финансово-хозяйственных единиц, изменение государственной экспортно-импортной политики, формирование региональных рынков услуг в сфере образования, создание образовательных кластеров, «ареалов». Началось общемировое движение в направлении открытого образования при широком развитии и доступности онлайн-университетских курсов MOOCS (*Massive open online course* – англ.) – массового открытого онлайн-ресурса, образовательной технологии, позволяющей обучаться любому желающему, одной из форм дистанционного образования, предлагаемой новыми глобальными университетскими консорциумами.

Трансформация высшего образования в результате действия *политического* фактора связана с областью образовательной политики, осуществляемой на международном, национально-государственном, региональном уровнях. Проблемы во внутренней и внешней политике стран стали напрямую влиять на образование. Происходящий в рамках образовательной политики процесс интеграции и интернационализации образовательных систем способствует взаимопроникновению культур, обмену информацией и опытом, научной и академической мобильности, ведет к возможности использования и овладения разнообразными педагогическими концепциями и методиками, взаимному признанию дипломов. С другой стороны, глобализации присуща такая универсализация, что зачастую ведет к дестабилизации национально-государственных образовательных систем. С точки зрения политического аспекта У. Бек развивает идею о том, что современная глобализация – это наднационализация, влияющая на самоидентификацию гомогенного,

закрытого, замыкающегося на себя национально-государственного пространства [Бек 2001].

Экстраполируя данное положение на сферу образования, можно говорить о возникновении в настоящее время наднациональных, как правило, нерегулируемых структур высшего образования наряду с традиционными, национальными, регулируемыми государствами системами. Примерами таких систем являются Болонское соглашение, подписанное европейскими странами в 1999 г., или начавшаяся реализация странами ЕЭК ООН Стратегии образования в интересах устойчивого развития, которые уже начинают объединяться в единый регионально-глобальный образовательный процесс. Несмотря на настойчиво провозглашаемую участниками Болонского соглашения интернационализацию систем высшего образования², наблюдается явление *наднационализации* образования, что приводит к сближению и обезличиванию национальных систем образования на основе унификации, единой стандартизации, институциональной гомогенизации, центрированности организационных структур.

Политическая глобализация образования, по сути, становится отражением геополитической картины мира. «В условиях глобализации высшее образование вышло за национальные границы и стало важным инструментом международного влияния и значительным сектором международного бизнеса» [Кудашов 2012: 79]. В силу разных политических решений в противовес процессам глобализации разворачиваются процессы регионализации и интеграции образовательных систем. Примером геополитического «симбиоза» служит «выстраивание такого интегративного образовательного пространства в рамках Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР), через проект которого фактически осуществляются взаимодействие, состязательность и конкуренция национальных систем высшего профессионального образования России, Финляндии, Норвегии, Швеции» [Рыжкова 2013: 8]. Созданные транснациональные региональные объединения стран (ШОС, БРИКС) совместно участвуют в решении международных вопросов, в том числе и в области образования. Так, образование становится одним из *инструментов и ресурсов геополитики*. С ним напрямую связана национальная безопасность страны. «Национальная безопасность или безопасность нации есть защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающая устойчивое поступательное развитие страны» [Камашев и др. 2007: 132]. Интенсификация взаимодействия систем образования ведет как к позитивным, так и к негативным последствиям, а в некоторых случаях может угрожать интересам государства и общества. «Образование воздействует на все без исключения уровни национальной безопасности. Экономическая, военная безопасность, да и другие составляющие национальной безопасности современного государства немислимы без квалифицированных кадров, поскольку технологическая безопасность невозможна без тех же кадров и научных разработок» [Там же]. Указанные обстоятельства выводят также на понимание образования как *стратегического ресурса* страны, региона в целом, всего человечества в условиях глобализации. Образование обретает такие характеристики («воспроизводимость; кумулятивность; спо-

² Интернационализация образования – процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение.

соб создания резервов общества для освоения новых сфер деятельности (в том числе и профессиональной); выполнение функций гаранта обеспечения социальной стабильности современного общества; превращение в единственный институт современного общества») [Музыкантский 2008: 67–68], что делает его способным взять ответственность за происходящее «путем гармонизации “объясняющего” и “понимающего” знания наделение человека системой идеалов и ценностей, которые позволяют ему ориентироваться в сложностях современного мира» [Там же].

Культурный фактор глобализации можно рассмотреть через понятие глобальной культуры в его взаимосвязи с образованием. Выделим три точки зрения. Первая представлена в концепции П. Бергера и С. Хантингтона. В ней глобальная культура по своему генезису является американской, но парадоксально, что она не связана с историей США, а является плодом «эллинистической стадии развития англо-американской цивилизации» [Многолика... 2004: 7]. Авторы доказывают, что американская культура – преобладающая тенденция, которая в будущем станет проявляться еще больше. Главным фактором распространения данного вида культуры они выделяют английский язык. Транснационализация образования ведет к тому, что обучение и преподавание ведутся на английском языке, а это может считаться его открытой экспансией на национально-государственные образовательные системы. Так, в Южной Корее 30 % образовательных программ ведутся на английском языке [Галичин 2015: 16–17]. Данная тенденция вызывает беспокойство, так как язык – важный компонент культуры, один из ее социокодов, несет важную нагрузку на культуру – когнитивную, нормативную и эмоциональную.

Глобальная культура представлена П. Бергером и С. Хантингтоном как элитарная и массовая. «Элитный сектор» глобальной культуры представлен западными интеллектуалами, западной интеллигенцией, которая создает глобальную культуру, основанную на учениях о правах человека, феминизме, мультикультурализме, космополитизме, протекции окружающей среды, а главными носителями глобальной культуры являются американцы. «Но центры первой культуры не располагаются в наше время исключительно на Западе. Есть и такие мощные центры, как Токио, Гонконг и Сингапур. Шанхай и Бомбей, вероятно, вскоре дополнят этот список» [Многолика... 2004: 12]. Акторами распространения данных идей выступают академические структуры, фонды, неправительственные организации, некоторые правительственные и межправительственные учреждения. Такая элита ищет рынки сбыта по всему миру, но это не вещественный капитал, а человеческий, социальный и духовный, который должен, по их мнению, воспринять идеологию Запада. Авторы необоснованно считают, что данные идеи и учения должны стать нормативными стандартами для культуры всего человечества. Характеризуя массовую культуру, они, по сути, навязывают идею евангелического протестантизма, называя ее «религией избранных, призванную изменить образ мира и идентичность человечества» [Там же]. Необоснованным является и тезис о «сильных» и «слабых» культурах. Процесс глобализации они трактуют через динамику развития глобальной культуры (иногда ставя знак равенства между ней и модернизацией), выделяя ее стадии – «гибридизацию», «альтернативную глобализацию», «субглобализацию» [Там же: 18]. Первый термин представлен как синтез западных и местных культурных особенностей в бизнесе, образе жизни, экономической деятельности, второй термин – «глобальные культурные дви-

жения, возникающие за пределами Запада и оказывающие на него сильное влияние» [Многолика... 2004: 19], третий – «движения, имеющие скорее региональный, чем глобальный размах, но тем не менее способствующие сближению обществ, с которыми они сталкиваются вместе с зарождающейся глобальной культурой» [Там же].

Вторая концепция А. Аппадурай и Э. Смита представляет собой скорее идеологические модели и конструкты, производные от экономической и политической сферы. В качестве примера Э. Смит предлагает европейско-американскую идеологию транснационализации человеческой культуры, деполитизированной и не ограниченной историческим континуумом конкретных обществ [Smith 1990]. Создаваемая глобальная культура – искусственный конструкт, обладающий такими качествами, как эклектичность, универсальность, безвременность, техничность. Она намеренно создается в целях глобализирующегося общества. Э. Смит опровергает миф об историчности феномена глобальной культуры. Для А. Аппадурай глобализирующийся мир – это мир потоков этнокультур, образов, социокультурных сценариев, финансов, технологий, политических доктрин, идеологий [Appadurai 1996]. Пространство глобальной культуры он называет «скейп» (*scape* в переводе с английского – ландшафт) – ускользящее неустойчивое пространство «культурных полей», комбинаций образов и идентичностей, идеологий без временных и территориальных границ. Что касается образования, то уже существует понятие *образовательного ландшафта*, то есть образовательного пространства, основанного на разнородных компонентах, не привязанного к территории, не знающего государственных границ, не связанного историческими рамками прошлого, настоящего или будущего. Это постоянно движущаяся, ускользящая структура, неоднородная по своему составу. Наиболее близки к пониманию образовательного ландшафта дистанционные и сетевые структуры обучения, альтернативные формы обучения, неформальное образование.

Третий подход ярко выражен в отечественной литературе: культурная глобализация отождествляется с ее унификацией по западному образцу. В работах А. Г. Дугина [2007], В. Л. Иноземцева [2004], А. С. Панарина [2003] и др. отстаивается точка зрения о глобальной экспансии западной культуры, западных стандартов норм поведения, ценностей, образования и жизненных установок. В. Л. Иноземцев настаивает на понимании глобализации как вестернизации и американизации [Иноземцев 2004]. Суть данной точки зрения в том, что западная (становящаяся глобальной) культура разрушает национальные культуры, прививая преимущественно общечеловеческие ценности, порождает негативные явления утраты ценностей этнических, национальных.

Наряду с культурной глобализацией образования по типу унификации или *универсализации* разворачиваются обратные процессы *партикуляризации* на уровне локальных культур и цивилизаций – локализации (индигенизация, гибридизация образования). Индигенизация в буквальном смысле означает «отуземливание». Однако применительно к образованию оно означает возвращение в его содержание и принципах подхода к нему к культурным истокам, обретение себя через традиции предков в процессе образования. Индигенизация может быть также определена как ответная защитная реакция общества (культурно-цивилизационной системы) перед явлением модернизации, как социальный страх потери идентичности. Данное явление описано С. Хантингтоном в работе «Столкновение

цивилизаций» [Хантингтон 2003] в качестве дифференциации культур в результате их столкновения.

Понятие «гибридизация» пришло из биологии, где оно буквально означает создание гибрида, то есть «организма или клетки, полученных с помощью скрещивания генетически различающихся форм» [Гибридизация]. С точки зрения социальной и культурной гибридизации образование принимает форму сочетания (синтеза) различных форм – традиционных и модернизационных (инновационных), западных и незападных. Социокультурная гибридизация – это процесс заимствования идей, форм правления, социальных институтов у другого общества и перенос их на почву данного общества. Он может быть целенаправленным или стихийным. Однако не всякая гибридизация идет на пользу гибридизируемой системе (А. Тойнби). Ее разрушительные результаты должны быть заранее просчитаны и минимизированы умелой политикой. Традиционализация – процесс становления традиции, «возникновение и институционализация традиций, других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями их инновационных действий» [Лапин 2000: 3]. В связи с образованием традиционализация представляет собой внедрение в его содержание ценностей, норм и правил поведения на основе традиционной культуры. Системы образования (национальные, региональные) попадают в ситуацию потери самобытности, своеобразия, происходит перемещение их на «периферию» общественной жизни, размывание культурно-образовательных форм.

Образование как социокультурное явление в мировом масштабе в условиях глобализирующегося мира находится на переломном этапе своего развития, трансформируясь в новые формы, приобретая новые черты. Новое в глобальной системе образования диктует необходимость осознания коллективной ответственности философов, политиков и педагогов за выработку мировоззрения будущих поколений, поиск стратегии образования, не только адекватной «воспроизводимому прошлому» и изменяющемуся «настоящему» социуму, но и имеющей признаки опережающего будущего развития.

Литература

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Галичин В. А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2015.

Гибридизация: Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/14519/> (дата обращения: 31.05.2017).

Доклад ЮНЕСКО «Переосмысливая образование». М., 2015.

Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб. : Амфора, 2007.

Ильин И. В., Урсул А. Д. Эволюционный подход к глобальным исследованиям и образованию: теоретико-методологические проблемы // Век глобализации. 2010. № 1. С. 3–17.

Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58–69.

Камашев С. В., Михалина О. А., Наливайко Н. В. Актуальные проблемы безопасности отечественной системы образования. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007.

Ключарев Г. А. Глобализация образования // Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003.

Кудашов В. И. Стратегии и сценарии развития высшего образования в условиях глобализации // Философия образования. 2012. № 6(45). С. 78–82.

Лапин Н. И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций [Электронный ресурс] : Мир России. 2000. № 3. С. 3–47. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/363/008/1220/2000_n3_p3-47.pdf (дата обращения: 12.05.2017).

Левашов В. К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. М. : ЦСПиМ, 2013.

Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004.

Музыкантский А. И. Образование как стратегический ресурс общества // Вестник Московского университета. Серия 20 «Педагогическое образование». 2008. № 1. С. 59–68.

Панарин А. С. Искушение глобализмом. М. : Эксмо, 2003.

Поляков А. А., Савчук И. И. Бизнес-моделирование. М. : АРИОН, 2007.

Рыжкова И. В. Образование как геополитический ресурс в пространстве Баренцева Евро-Арктического региона // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 2(77). С. 8–12.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Чешков М. А. Глобальное видение и новая наука. М. : ИМЭМО РАН, 1998.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационное измерение глобального мира // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2015. Т. 4. С. 56–61.

Щелкунов М. Д. Образование в эпоху глобализации // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 2. С. 95–100.

Appadurai A. Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996.

Knight J. Borderless, Offshore, Transnational and Cross-border Education: Definition and Data Dilemmas. London : The Observatory on Borderless Higher Education, 2005.

Smith A. D. Towards a Global Culture? // Global Culture. Nationalism, Globalization, Modernity / ed. by M. Featherstone. London, 1990. Pp. 171–192.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ ВО ФРАНЦИИ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СТАВКИ

Ро С., Пастор Т.*

Статья посвящена современным событиям, связанным с избранием Э. Макрона президентом Франции и его политикой в отношении энергетической программы страны. Рассматриваются различные варианты энергетического развития Франции в контексте мировой энергетической проблемы. Подчеркивается особое внимание, которое новый французский президент уделяет экологически чистым источникам энергии.

Ключевые слова: выборы, политика, энергия, ресурсы, экология, окружающая среда.

The article is devoted to modern events connected with the election of E. Macron as the new president of France and his policy regarding the country's energy program. The article considers various options for the development of the events of France's energy development in the context of the world energy problem. Specifically highlighted is the special attention that the new president of France pays to clean energy sources.

Keywords: elections, politics, energy, resources, ecology, environment.

7 мая 2017 г. во Франции был избран новый президент. Кандидат от партии «En marche!» выиграл выборы, обойдя своего оппонента от «Национального фронта» Марин Ле Пен с достаточно весомым отрывом в голосах, став самым молодым избранным президентом Французской Республики в истории. Господин Макрон совершил стремительный политический подъем: сначала занимал престижные министерские должности, потом решил отойти от действующей политической силы и в 2016 г. создал свое движение, которое и привело его к триумфу в настоящее время. Будучи министром экономики, промышленности и цифровых технологий, Эммануэль Макрон не стеснялся выражать свое собственное видение и мнение, даже если его не поддерживали в правительстве, от имени которого он выступал в период между 2014 и 2016 гг. Его молодой возраст, его идеи, динамизм и политическое «провидение» способствовали подъему Э. Макрона на вершину французского государства. Он сумел объединить электорат, открыто выражая скептицизм по отношению к левым и правым политическим партиям, традиционно доминирующим во Франции, решив не придерживаться ни одного течения. Это была рискованная игра, поскольку французский электорат традиционно

* Ро Стефан – юрист, известный специалист международного права, руководитель «R & B Investment Group», управляющий активами и инвестор в различных отраслях промышленности и университетского образования, издатель серии «Global Energy». E-mail: rohtravel@gmail.com.

Пастор Тьерри – доктор философии (Ph.D.) в области правовых и политических наук, международный политический советник, специализирующийся на нефтегазовой геополитике и глобальной безопасности. E-mail: p.russo@unilink.it.

придерживается левых взглядов. Господин Макрон блестяще сумел вырваться из действующих рамок, проведя кампанию по сбору средств, обещая новые политические веяния во Франции, характерной чертой которых стали открытость и прагматизм. Его стремление достичь своих целей требовало безоговорочной победы и получения власти в стране, однако не все вершины еще были завоеваны. Президенту Макрону пришлось снова убеждать французский электорат в необходимости получить парламентское большинство, что дает ему возможность более свободно выстраивать свой политический курс, согласуя его с лояльным ему парламентским большинством. Такое положение дел позволяет новому президенту начать разработку эффективной энергетической политики своей страны.

Внимание избирателей к выступлениям популистских партий, несомненно, увеличивается. Последние региональные выборы во Франции показали, что поддержка, оказанная партии «Национальный фронт», является не просто выражением мнения политического меньшинства. Протестное голосование все больше поддерживало идеи национализма и патриотизма. Что касается кандидата Жан-Люка Меланшона, противника госпожи Ле Пен на политической арене Франции, то он собрал 19,58 % голосов в первом туре президентских выборов, за Макрона же проголосовало 24,01 %; госпожа Ле Пен, к слову, получила 21,3 %, а господин Ф. Фийон – 20,01 %. Другими словами, два основных популистских кандидата (Марин Ле Пен и Жан-Люк Меланшон) получили более 40 % голосов в первом туре, в то время как кандидаты от двух основных традиционных партий (Социалистическая партия и республиканцы) – всего 26 %. Президент Макрон ставит перед собой ряд ключевых для Франции целей и задач. Проявляющееся беспокойство французов в отношении окружающей их политической элиты, казалось бы, колеблет устойчивость его политического положения. Угроза усиления популистского движения будет иметь тенденцию к нарастанию, в случае если в период нового президентского срока электорат почувствует неудовлетворенность от решений действующей власти. Число воздержавшихся во втором президентском раунде также было значительным, хотя «чистые» голоса были многочисленными. Что касается кандидата-социалиста из партии ушедшего президента Франсуа Олланда, то он собрал 6,36 % голосов. Протест электората очевиден: господин Макрон, безусловно, имел право не присоединяться ни к правым, ни к левым политическим силам, хотя это и было большим риском, но игра стоила свеч. Однако новоизбранный президент, по-видимому, ясно осознает свои будущие обязанности и сроки, в которые ему придется объединить электорат, состоящий из непримиримых политических сил.

Традиционно аналитики и другие политические эксперты склонны считать, что новоизбранный президент пользуется трехмесячным льготным периодом. Другими словами, его рейтинг популярности максимален до тех пор, пока не пройдет ощущение праздника от победы. Однако стоит отметить, что Э. Макрон не проявил публичной эйфории или триумфа после оглашения своей победы. Напротив, он сразу заявил, что не будет злоупотреблять поддержкой французского народа. Стоит признать, что президент проявил политическую мудрость. Тем не менее впереди стоят не менее сложные задачи, поскольку собственный курс управления страной еще предстоит выстроить и закрепить, хотя для этого и имеются все предпосылки. Партия Макрона достаточно легко завоевала абсолютное большинство в нижней палате французского парламента – Национальном собра-

нии. В итоге парламентские выборы 2017 г. изменили весь политический ландшафт Франции. Победа оппозиции неотвратимо привела бы к пятилетнему поиску компромиссов и глобальному политическому «недомоганию». Обстановка дисбаланса подкреплялась бы политическими элитами, а также тем фактом, что по Конституции Пятая республика была учреждена как государство с сильной политической властью президента, указания которого должны были исполняться всеми членами парламента, в том числе и главой правительства. Конституция 1958 г. признает сосуществование двух полярных институтов и предоставляет премьер-министру министерскую подпись, которая придает ему особый вес на политической арене. Эта гипотетическая ситуация сосуществования власти президента и премьер-министра в течение пятилетнего срока могла бы актуализировать вопрос о возможном устаревании французской Конституции. По крайней мере, необходимо было бы вносить определенные поправки в Конституцию.

Президент Макрон выиграл президентские выборы в конце официальной кампании, в ходе которой он проявил талант политической стратегии. Будет ли этого достаточно, чтобы и в дальнейшем оставаться столь же успешным? Ясный ответ на этот вопрос даст только время. Что касается получения одобрения большинства депутатов в Национальном собрании, то теперь президент Республики является истинным руководителем исполнительной власти, что позволяет ему эффективно управлять Францией и особенно ее энергетической политикой. Поскольку наше исследование сосредоточено на энергетической теме, мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что основные общественные энергетические решения принимаются политическими лидерами страны. Однако в зависимости от изменений в правительстве энергетическая политика может развиваться одинаково предсказуемо. Так, например, хотя американский президент Б. Обама был приверженцем поощрения и развития программ в области возобновляемых источников энергии, его преемник, президент Д. Трамп, явно уделяет приоритетное внимание ископаемым видам топлива.

Скорость развития данной ситуации может возрасти. Что касается Франции, то на протяжении многих лет французские общественные директивные органы продвигают национальный энергетический комплекс, целью которого является сокращение его зависимости от ископаемого топлива и его общего негативного воздействия на окружающую среду. Президент Макрон, похоже, является частью этого национального руководства, в котором учитываются обязательства, взятые Францией в отношении Европейского союза и Организации Объединенных Наций. Международное сообщество приветствовало избрание Макрона; теперь настало время реализации энергетической политики, выдвинутой в ходе его победоносной президентской кампании.

Следует отметить, что энергетика не была основной темой проводимой кампании на президентских выборах во Франции в 2017 г. В своей программе господин Макрон не рассматривал вопрос об энергетике напрямую, хотя заявил о желании постепенного, но общего сокращения потребления энергии во Франции. Он озаботился вопросами, касающимися окружающей среды и экологии. Э. Макрон разработал энергетическую программу, которая является частью общей французской тенденции содействия развитию возобновляемых источников энергии вместо ископаемого топлива. Программа Макрона не произвела революцию, если мы ссылаемся на обязательства, данные Францией в отношении Европейского союза

и крупных дипломатических конференций Организации Объединенных Наций по климату. Следует напомнить, что Конференция по климату (COP21) 2015 г. была проведена в Париже. Франция обязалась сократить выбросы парниковых газов в течение последующих нескольких лет. Для достижения своих целей она направит усилия на сокращение потребления ископаемого топлива и продвижение программ, посвященных возобновляемым источникам энергии. Однако президент Макрон подходит к проблеме энергетики по-своему. Безусловно, его идеи весьма похвальны по существу. На деле же они могут столкнуться с некими трудностями. Совокупность французских энергетических ресурсов иллюстрирует тренд увеличения потребления экологически чистых ресурсов в совокупности показателей всех энергетических ресурсов. Мы не оспариваем результаты, достигнутые Францией в последние годы с точки зрения эффективности борьбы с выбросами парниковых газов. Тем не менее мы сомневаемся в способности французских граждан вкладывать значительные средства в устойчивое развитие в секторах, которые оставили не только хорошие впечатления, особенно в том, что касается фотогальванической энергии.

Президент Э. Макрон является ярким сторонником Европейского союза и, даже став председателем Совета министров, он остался министром экономики, промышленности и цифровых технологий. Его позиции по энергетике можно считать классическими, поскольку его основные идеи требуют сокращения выбросов парниковых газов и растущей доли возобновляемых источников энергии в производстве и потреблении энергии во Франции. Он твердо заявил о своем желании следить за действием французского практического закона в связи с Законом об энергетическом переходе и о биоразнообразии. Можем ли мы считать, что господин Макрон сможет выполнить свои предвыборные обязательства? Возможно. Он возобновит энергетическую государственную политику, которая действует уже на протяжении многих лет. Дело не только в строительстве и вводе в эксплуатацию новых источников энергии. Предложения, скорее всего, будут сделаны, но его общая энергетическая программа не предназначена для того, чтобы нарушить или разрушить энергетическую политику, уже внедренную во Франции. Президент Макрон видит в выбросах парниковых газов причину глобального потепления, а его идеи свидетельствуют о решимости сократить использование ископаемого топлива во Франции. Это решение полностью совпадает с Парижским соглашением о климате, а также с целями Европейского союза, который требует сокращения как минимум 40 % выбросов парниковых газов по сравнению с 1990 г., причем доля возобновляемых источников энергии вырастет не менее чем на 27 % по отношению к общему потреблению энергии, что увеличит энергоэффективность на 27 % или более к 2030 г. В недалеком будущем (2050 г.) Европейский союз планирует сократить выбросы парниковых газов в диапазоне от 80 до 95 % по сравнению с 1990 г. Это очень амбициозно, но государства – члены ЕС играют по правилам. Следует также помнить, что в период с 2003 по 2007 г. Франция входила в число пяти государств – членов Европейского союза (Франция, Германия, Соединенное Королевство, Швеция и Греция), которые уже достигли уровня выбросов парниковых газов, оказавшегося ниже того, который был определен Киотским протоколом. Поэтому весьма вероятно, что президент Макрон продолжит энергетическую политику своих предшественников.

Его программа более благоприятна для экологии и окружающей среды. Он сказал, что 250 млн человек в 2050 г. будут «климатическими беженцами». Откровенно говоря, это шокирующая статистика, и она мотивирует на то, чтобы узаконить его резолюцию о сокращении выбросов парниковых газов во Франции. Таким образом, Макрон выступает за частные инвестиции и планирует удвоить производственные мощности ветровых и фотоэлектрических ферм, мобилизуя 30 млрд евро в период своего президентского срока. Это будут средние ежегодные инвестиции в размере около 6 млрд евро. Проект кажется очень амбициозным с точки зрения реальности французского фотоэлектрического рынка, который в течение нескольких лет имел дурную репутацию из-за недобросовестных предпринимателей, злоупотреблявших доверием частных вкладчиков или клиентов. Хотя закон об энергетическом переходе во Франции предлагает финансовую помощь тем, кто хочет использовать фотогальванические установки для личных нужд, все еще не ясно, сможет ли французское государство получить необходимое количество частных инвестиций у своих налогоплательщиков. Часть населения больше не доверяет промышленной фотогальванической энергетике.

В заключение следует подчеркнуть, что если президент Макрон желает сократить общее потребление энергии за счет новых технологических достижений, в том числе связанных с городскими проектами, это действительно может позволить достичь поставленной цели. Однако Франция зависит от импорта основных сырьевых энергетических ресурсов. Из-за падения цен на нефть она смогла извлечь выгоду из сокращения общих расходов на электроэнергию. Дальнейшее резкое повышение цен на нефть может оказать в целом значительное экономическое воздействие на страну. В Законе об энергетическом переходе говорится об уменьшении доли ядерной энергии во французской электроэнергии, которая снизит ее до 50 % к 2025 г. вместо 75 % на сегодняшний день. Этот закон является частью французской политики, касающейся соблюдения ее международных обязательств, но, несмотря на заявленные амбиции господина Макрона в отношении возобновляемых источников энергии, неясно, как страна сможет заменить ядерную энергетику на что-то другое, не менее эффективное. Экология и окружающая среда являются популярными и заслуживающими особого внимания темами французской государственной политики, но оптимизация условий жизни людей во Франции и в мире не может скрыть экономическую реальность, которая стремится оптимизировать издержки производства, необходимость импорта, эффективность процесса и других факторов, которые обязательно влияют на энергетический баланс страны. Ядерная энергетика в настоящее время является лучшим французским энергетическим активом. Это единственное, что позволяет ограничить потребление энергетических ресурсов, загрязняющих окружающую среду. Возможно, слишком рано сокращать долю ядерной энергии в национальном производстве электроэнергии в предстоящие годы.

*Перевод с английского А. Айвазовой и В. Ольховской
(ФГП МГУ имени М. В. Ломоносова)*

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Omelchenko Nikolay V. On the Metaphysical Foundations of Tyranny (pp. 3–13).

Kovalev Yuri A. New Geopolitical Reality and Issues of Ideology (pp. 14–22).

Snakin Valery V. Globalization and Sociobiology (pp. 23–32).

Kovylin Yuri A., Mamedov Nizami M. Formation and Development of the Technology Sphere: Prospects for Harmonization (pp. 33–44).

Processes of globalization

Balashova Natalya A. Virtualization of Violence as a Megatrend of Social Evolution (pp. 45–54).

Mahamatov Tahir M. From the Era of Globalization to Neoglobalization: A Cultural-Civilizational Aspect (pp. 55–61).

Avdeeva Irina A. Global Ethics and Local Selfishness (pp. 62–67).

Global issues

Rosenberg Gennadiy S. Noosphere Frame of Cities, Ecological Capitals of River Basins and Sustainable Development in the Age of Globalization (pp. 68–81).

Vasetsova Elena S. Algeria in the Context of Regional Security in the Middle East (pp. 82–91).

Nitschke Peter. Migration, Equality and Inequality in a Globalized World: Paradox of Rethinking of a Nation-State (pp. 92–99).

Nature, society, and humans

Vorobyeva Olga D., Aleshkovsky Ivan A., Grebenyuk Alexander A. Transformation of the Russian Emigration at the Turn of the 20th – 21st Centuries (pp. 100–111).

Beregovaya Oksana A., Kudashov Vyacheslav I. Globalizing World and the Transformation of Higher Education (pp. 112–121).

Roh Stephan, Pastor Thierry. Presidential Elections in France and Energy Stakes (pp. 122–126).

Уважаемые читатели!

Доводим до вашего сведения, что со второго полугодия 2017 г. журнал «Век глобализации» внесен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включенных Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мировоззренческий механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономика, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 4(24), 2017. – 128 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Технический редактор *К. Р. Таишанова*

Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*

Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71. E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 27.10.2017. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,32. Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10